

ISSN 2500 -2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (20) 2016

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (20) 2016

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2016

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (20) 2016

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2016

CONTENTS

No 1 (20) 2016

Maria Bezenova (Kaysina). The Udmurt written monument “Christian admonition of Saint Tikhon in the Votyak language” of 1891 («Ӗеч кылӗс. Святой Тихонлэн ӗечлы дышетэм кылӗсьыз»): graphic and vocalic features	7
Ramilya Karimova, Rida Latypova. Written sources in the Bashkir language of the late XIX th — the early XX th century.....	41
Sofia Oskolskaya. Actional classification of verbs in Nanai	53
Alexandr Savelyev. The Chuvash translation of one sermon of the mid-XIX th century	68
Nikolay Urtegeshev. The phonetics of the Chulym language according to the recordings of the 1970s	105
Style sheet	111
How to subscribe	114

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (20) 2016

М. П. Безенова (Кайсина). «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» 1891 г. («Зеч кылъёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кылъёсыз»): графические и вокалические особенности	7
Р. Н. Каримова, Р. М. Латыпова. Письменные источники по башкирскому языку конца XIX — начала XX века	41
С. А. Оскольская. Акциональная классификация глаголов в нанайском языке	53
А. В. Савельев. Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века	68
Н. С. Уртегешев. Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века	105
Требования к оформлению статей.....	111
Как подписаться	114

Главный редактор
А. В. Дыбо
(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора
Ю. В. Норманская
(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), Д. М. Насилов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонги (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Широкова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbeyev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmuulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Dmitriy Nasilov (Lomonosov Moscow State University), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Sleptsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

**«Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» 1891 г.
 («Ӝеч кыльёс. Святой Тихонлэн Ӝечлы дышетэм кыльёсыз»):
графические и вокалические особенности¹**

1. Введение

Памятники письменности представляют собой бесценный материал для ученых, которые занимаются вопросами развития того или иного языка, реконструируют язык и устную речь определенного исторического периода.

На данный момент известно более 400 наименований дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке². Часть из них уже описана, в частности, подобные исследования представлены среди работ В. В. Напольских [Напольских 1998, 2001, 2002], И. В. Тараканова [Тараканов 1959, 1965], В. И. Алатырева [Алатырев 1975а, 1975б, 1976, 1977], В. М. Вахрушева [Вахрушев 1975, 1976], Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1965, 1971, 1973, 1995], Л. М. Ившина [Ившин 2009] и др. Рассмотрению азбук на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка и первых переводов Евангелий на удмуртский язык посвящены труды В. К. Кельмакова [Кельмаков 2004, 2007; Кельмаков 2008: 49—105], Б. И. Каракулова [Каракулов 1987, 2000], А. Ф. Шутова [Шутов 1997], Л. М. Ившина [Ившин 2009] и некоторых других ученых. Фонетические особенности четырех переводов Евангелий [Иоанн; Марк; Матфей Глаз.; Матфей Сар.] и двух азбук [Азбука Глаз.; Азбука Сар.] на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка были описаны и нами в диссертационном исследовании «Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов)» [Безенова 2014: 38—71].

В основу двух азбук [Азбука Глаз.; Азбука Сар.] легли сокращенные переводы Священной Истории и Катехизиса. Обе книги были изданы в Казани в 1847 г. В этом же году в Казани вышли в свет еще два издания с переводами Евангелий от Матфея и Марка на глазовском и сарапульском диалектах удмуртского языка, хотя переводить их начали еще в 1818 г. В отличие от остальных, перевод «Евангелия от Иоанна» не был издан и сохранился на данный момент лишь в рукописном варианте. Кроме того, в этом источнике, по сравнению с другими [Азбука Глаз.; Азбука Сар.; Марк; Матфей Глаз.; Матфей Сар.], нет пометы о его диалектной принадлежности. По данным П. Н. Луппова, над этим переводом работали «священник с. Дебесь Павелъ Тронинъ и священникъ с. Балезинскаго Стефанъ Анисимовъ», т. е. Евангелие было «переведено по глазовскому нарѣчию» [Луппов 1905: 11]. Однако в статье «Особенности перевода “Евангелия от Иоанна” на удмуртский язык в начале XIX века» А. В. Камитова и Л. М. Ившин пишут: «в тексте есть ряд слов, которые характерны именно для глазовского диалекта, входящего в северную диалектную группу (...). С другой стороны, в некоторых словах присутствуют фонетические особенности, которые в начале XX в., судя по материалам словаря [Wichmann 1987], были свойственны сарапульскому и малмыжскому диалектам, относящимся к срединной группе (...).» [Камитова, Ившин 2012: 15]. К сожалению, рассмотрение диалектных изоглосс данного памятника также не позволило нам надежно определить его диалектную принадлежность из-за отсутствия явных инновационных черт.

В общем же при анализе этих шести памятников [Азбука Глаз.; Азбука Сар.; Иоанн; Марк; Матфей Глаз.; Матфей Сар.] было установлено, что практически все особенности употребления согласных, отмеченные в исследуемых памятниках, являются либо графическими приемами, либо архаизмами, которые отражены и в словаре [Wichmann 1987]:

- 1) употребление в анлауте билабиального *ɥ* (графически *ув*) перед *а*;
- 2) употребление *č* перед *к* в инлауте вместо литер. *ш*;
- 3) сохранение твердого характера *н* после переднерядного *и*;
- 4) употребление *у* (*ɥ*) в соответствии с литер. *л*;
- 5) употребление *ч* в соответствии с литер. *с'*;
- 6) употребление *м* в соответствии с литер. *н*;
- 7) употребление *н* в соответствии с литер. *м*;
- 8) употребление в анлауте *й* в соответствии с литер. *л'*.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00361а «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках» (рук. Ю. В. Норманская).

² Каталог дореволюционных книг и рукописей на удмуртском языке см. в [Каракулов 2006: 114—200].

Что касается особенностей вокализма, выявленные нами изоглоссы, как первого, так и непервого слога, не имеют системного характера. Как правило, на каждое соответствие удается подобрать не более двух лексем. Исключение составляют лишь три особенности, располагающие широким кругом примеров:

- 1) спорадическое употребление *ы* ~ *и* в соответствии с литер. *э* во втором слоге;
- 2) употребление *у* в соответствии с литер. *ы* в первом слоге;
- 3) спорадическая прогрессивная ассимиляция по огубленности.

Таким образом, спорадический характер большинства изоглосс не позволил нам с уверенностью определить инновационный или архаический характер того или иного языкового явления.

В целом проведенный анализ дал нам определенную информацию относительно хронологии языковых изменений от праудмуртского языка к современным диалектам. «Поскольку в памятниках с точки зрения вокализма фактически отсутствуют существенные отклонения от литературного удмуртского, можно предположить, что изменения вокализма, которые произошли при развитии от праудмуртского языка к современным северным и срединным говорам, на момент создания памятников уже имели место. А архаический облик консонантизма в памятниках указывает на то, что его изменения произошли уже после первой половины XIX в.» [Безенова 2014: 70—71].

Позднее нами были поверхностно рассмотрены еще шесть памятников удмуртской письменности XIX — начала XX вв. Это четыре перевода: «Священная история Нового и Ветхого Завета на вотском языке» (Казань, 1877), «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» («*Жеч кылъёс. Святой Тихонлэн жечлы дышетэм кылъёсыз*»; Казань, 1891), «Последование Пасхи на вотском языке» («*Быдзым нунал вöсьёс*»; Казань, 1895), «Часослов на вотском языке» (Казань, 1908) — и два словаря: рукописный «Словарь языка вотского» (1816) и «Краткий славяно-вотский словарь: Пособие к чтению и пониманию церковнославянского текста Нового Завета (Опыт). Для казанских вотяков» (Казань, 1897).

Предварительный анализ показал, что во всех памятниках, кроме рукописного «Словаря языка вотского» (1816), явно присутствует ряд диалектных изоглосс, отличающих язык этих памятников от литературного удмуртского языка. И в то же время эти особенности в данных пяти памятниках очень похожи и представлены практически в одних и тех же лексемах. В *Таблице 1* приведены основные особенности и отмечено наличие / отсутствие определенной изоглоссы в том или ином рассмотренном памятнике.

Таблица 1

Особенности	Памятники				
	«Священная история...» (1877)	«Наставление...» (1891)	«Последование Пасхи...» (1895)	«Краткий славяно-вотский словарь...» (1897)	«Часослов...» (1908)
употребление <i>н'</i> в соответствии с литер. <i>н</i>	+	+	+	+	+ / -
употребление <i>л'</i> в соответствии с литер. <i>й</i> (в анлауте)	+	+	+	+	+
употребление <i>дз</i> в соответствии с литер. <i>жэ</i> (графически <i>дэ</i>)		+	+	+	+
выпадение начальной <i>с</i>		+	+	+	
употребление <i>з'</i> в соответствии с литер. <i>жэ</i>	+	+	+		
употребление <i>ч</i> в соответствии с литер. <i>тс</i>		+		+	+
употребление <i>ч</i> в соответствии с литер. <i>с'</i>		+		+	+
употребление <i>ы</i> в соответствии с литер. <i>и</i>	+	+	+	+	+
употребление <i>ү</i> в соответствии с литер. <i>у</i>	+	+	+	+	
употребление <i>ө</i> в соответствии с литер. <i>о</i>		+	+	+	
употребление <i>ы</i> в соответствии с литер. <i>у</i>	+			+	+
употребление <i>и</i> в соответствии с литер. <i>ы</i>		+	+		+

Однако сходу определить, какое именно наречие легло в основу того или иного памятника письменности, невозможно, поскольку в некоторых памятниках встречаются особенности, свойственные разным современным диалектным типам, и в связи с этим важна статистика и полная роспись памятника.

Один из данных памятников нами уже расписан. Это «Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (Казань, 1891). Конкорданс данного памятника можно найти на сайте LingvoDoc по адресу: <http://lingvodoc.ispras.ru/>. Ниже приведем анализ графических и вокалических особенностей этого памятника с учетом статистических данных.

2. Графические особенности памятника

Перед выявлением фонетических особенностей памятника необходимо проанализировать его графика. Алфавит памятника состоит из 45 букв:

А	а		Ж	ж	Н	н		Ф	ф
Б	б		Јж	јж	О	о		Х	х
В	в		И	и		ö			ц
Г	г		І	і	П	п		Ч	ч
Д	д			й		р		Ш	ш
Ј	ј		К	к	С	с			щ
Е	е		Л	л	Ѕ	ѕ		Ы	ы
	ё			д	Т	т			ь
	ж		М	м		џ			џ
	дж		Н	н	У	у		Э	э
З	з		Њ	њ		ў			ю
									я

В рассматриваемом памятнике можно выделить некоторые графические особенности.

Аффрикаты /č/, /ǰ/, /č̣/, /ǰ̣/, которые в современном удмуртском литературном языке передаются буквами *ч̣*, *ж̣*, *ч* и *ж* соответственно, в памятнике графически выражены следующим образом:

/č/ буквой *ц*: *кортцогоаҥкыса* ‘распяв себя’ [с. 8, строка 16] — литер. *кортчогаськыса*; *көщце* ‘какой’ [с. 37, строка 4; с. 51, строка 14; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 58, строка 10; с. 58, строка 12] — литер. *кычце*; *тащце* ‘такой’ [с. 57, строка 14] — литер. *тачце*; *щощатыса* ‘сравнивая, сравнивь’ [с. 29, строка 1; с. 43, строка 24; с. 46, строка 5] — литер. *чошатыса*;

/ǰ/ буквосочетанием *дж*: *джутыҥкемзе* ‘его поднятие’ [с. 16, строка 5] — литер. *жсутійськемзэ*;

/č̣/ буквой *ч*: *чиданы* ‘терпеть’ [с. 19, строка 10] — литер. *чиданы*; *чебер* ‘красивый || красиво || красота’ [с. 30, строка 3; с. 31, строка 24; с. 32, строка 15; с. 32, строка 18; с. 32, строка 19; с. 32, строка 22] — литер. *чебер*; *сүресчи* ‘путник’ [с. 24, строка 7; с. 24, строка 10] — литер. *сюресчи*; *капчи* ‘легкий’ [с. 59, строка 18] — литер. *капчи*; *валче* ‘вместе’ [с. 8, строка 14; с. 16, строка 2; с. 29, строка 15; с. 34, строка 17; с. 43, строка 13; с. 46, строка 10; с. 47, строка 23; с. 53, строка 3] — литер. *валче*;

/ǰ̣/ буквосочетанием *лж*: *лжечлыг* ‘доброта; благодать’ [с. 9, строка 14; с. 26, строка 22] — литер. *жечлык*; *лжечкын* ‘по-хорошему’ [с. 42, строка 4; с. 61, строка 23] — литер. *жечкын*; *алжыны* ‘увидеть, видеть’ [с. 26, строка 21; с. 45, строка 12; с. 51, строка 24; с. 57, строка 15] — литер. *аджыны*; *күлжэуны* ‘опьянеть, пьянеть’ [с. 21, строка 2; с. 21, строка 4] — литер. *куджыны*; *кураджон* ‘мучение, страдание’ [с. 11, строка 18; с. 14, строка 23; с. 30, строка 10; с. 31, строка 4; с. 31, строка 5; с. 45, строка 21; с. 52, строка 9; с. 53, строка 9; с. 55, строка 1; с. 57, строка 24] — литер. *курадзон*.

Мягкие согласные фонемы в источнике обозначены особыми буквами:

/d'/ буквой *л*: *алами* ‘человек’ [с. 11, строка 20; с. 12, строка 19; с. 32, строка 19; с. 50, строка 5; с. 51, строка 8] — литер. *адями*; *килокын* ‘далеко’ [с. 33, строка 15] — литер. *кыдёкын*; *сулит* [с. 22, строка 21; с. 30, строка 9] (ср. *судит* [с. 52, строка 7]) < рус. *судить*; *ларатыны* ‘любить, уважать’ [с. 18, строка 11; с. 18, строка 14; с. 18, строка 23; с. 49, строка 9] — литер. *яратыны*; *лун* ‘твердо’ [с. 36, строка 14; с. 52, строка 15] — литер. *юн*;

/z/ буквой *ж*: *аже* ‘перед, к’ [с. 8, строка 18; с. 33, строка 8; с. 33, строка 17; с. 40, строка 13; с. 62, строка 10] — литер. *азе*; *вижмо* ‘умный’ [с. 41, строка 14] — литер. *визмо*; *вожманы* ‘ждать, ожидать’ [с. 55, строка 7; с. 55, строка 11] — литер. *возманы*; *вожыны* ‘держат’ [с. 21, строка 23; с. 61, строка 23] — литер. *возыны*; *толэж* ‘луна’ [с. 13, строка 21] — литер. *толэзь*;

/l/ буквой *л*: *лукет* ‘доля, часть’ [с. 23, строка 15] — литер. *люкет*; *валдьян* ‘раньше’ [с. 27, строка 20] — литер. *валлян*; *голыш* ‘голый, нагой’ [с. 11, строка 4; с. 14, строка 14; с. 28, строка 20] — литер. *голык*;

виц ‘новый || новое’ [с. 31, строка 23; с. 32, строка 3; с. 32, строка 5; с. 32, строка 6; с. 42, строка 16] — литер. *выль*; *пел* ‘ухо, уши’ [с. 34, строка 2] — литер. *пель*;

/n'/ буквой *н*: *н*арак ‘совсем, целиком’ [с. 4, строка 12; с. 35, строка 6; с. 38, строка 14] — литер. *ня*рак; *ваньбур* ‘добро, богатство’ [с. 29, строка 2] — литер. *ваньбур*; *куньмети* ‘третий’ [с. 39, строка 5] — литер. *куиньметй* / *куинетй*; *уллаң* ‘вниз’ [с. 59, строка 16] — литер. *уллаңь*; *мытлаң* ‘неверный’ [с. 60, строка 14] — литер. *мыдлаңь*;

/s'/ буквой *с*: *сион* ‘пища, еда’ [с. 20, строка 14; с. 20, строка 16] — литер. *сиён*; *сүрес* [с. 47, строка 2; с. 47, строка 7; с. 48, строка 6; с. 48, строка 7] — литер. *сюрес* ‘дорога, путь’; *бастыны* ‘брат, взять’ [с. 21, строка 2; с. 31, строка 15; с. 55, строка 6] — литер. *басътыны*; *вишон* ‘болезнь’ [с. 57, строка 22] — литер. *висён*; *дас* ‘готовый’ [с. 41, строка 14; с. 63, строка 1] — литер. *дась*;

/t'/ буквой *т*: *вितыны* ‘ждать’ [с. 51, строка 10] — литер. *вительны*; *коть*, *кинь* ‘каждый’ [с. 61, строка 9] — литер. *котькин*; *коть*, *кытын* ‘везде, всюду’ [с. 19, строка 10; с. 34, строка 16; с. 41, строка 12; с. 41, строка 20; с. 62, строка 11] — литер. *котькытын*; *коть* ‘хоть, хотя’ [с. 45, строка 15; с. 59, строка 9] — литер. *коть*; *веть* ‘ведь’ [с. 21, строка 19] — литер. *веть* / *ведь*.

Однако в некоторых случаях вместо предполагаемых букв, обозначающих мягкие согласные, употреблены соответствующие им знаки для твердых *д*, *л*, *н*, *с* (аналогичных примеров с *з* и *т* в памятнике не нашлось). При этом те же слова на другой странице памятника или даже на той же странице могут встретиться и с графемами *л*, *л*, *н*, *с*, которые, как было указано выше, обозначают мягкие согласные: *жалятэк* ‘не пожалев’ [с. 53, строка 15] (ср. *жалятэк* [с. 16, строка 12]) — литер. *жалятэк*; *али* ‘сейчас’ [с. 16, строка 19; с. 16, строка 20; с. 32, строка 4; с. 33, строка 15; с. 45, строка 7; с. 53, строка 8] — литер. *али*; *кижилйос* ‘звезды’ [с. 13, строка 21] — литер. *кизилийос*; *сиңкилиеныд* ‘твоими слезами’ [с. 44, строка 10] (ср. *сиңкилиеныд* [с. 38, строка 10]) — литер. *синкылиеныд*; *куанер* ‘бедняк || бедный || бедно’ [с. 36, строка 2; с. 36, строка 11; с. 44, строка 21] (ср. *куаньер* [с. 9, строка 15; с. 9, строка 19; с. 31, строка 16; с. 35, строка 10; с. 35, строка 16]) — литер. *куанер*; *нимзе* ‘его имя’ [с. 8, строка 22; с. 21, строка 1] (ср. *нймзе* [с. 7, строка 21; с. 8, строка 1; с. 8, строка 3; с. 8, строка 5; с. 8, строка 7; с. 8, строка 23; с. 9, строка 2; с. 17, строка 11; с. 21, строка 3]) — литер. *нимзэ*; *сийыса* ‘съем’ [с. 27, строка 2] — литер. *сийыса* (ср. *си* ‘ешь’ [с. 20, строка 16] — литер. *си*); *усёса* ‘упав’ [с. 53, строка 24] — литер. *усыса* (ср. *ушон* ‘падение’ [с. 31, строка 6] — литер. *усён*); *судить* [с. 52, строка 7] (ср. *сулить* [с. 22, строка 21; с. 30, строка 9]) < рус. *судить*. Общее количество лексем и словоформ с мягким и твердым вариантом данных согласных в памятнике в соответствии с мягкими литературными представлено ниже (см. Табл. 2). Большая часть тех случаев, в которых при мягких согласных литературного языка в памятнике употребляются знаки для твердых согласных, предшествует передним и йотированным гласным (см. Табл. 3).

Таблица 2

удм. мягкие	соответствующие мягкие согласные в памятнике	кол-во лексем	кол-во словоформ	соответствующие твердые согласные в памятнике	кол-во лексем	кол-во словоформ
/д'/	л	3	4	д	1	
/з'/	жс	39	39	з		
/л'/	л	36	52	л	5	5
/н'/	н	37	42	н	6	13
/с'/	с	141	374	с	2	5
/т'/	т	22	23	т		

Таблица 3

удм. мягкие	соответствующие мягкие согласные в памятнике	кол-во лексем	кол-во словоформ	соответствующие твердые согласные в памятнике	кол-во лексем	кол-во словоформ
/д'/	л	1		д	1	
/з'/	жс	4	12	з		
/л'/	л	8	10	л	5	3
/н'/	н	9	27	н	6	12
/с'/	с	11	34	с	2	1
/т'/	т	1	2	т		

Из приведенных выше примеров видно, что там, где встречаются варианты написания одного и того же слова и с буквой, обозначающей твердый согласный, и с графемой, передающей мягкий согласный, в количественном отношении преобладают слова с *л, љ, њ, џ*, поэтому соответствующие варианты с *д, л, н, с*, видимо, можно отнести к исключениям из правил либо считать, что их мягкость передается последующими гласными *е, ё, ю, я, и* и мягким знаком. При этом йотированные гласные, как правило, встречаются и после *л, џ, љ, њ, џ, ть*. В Таблицах 4 и 5 приводится количество лексем и словоформ в памятнике с различными гласными после *л, џ, љ, њ, џ, ть*.

Таблица 4

согласные	количество лексем с последующими гласными												
	<i>е</i>	<i>ё</i>	<i>ю</i>	<i>я</i>	<i>э</i>	<i>о</i>	<i>у</i>	<i>а</i>	<i>и</i>	<i>ы</i>	<i>ў</i>	<i>ө</i>	<i>і</i>
<i>л</i>	1			1		2	9	12	1	4	3	2	
<i>џ</i>	5					2		6	1	15			
<i>љ</i>	3	1	2	6			11		1	3			1
<i>њ</i>	6			3			1	4	4	5			
<i>џ</i>	2			12		7	9	5	5	1	7	7	3
<i>ть</i>	1	1								5			
всего	18	2	2	22	0	11	30	27	12	33	10	9	4

Таблица 5

согласные	количество словоформ с последующими гласными												
	<i>е</i>	<i>ё</i>	<i>ю</i>	<i>я</i>	<i>э</i>	<i>о</i>	<i>у</i>	<i>а</i>	<i>и</i>	<i>ы</i>	<i>ў</i>	<i>ө</i>	<i>і</i>
<i>л</i>	1	1				7	9	15	2	2	1	3	
<i>џ</i>	11					5		8	3	12			
<i>љ</i>	7	1	3	14		1	13		2	4			1
<i>њ</i>	7	14		7		5			3	3			
<i>џ</i>	16			18		27	12	2	12	2	9	11	8
<i>ть</i>	2	20		3		2				7			
всего	44	36	3	42	0	47	34	25	22	30	10	14	9

Как видим, после *л, џ, љ, њ, џ, ть* всегда следует гласная *е* (нет ни одного случая с гласной *э* ни в лексемах, ни в словоформах). В лексемах йотированные *ё, ю, я* после *л, џ, љ, њ, џ, ть* менее употребительны по сравнению с соответствующими нейотированными *о, у, а*. В словоформах нейотированный *у* также значительно более употребителен по сравнению с *ю, о* чуть превосходит в количественном отношении *ё*, а вот *а*, напротив, менее употребителен по сравнению с соответствующим йотированным *я*.

Сочетания */je/, /jo/, /ja/, /ju/*, которые в литературном удмуртском графически передаются буквами *е, ё, я* и *ы* (или сочетанием *йы*) соответственно, в памятнике выражены следующим образом:

1. */je/* графически передается

а) буквой *е*: *кулэзия* ‘в должной мере’ [с. 40, строка 10] — литер. *кулэзья; кужо,е* ‘мой хозяин’ [с. 41, строка 15] — литер. *кузёе; арберіез* ‘его вещь’ [с. 32, строка 11] — литер. *арбериез; зарніен* ‘с золотом’ [с. 53, строка 10] — литер. *зарниен; книгаез* ‘книгу’ [с. 3, строка 12; с. 3, строка 17] — литер. *книгаез*;

б) сочетанием *іе*: *Атаіезлы* ‘его отцу’ [с. 50, строка 24] — литер. *атаезлы; книгаіе* ‘в книгу’ [с. 16, строка 18; с. 21, строка 24; с. 22, строка 3] (также *њыгаіе* [с. 21, строка 7]) — литер. *книгае; коркаіез* ‘его дом’ [с. 17, строка 5; с. 32, строка 2] — литер. *коркаез; кужоіез* ‘его хозяин’ [с. 35, строка 7; с. 35, строка 8] — литер. *кузёез; уробоіе* ‘моя телега’ [с. 32, строка 6] — литер. *уробое*;

в) сочетанием *йе*: *Соіе* ‘его’ [с. 10, строка 1] (ср. *Соіе, соіе* [с. 4, строка 19; с. 5, строка 1; с. 6, строка 14; с. 8, строка 8; с. 11, строка 11; с. 12, строка 12; с. 12, строка 22; с. 15, строка 14; с. 17, строка 7; с. 20, строка 22; с. 20, строка 24; с. 22, строка 5; с. 23, строка 13; с. 39, строка 18; с. 57, строка 11; с. 58, строка 8], *сое* [с. 39, строка 2]) — литер. *сое; шундыіез* ‘солнце’ [с. 10, строка 22] — литер. *шундыез; анайедлиц* ‘у твоей матери’ [с. 10, строка 1] — литер. *анаедлэсь*.

2. */jo/* передается

а) сочетанием *іо*: *пайдаіо* ‘полезный’ [с. 5, строка 7; с. 11, строка 6; с. 19, строка 21; с. 20, строка 3; с. 20, строка 4; с. 20, строка 7] — литер. *пайдаё; кыліос* ‘слова’ [с. 17, строка 10; с. 22, строка 11] — литер.

кыльёс; *ыжюсы* ‘мои овцы’ [с. 47, строка 8; с. 47, строка 12] — литер. *ыжъёсы*; *амалиос* ‘методы’ [с. 25, строка 19; с. 25, строка 21] — литер. *амальёс*; *куанъериослы* ‘бедным’ [с. 36, строка 7] — литер. *куанеръёслы*;

б) буквой *о*: *џион* ‘пища, еда’ [с. 20, строка 14; с. 20, строка 16] — литер. *сиён*; *аламиос* ‘люди’ [с. 60, строка 4] — литер. *адямиос*; *аламиосыз* ‘людей’ [с. 60, строка 9] — литер. *адямиосыз* / *адямиосты*; *кижиліос* ‘звезды’ [с. 13, строка 21] — литер. *кизилиос*; *кижиліосыз* ‘звезды’ [с. 10, строка 23] — литер. *кизилиосыз* / *кизилиосты*;

в) сочетанием *йо*: *ужйос* ‘дела’ [с. 49, строка 16; с. 52, строка 20; с. 53, строка 1] (ср. *ужіос* [с. 7, строка 5; с. 7, строка 12; с. 10, строка 15; с. 18, строка 17; с. 18, строка 24; с. 23, строка 5; с. 23, строка 22; с. 29, строка 22; с. 44, строка 6; с. 44, строка 9; с. 45, строка 2; с. 49, строка 11; с. 51, строка 18; с. 55, строка 17; с. 56, строка 3; с. 56, строка 10; с. 56, строка 13; с. 57, строка 20; с. 63, строка 4]) — литер. *ужъёс*; *ужйосыз* ‘дела’ [с. 49, строка 17] (ср. *ужіосыз* [с. 4, строка 22; с. 5, строка 8; с. 6, строка 5; с. 6, строка 7; с. 6, строка 8; с. 7, строка 1; с. 8, строка 21; с. 8, строка 22; с. 18, строка 15; с. 18, строка 18; с. 20, строка 8; с. 23, строка 17; с. 23, строка 19; с. 24, строка 1; с. 29, строка 18; с. 29, строка 19; с. 30, строка 19; с. 31, строка 17; с. 33, строка 11; с. 41, строка 19; с. 56, строка 1; с. 56, строка 2; с. 56, строка 4; с. 56, строка 5; с. 57, строка 3; с. 60, строка 22]) — литер. *ужъёсыз* / *ужъёсты*; *макейос* ‘что-то’ [с. 6, строка 17] (ср. *макеіос* [с. 7, строка 8; с. 13, строка 10; с. 14, строка 2; с. 24, строка 15; с. 24, строка 17; с. 35, строка 6; с. 60, строка 12]) — литер. *макеос*; *макейослиџ* ‘от чего-то’ [с. 10, строка 12] (ср. *макеіослиџ* [с. 5, строка 15; с. 9, строка 23; с. 30, строка 4; с. 42, строка 6; с. 55, строка 10]) — литер. *макеослэс*; *сойослы* ‘им’ [с. 52, строка 7] (ср. *сойослы* [с. 47, строка 11]) — литер. *соослы*.

3. /ja/ передается

а) сочетанием *ія*: *кыліяд* ‘согласно твоему слову’ [с. 57, строка 15] — литер. *кыльяд*; *ныпйаса* ‘взвалив на себя ношу’ [с. 46, строка 19] — литер. *ныпъаса*; *мылпотэмезія* ‘по его желанию’ [с. 59, строка 17] — литер. *мылпотэмезья*; *јишяџкыса* ‘хвастая’ [с. 40, строка 23] — литер. *ушъяџкыса*; *дырйя* ‘во время; когда’ [с. 3, строка 18; с. 7, строка 22; с. 8, строка 8; с. 8, строка 9; с. 8, строка 10; с. 8, строка 21; с. 8, строка 23; с. 9, строка 1; с. 9, строка 5; с. 9, строка 18; с. 9, строка 19; с. 9, строка 20; с. 11, строка 1; с. 13, строка 6; с. 19, строка 8; с. 22, строка 21; с. 25, строка 17; с. 27, строка 6; с. 30, строка 9; с. 32, строка 2; с. 32, строка 4; с. 32, строка 6; с. 32, строка 12; с. 33, строка 1; с. 34, строка 5; с. 40, строка 22; с. 45, строка 7; с. 45, строка 21; с. 58, строка 22; с. 58, строка 23; с. 62, строка 21] — литер. *дыръя*;

б) буквой *я*: *Маріялэн* ‘у Марии’ [с. 15, строка 3; с. 15, строка 4] — литер. *Мариялэн*; *виятыса* ‘пролив’ [с. 41, строка 24] — литер. *виятыса*; *иңтыяз* ‘на его месте’ [с. 50, строка 11] (ср. *иңтыяз* [с. 48, строка 1; с. 48, строка 3]) — литер. *интыяз*; *кулэя* ‘по необходимости’ [с. 35, строка 15] (ср. *кулэя* [с. 28, строка 12]) — литер. *кулэя*; *иззян* ‘урон; ущерб’ [с. 45, строка 20] — литер. *изъян*.

4. /ju/ передается

а) сочетанием *йы*: *війыны* ‘убить; умертвить’ [с. 6, строка 3] — литер. *виыны*; *вайыны* ‘привести’ [с. 12, строка 22] — литер. *вайыны*; *кйыыз* ‘его рука’ [с. 56, строка 2] — литер. *кыыз*; *сйыыса* ‘съев’ [с. 27, строка 2] — литер. *сыыса*; *бакчайын* ‘в саду’ [с. 26, строка 24] — литер. *бакчаын*;

б) сочетанием *йы*: *иңтыйыџ* ‘из места’ [с. 54, строка 23; с. 55, строка 2; с. 56, строка 11] — литер. *интыыс*; *иңтыйын* [с. 62, строка 14] (ср. *иңтыйын* ‘в месте’ [с. 19, строка 7]) — литер. *интыын*; *тырмыйыџ* ‘из тюрьмы’ [с. 54, строка 1] < рус. *тюрьма*.

Полная статистика употребления данных сочетаний в памятнике приведена в Таблице 6.

Таблица 6

сочетания	графические соответствия в памятнике	количество лексем	количество словоформ
/je/	<i>e</i>	2	22
	<i>ie</i>	1	17
	<i>йе</i>		4
/jo/	<i>io</i>	1	60
	<i>o</i>	1	6
	<i>йо</i>		5
/ja/	<i>ія</i>	5	11
	<i>я</i>	1	6
	<i>іа</i>	1	
/ju/	<i>йы</i>	3	15
	<i>йы</i>		3
	<i>ы</i>		1

Как видим, в основном данные сочетания представлены в составе суффиксов. В связи с тем, что графически они могут передаваться по-разному, в памятнике встречаются такие случаи, когда одна и та же форма может быть выражена графически разными суффиксами, например: *коркаіе* ‘мой дом’ [с. 32, строка 3] — литер. *коркае*, *кужсое* ‘мой хозяин’ [с. 41, строка 15] — литер. *кузье*; *коркаіез* ‘его дом’ [с. 17, строка 5; с. 32, строка 2] — литер. *коркаез*, *книгаез* ‘его книга’ [с. 16, строка 17] — литер. *книгаез*; *иньтыыыц* ‘из места’ [с. 54, строка 23; с. 55, строка 2; с. 56, строка 11] — литер. *иньтыысь*, *бакчайыыц* ‘из сада’ [с. 27, строка 2] — литер. *бакчайысь*. Такие варианты могут быть даже в форме одного и того же слова, ср.: *ужіос* [с. 7, строка 5; с. 7, строка 12; с. 10, строка 15; с. 18, строка 17; с. 18, строка 24; с. 23, строка 5; с. 23, строка 22; с. 29, строка 22; с. 44, строка 6; с. 44, строка 9; с. 45, строка 2; с. 49, строка 11; с. 51, строка 18; с. 55, строка 17; с. 56, строка 3; с. 56, строка 10; с. 56, строка 13; с. 57, строка 20; с. 63, строка 4] и *ужйос* [с. 49, строка 16; с. 52, строка 20; с. 53, строка 1] — литер. *ужьёс* ‘дела’; *кулэія* [с. 28, строка 12] и *кулэя* [с. 35, строка 15] — литер. *кулэя* ‘по необходимости’; *иньтыіе* [с. 18, строка 9; с. 27, строка 16; с. 27, строка 24; с. 29, строка 24; с. 30, строка 1; с. 30, строка 23; с. 31, строка 5; с. 33, строка 20; с. 33, строка 22; с. 35, строка 3; с. 35, строка 5; с. 47, строка 2; с. 47, строка 7; с. 47, строка 20; с. 48, строка 5; с. 48, строка 10; с. 57, строка 25; с. 61, строка 21] и *иньтые* [с. 26, строка 19] — литер. *интые* ‘в место’.

В памятнике встречается латинская буква *i*, которая не представлена в алфавите современного литературного удмуртского языка и в его диалектах. В целом ее употребление в памятнике согласовано с нормами церковнославянской орфографии. Данная гласная в памятнике использована:

а) в анлауте библейских имен собственных перед гласными: *Іоаннь* [с. 15, строка 13; с. 15, строка 17; с. 15, строка 20] < рус. *Иоанн*, *Иисус* [с. 11, строка 16; с. 14, строка 18; с. 15, строка 6; с. 15, строка 24; с. 16, строка 10; с. 18, строка 7; с. 25, строка 3; с. 26, строка 15; с. 36, строка 8; с. 39, строка 24; с. 41, строка 23; с. 43, строка 9; с. 44, строка 11; с. 49, строка 5; с. 50, строка 23; с. 53, строка 12; с. 54, строка 14; с. 54, строка 21; с. 60, строка 23; с. 61, строка 11] (ср. *Иисусь* [с. 12, строка 24]) < рус. *Иисус*, *Иордан* [с. 15, строка 20] < рус. *Иордан*;

б) в инлауте исконно удмуртских слов в пределах корня перед /j/: *віыны* ‘убить’ [с. 6, строка 3] — литер. *виыны*, *віатыса* ‘пролив’ [с. 41, строка 24] — литер. *виятыса*, *кійыз* ‘его рука’ [с. 56, строка 2] — литер. *киыз*, *сіон* ‘пища, еда’ [с. 20, строка 14; с. 20, строка 16] — литер. *сиён*, *зарніен* ‘с золотом’ [с. 53, строка 10] — литер. *зарниен*, *ыжніез* ‘его ягненок’ [с. 15, строка 19] — литер. *ыжпиез*;

в) в составе суффиксов (в данном случае она передает фонему /j/): *номыріос* ‘червь’ [с. 52, строка 13] — литер. *нумыръёс*; *пайдаіо* ‘полезный’ [с. 5, строка 7; с. 11, строка 6; с. 19, строка 21; с. 20, строка 3; с. 20, строка 4; с. 20, строка 7] — литер. *пайдаё*; *пиңяліосыдліс* ‘от твоих детей’ [с. 10, строка 2] — литер. *пи-нальёсыдлэсь*; *иньтыыыц* ‘из места’ [с. 54, строка 23; с. 55, строка 2; с. 56, строка 11] — литер. *иньтыысь*; *ыжіосы* ‘мои овцы’ [с. 47, строка 8; с. 47, строка 12] — литер. *ыжьёсы*.

Таким образом, мы можем говорить об отсутствии сложившейся графической нормы на тот период времени, когда был создан анализируемый памятник. Дальнейшие исследования памятников разного периода и сравнение статистических данных по ним должны показать, как шло создание литературной нормы.

Опираясь на вышеизложенное, далее постараемся проанализировать вокалические особенности памятника.

3. Вокалические особенности

Итак, анализ графических особенностей «Наставления...» позволяет нам предположить, что в памятнике представлена восьмигласная вокалическая система (*и, ы, ү, у, э, ө, о, а*).

Попытки описать фонетические особенности некоторых памятников удмуртской письменности предпринимались нами и ранее в диссертационном исследовании [Безенова 2014], в котором мы постарались реконструировать праудмуртскую систему вокализма первого слога на основе пяти современных говоров удмуртского языка, принадлежащих к разным диалектным группам. Реконструированная нами система, состоящая из десяти фонем, представлена в *Таблице 7*. Ниже (см. *Табл. 8*) приведены рефлексy этих гласных в исследованных нами говорах.

Таблица 7

подъем / ряд	передний	средний	задний
верхний	*i	*i, *и	*и
верхне-средний		*ө	
средне-нижний	*e	*e	*o
нижний 1		*e	
нижний 2		*a	

Таблица 8

праудмуртский гласный	южВБ.	бесВ.	бавлПУ.	средВ.	счК.
*i	i	i / e	i	i	i
*ī	ī / i	ī	ə / i	ī	ī
*u	u	u / e	u	u	u
*ū	u / o	u	u / u	u	u
*ε	ε	ε	ε	ε	ε
*ə	з	з	ə	з	з
*e	e	з / ε	ə	e	e
*ɔ	ɔ	ɔ	ɔ	ɔ	ɔ
*v	v / ī	v / ī	ə	ī	ī
*a	a	a	a	a	a

Проблема реконструкции праудмуртской системы вокализма затрагивалась ранее и в других работах, например в трудах В. К. Кельмакова «Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов» [Кельмаков 1993] и Ш. Чуча «Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache» [Csúcs 2005]. Так, для праудмуртской системы вокализма В. К. Кельмаков восстанавливал девять гласных:

$$\begin{array}{cccc} i & \dot{i} & \dot{j} & u \\ e & \dot{o} & \dot{e} & o \\ & & a & \end{array}$$

По мнению Ш. Чуча, на праудмуртском уровне в вокалической системе функционировало только семь фонем:

$$\begin{array}{cccc} i & \dot{i} & \dot{j} & u \\ e & \dot{o} & \dot{e} & o \\ & & a & \end{array}$$

Как видим, данные реконструкции имеют несколько иной вид. «Первое отличие представленной нами реконструкции от более ранних заключается в реконструкции особых фонем: а) *e, которая имеет особые соответствия в трех диалектных зонах (северном наречии, центрально-южном диалекте и срединных говорах), б) *v, которая имеет особые соответствия в двух диалектных зонах (центрально-южном диалекте и бесермянском наречии). Второе отличие заключается в том, что в порядке эксперимента реконструкция проводилась на материале сравнения звуков с определенной формантной характеристикой, и это позволило выдвинуть гипотезу об уточнении качества реконструируемых фонем. Третье (...) это то, что впервые в удмуртской диалектологии реконструкция праудмуртского вокализма была верифицирована на полном материале исконной лексики в пяти говорах удмуртского языка, принадлежащих к разным диалектным группам, и материал этих сопоставлений целиком приведен в работе, а их звучание доступно на сайте «LingvoDoc» («Этимологические базы диалектных аудиословарей») по адресу <http://lingvodoc.ispras.ru> [Безенова 2015: 20].

Итак, рассмотрим, каким же фонемам современного удмуртского литературного языка соответствуют гласные анализируемого нами памятника³.

Употребление гласной *и*

1) В первом слоге

1. *и* в соответствии с литер. *и*

— в исконной лексике:

биньялыса 'замотав' [с. 60, строка 10] — литер. *биньялыса*; ср. *biññn̄* (G, U), *biñññj* (M, J), *biñññj* (MU) 'наматывать, свертывать, вить' [Wichmann 1987: 21]; бавлПУ., южВБ. *bin'vne*, бесВ. *bin'əne*, средВ. *bin'aní*, счК. *bin'iní* 'мотать, смотать, замотать' < ПУДМ *i⁴;

³ Ниже при неоднозначной реализации гласной памятника в первом слоге при стандартном соответствии, т. е. когда гласная памятника соответствует литературной, даны все примеры исконной лексики и указана статистика по неисконной, при нестандартном соответствии приводятся все лексемы (словоформы). Если же реализация гласной памятника однозначна, в качестве примера приводятся лишь три лексемы (словоформы).

⁴ Здесь и далее праудмуртские гласные первого слога приведены по [Безенова 2014].

вирыз ‘его кровь’ [с. 53, строка 13; с. 54, строка 21] (также и в трех других формах слова *вир* ‘кровь’) — литер. *вирыз*; ср. *vir* (G, S, M, J, MU, U), *vīr* (MU) ‘кровь’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *vir* ‘кровь’ < ПУДМ *i;

виџон ‘болезнь’ [с. 57, строка 22] — литер. *висѣн*; *виџыса* ‘болея’ [с. 5, строка 12] — литер. *висьыса*; ср. *višīnī* (G, U), *višī-* (B), *višīnj* (S, J, MU), *višnj* (M) ‘болеть’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., счК., южВБ. *vičōn*, средВ. *vis'ōn* ‘болезнь’, бавлПУ., южВБ. *vičvñé*, бесВ. *vičāné*, средВ. *vis'nī*, счК. *vičīnī* ‘болеть’ < ПУДМ *i;

вйиыны ‘убить’ [с. 6, строка 3] (также и в трех формах этого слова) — литер. *виыны*; ср. *vīññ* (G), *vīñ-* (B), *vīñnj* (S, MU), *vīñj* (M), *vīñj*, *vīñj* (J), *vīññ* (U) ‘убить, убивать’ [Wichmann 1987: 316]; бавлПУ., южВБ. *vīñvñé*, бесВ. *vīñāné*, средВ. *vīñī*, счК. *vīññī* ‘убить’ < ПУДМ *i;

иъмын ‘на небе’ [с. 20, строка 19; с. 24, строка 8] (также и в других пяти формах слова *ин* ‘небо, небеса’) — литер. *инмын*; *Иъмар* ‘бог || божий’ [с. 3, строка 12; с. 3, строка 17; с. 4, строка 8; с. 4, строка 13; с. 4, строка 17; с. 7, строка 2; с. 7, строка 3; с. 7, строка 5; с. 7, строка 6; с. 7, строка 8; с. 7, строка 11; с. 7, строка 13; с. 7, строка 15; с. 8, строка 2; с. 8, строка 12; с. 9, строка 12; с. 9, строка 14; с. 9, строка 15; с. 9, строка 16; с. 9, строка 21; с. 10, строка 7; с. 10, строка 11; с. 10, строка 13; с. 10, строка 16; с. 10, строка 17; с. 11, строка 5; с. 11, строка 7; с. 11, строка 15; с. 12, строка 7; с. 12, строка 17; с. 13, строка 19; с. 14, строка 4; с. 14, строка 6; с. 14, строка 7; с. 14, строка 8; с. 15, строка 14; с. 16, строка 8; с. 16, строка 16; с. 16, строка 20; с. 17, строка 18; с. 18, строка 5; с. 18, строка 10; с. 19, строка 2; с. 19, строка 5; с. 19, строка 7; с. 19, строка 13; с. 19, строка 24; с. 20, строка 5; с. 20, строка 11; с. 20, строка 23; с. 21, строка 4; с. 21, строка 23; с. 22, строка 3; с. 22, строка 9; с. 22, строка 11; с. 23, строка 6; с. 23, строка 7; с. 23, строка 10; с. 23, строка 22; с. 24, строка 22; с. 24, строка 23; с. 26, строка 6; с. 27, строка 1; с. 27, строка 23; с. 29, строка 5; с. 29, строка 15; с. 29, строка 17; с. 29, строка 19; с. 30, строка 5; с. 32, строка 21; с. 32, строка 22; с. 33, строка 8; с. 33, строка 10; с. 33, строка 17; с. 34, строка 10; с. 34, строка 17; с. 35, строка 8; с. 35, строка 11; с. 36, строка 14; с. 36, строка 18; с. 36, строка 21; с. 36, строка 24; с. 37, строка 11; с. 38, строка 8; с. 39, строка 20; с. 40, строка 12; с. 40, строка 16; с. 41, строка 19; с. 42, строка 9; с. 42, строка 12; с. 42, строка 13; с. 42, строка 16; с. 42, строка 17; с. 48, строка 11; с. 48, строка 18; с. 48, строка 21; с. 49, строка 23; с. 50, строка 7; с. 50, строка 15; с. 50, строка 17; с. 51, строка 13; с. 51, строка 17; с. 52, строка 8; с. 52, строка 15; с. 52, строка 16; с. 52, строка 22; с. 52, строка 24; с. 53, строка 2; с. 53, строка 12; с. 53, строка 21; с. 54, строка 4; с. 56, строка 18; с. 56, строка 20; с. 57, строка 3; с. 58, строка 23; с. 59, строка 10; с. 59, строка 14; с. 60, строка 16; с. 60, строка 18; с. 61, строка 1; с. 61, строка 23; с. 62, строка 1; с. 62, строка 18; с. 62, строка 19; с. 62, строка 20; с. 62, строка 22; с. 62, строка 23] (также и в двенадцати формах этого слова) — литер. *инмар*; ср. *in*, *inm-* (G, M, J, MU), *iñ*, *iñm-* (J, MU), *im* (U) ‘небо’, *inmar* (G, S, M, J), *iñmar* (B, J, MU), *immār* (U) ‘бог’ [Wichmann 1987: 65]; бавлПУ. *in'bám*, бесВ. *in / inbám*, средВ. *inbám*, счК. *in*, южВБ. *in* ‘небо’ < ПУДМ *i;

иъты ‘место’ [с. 8, строка 19; с. 54, строка 16; с. 54, строка 18; с. 63, строка 7] (также и в девяти формах этого слова) — литер. *инты*; ср. *intj* (S, M), *inti* (M), *intj* (U), *iñtj* (G, U), *iñtj* (J, MU) ‘место’ [Wichmann 1987: 66]; счК. *intj* ‘место’ < ПУДМ *i;

ки ‘рука’ [с. 53, строка 19; с. 53, строка 22; с. 54, строка 7] (также и в двух формах этого слова) — литер. *ки*; ср. *ki* (G, B, S, M, J, MU, U) ‘рука, кисть руки’ [Wichmann 1987: 104]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kī* ‘рука, кисть руки’ < ПУДМ *i;

киџилиос ‘звезды’ [с. 13, строка 21] — литер. *кизилиос*; *киџилиосыз* ‘звезды’ [с. 10, строка 23] — литер. *кизилиосты / кизилиосыз*; ср. *kizil'i* (G, J, MU, U), *kizl'i* (G), *kizili* (M) ‘звезда’ [Wichmann 1987: 107]; бавлПУ., средВ., счК., южВБ. *kizil'i*, бесВ. *kəzil'ə* ‘звезда’ < ПУДМ *i;

киџтыса ‘пролив’ [с. 11, строка 18; с. 53, строка 16] — литер. *киџтыса*; *киџтытоџ* ‘до проливания’ [с. 16, строка 11] — литер. *киџтытоџ*; *киџтыскем* ‘пролившийся’ [с. 53, строка 13] — литер. *киџтыскем*; ср. *kištjññ* (G, U), *kištjñj* (M, J, MU) ‘лить, выливать’ [Wichmann 1987: 106]; бавлПУ. *kičtəñé*, бесВ. *kičtəñé*, средВ., счК. *kičtini*, южВБ. *kičtəñé* ‘пролить, вылить’ < ПУДМ *i;

ми ‘мы’ [с. 4, строка 9; с. 8, строка 15; с. 28, строка 16; с. 41, строка 24] — литер. *ми*; ср. *mi* (G, B, M, J, MU, U) ‘мы’ [Wichmann 1987: 159]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *mi* ‘мы’ < ПУДМ *i;

миџкыса ‘смыть’ [с. 44, строка 11] (также и в двух других формах слова *миџкыны* ‘мыть, вымыть’) — литер. *миџкыса*; ср. *mišjññ* (G, B, U), *mišjñj* (M, J, MU) ‘мыть’ [Wichmann 1987: 160]; бавлПУ., южВБ. *mičkəñé*, бесВ. *mičkəñé*, средВ., счК. *mičkini* ‘мыть’ < ПУДМ *i;

нъи ‘уже’ [с. 50, строка 7] (также *ни* [с. 49, строка 23], *иъи* [с. 5, строка 4; с. 13, строка 16; с. 37, строка 4; с. 37, строка 6], *ини* [с. 11, строка 9; с. 32, строка 7; с. 50, строка 6]) — литер. *ни / ини*; ср. *ini* (S, M), *iñi* (G, J, MU, U), *ni* (S, M, J, U), *nī* (G, B, M, J, MU, U) ‘уже’ [Wichmann 1987: 66]; бавлПУ., южВБ. *in'j*, бесВ., счК. *n'i*, средВ. *ini* ‘уже’ < ПУДМ *i;

нумызлиц ‘от его имени’ [с. 8, строка 6] (также и в двух других формах слова *ним* ‘имя; название’) — литер. *нумызлэсь*; ср. *ñim* (G, B, M, J, MU, U), *ñim* (B), *ñim* (J) ‘имя; название’ [Wichmann 1987: 176]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *n'im* ‘имя’ < ПУДМ *i;

Пи ‘сын’ [с. 53, строка 12] (также и в одной форме этого слова) — литер. *пи*; ср. *pi* (G, B, M, J, MU, U) ‘мальчик; сын’ [Wichmann 1987: 195]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *pi* ‘сын; мальчик’ < ПУДМ *i;

синь ‘глаз, глаза’ [с. 34, строка 1] (также и в восьми формах этого слова) — литер. *син*; *синьяже* ‘перед глазами’ [с. 26, строка 22] — литер. *син азе*; *синьяжсыкыд* ‘с твоих глаз’ [с. 48, строка 23] — литер. *син азысытыд*; *синьяжас* ‘перед его глазами’ [с. 33, строка 18] — литер. *син аяз*; *синьяжсам* ‘перед моими глазами’ [с. 4, строка 23] — литер. *син аязм*; ср. *sin* (G, M, J), *sin* (G, B, J, MU), *sin* (MU), *sim* (U) ‘глаз’ [Wichmann 1987: 235]; бавлПУ., южВБ. *cin'*, бесВ., счК. *cin*, средВ. *s'in* ‘глаз’ < ПУДМ *i;

синькидиеныд ‘твоими слезами’ [с. 38, строка 10] (также *синькидиеныд* [с. 44, строка 10]) — литер. *синькидиеныд*; ср. бавлПУ. *cin'kəl'i*, средВ. *s'inkil'i*, южВБ. *cin'kəl'i* ‘слеза’ < ПУДМ *i;

сион ‘пища, еда’ [с. 20, строка 14; с. 20, строка 16] (также и в четырех формах этого слова) — литер. *сиён*; *сийыса* ‘съем’ [с. 27, строка 2] (также и в двух других формах слова *сиыны* ‘съесть, есть’) — литер. *сиыса*; *сиймы* ‘их съедание’ [с. 27, строка 8] — литер. *сиемы*; ср. *siin* (G, B, U), *sin* (M, J), *siin* (J, MU) ‘есть’ [Wichmann 1987: 234]; бавлПУ., южВБ. *eiyné*, бесВ. *eiyné*, средВ. *s'iyni*, счК. *eiini* ‘есть, съесть’ < ПУДМ *i;

сицмыса ‘сгнив’ [с. 56, строка 10] — литер. *сицмыса*; ср. *siis* (G, M, J, U) ‘гнилой’; *siim* (G, U), *siim* (M, J), *siim* (MU) ‘гнить, загнивать, сгнить’ [Wichmann 1987: 236]; бавлПУ., бесВ., средВ., южВБ. *eiemet*, счК. *eiemetin* ‘гниль; гнилой’, счК. *eiemini* ‘гнить, сгнить’ < ПУДМ *i;

ти [с. 45, строка 6; с. 45, строка 7; с. 45, строка 15; с. 45, строка 19; с. 46, строка 18; с. 58, строка 11] — литер. *тй*; *тино* ‘и вы’ [с. 45, строка 5] — литер. *тй но*; ср. *ti* (G, B, J, MU, U) ‘вы’ [Wichmann 1987: 260]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ti* ‘вы’ < ПУДМ *i;

— в неисконной лексике данное соответствие представлено в 24 лексемах и 31 словоформе.

2. и в соответствии с литер. *ы*

— в исконной лексике:

вил ‘новый’ [с. 31, строка 23; с. 32, строка 3; с. 32, строка 5; с. 32, строка 6; с. 42, строка 16] — литер. *виль*; *вилысен* ‘с нового’ [с. 52, строка 24] — литер. *вильысен*; *вилдыны* ‘обновить’ [с. 42, строка 20] (также и в трех формах этого слова) — литер. *вильдыны*; *вилмыны* ‘обновиться’ [с. 43, строка 9; с. 43, строка 10] — литер. *вильмыны*; *вилме* ‘обновляется’ [с. 57, строка 5] — литер. *вильме*; *вилмон* ‘обновление’ [с. 43, строка 5] — литер. *вильмон*; ср. *vil* (B, S, M, J, MU, U), *vil* (G) ‘новый’ [Wichmann 1987: 316], *vil'dini* (S, M, J, MU), *vil'din* (U) ‘обновить’, *vi-l'is* (U), *vil'is* (G) ‘снова’ [Wichmann 1987: 317]; бавлПУ., бесВ., средВ., южВБ. *vil'*, счК. *vil'* ‘новый’ < ПУДМ *i;

кижы ‘как’ [с. 5, строка 4; с. 21, строка 13; с. 22, строка 7; с. 30, строка 6; с. 39, строка 23; с. 40, строка 5; с. 40, строка 20; с. 41, строка 1; с. 43, строка 15; с. 46, строка 17; с. 48, строка 6; с. 51, строка 9; с. 62, строка 3] — литер. *кызы*; *кыжыке* ‘как-то’ [с. 35, строка 24; с. 37, строка 6; с. 43, строка 20] — литер. *кызы ке*; ср. *kiz* (G, B, U), *kiz* (G), *kiz* (M), *kiz* (J), *kiz* (MU) ‘как’ [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *kazə*, бесВ., южВБ. *kizv*, средВ. *kizv*, счК. *kizi* ‘как, каким образом’ < ПУДМ *i;

кидцислы ‘лежащему’ [с. 5, строка 13] — литер. *кылысылы*; *кидцислон* ‘лежание’ [с. 22, строка 4] — литер. *кылысылон*; ср. *kil'ini* (G, U), *kil'ini* (B), *kil'ini* (M, J), *kil'ini* (MU) ‘лежать’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kəl'vne*, бесВ. *kil'vne*, средВ., счК. *kil'ini*, южВБ. *kil'vne* ‘лежать’ < ПУДМ *v;

кидоз ‘останется’ [с. 5, строка 20] (также и в других шести формах слова *кылыны* ‘оставаться’) — литер. *кылёз*; *кидемед* ‘твое отставание’ [с. 25, строка 14] — литер. *кыдемед*; *кидён* ‘отставание’ [с. 48, строка 3] — литер. *кылён*; ср. *kil'in* (G, B, U), *kil'in* (M), *kil'in* (J), *kil'in* (MU) ‘остаться’ [Wichmann 1987: 112]; бавлПУ. *kəl'vne*, бесВ. *kil'vne*, средВ., счК. *kil'ini*, южВБ. *kil'vne* ‘остаться, оставаться’ < ПУДМ *v;

— в неисконной лексике:

килокын ‘далеко’ [с. 33, строка 15] — литер. *кыдёкын*; ср. *kid'okin* (G), *kid'okin* (M), *kid'okin* (J), *kid'okin* (MU), *kid'okin* (U) ‘далеко’ [Wichmann 1987: 109].

2) В непервом слогe

1. и в соответствии с литер. *и*:

капчи ‘легкий’ [с. 59, строка 18] — литер. *капчи*; ср. *kapt'si* (G, B, U), *kapt'si* (M, J, MU) ‘легкий’ [Wichmann 1987: 90];

кижилиос ‘звезды’ [с. 13, строка 21] — литер. *кижилиос*; ср. *kizil'i* (G, J, MU, U), *kizil'i* (G), *kizili* (M) ‘звезда’ [Wichmann 1987: 107];

куньмети ‘третий’ [с. 39, строка 5] — литер. *куиньметй* / *куинетй*; ср. *kuiñtè-t'i* (G, B), *kuiñtè-t'i* (G), *kuiñtè-t'i* (M), *kuiñtè-t'i* (J, MU), *kuiñtè-t'i* (MU), *kuiñtè-t'i* (U) ‘третий’ [Wichmann 1987: 143].

2. и в соответствии с литер. э (в показателе аблатива):

алжонлиџ ‘от несчастья’ [с. 26, строка 8] — литер. *аджонлэсь*;

азвеслиџ ‘из серебра’ [с. 16, строка 23] — литер. *азвесльэсь*;

анайедлиџ ‘у твоей матери’ [с. 10, строка 1] — литер. *анаедлэсь*;

бангытлиџ ‘от твоего лица’ [с. 43, строка 21] — литер. *бамыдлэсь*;

ваньбурлиџ ‘от богатства’ [с. 29, строка 19; с. 54, строка 19] — литер. *ваньбурлэсь*; *ваньбурезлиџ* ‘от его богатства’ [с. 58, строка 19] — литер. *ваньбурезлэсь*; *ваньбурмылиџ* ‘от нашего богатства’ [с. 29, строка 14] — литер. *ваньбурмылэсь*;

верасконлиџ ‘от разговора’ [с. 38, строка 22] — литер. *вераськонлэсь*;

вожонэзлиџ ‘от его содержания’ [с. 27, строка 11] — литер. *возёнэзлэсь*;

Иньмарлиџ ‘у бога’ [с. 3, строка 5; с. 3, строка 8; с. 3, строка 20; с. 4, строка 4; с. 4, строка 5; с. 4, строка 7; с. 4, строка 16; с. 4, строка 19; с. 5, строка 2; с. 5, строка 17; с. 5, строка 19; с. 6, строка 13; с. 6, строка 21; с. 8, строка 5; с. 8, строка 7; с. 8, строка 13; с. 8, строка 21; с. 8, строка 23; с. 9, строка 2; с. 9, строка 14; с. 9, строка 23; с. 11, строка 8; с. 11, строка 19; с. 11, строка 22; с. 12, строка 11; с. 13, строка 7; с. 13, строка 15; с. 13, строка 16; с. 17, строка 21; с. 18, строка 11; с. 18, строка 24; с. 20, строка 21; с. 20, строка 24; с. 21, строка 3; с. 21, строка 11; с. 21, строка 19; с. 22, строка 18; с. 27, строка 5; с. 27, строка 9; с. 28, строка 12; с. 28, строка 15; с. 30, строка 6; с. 31, строка 6; с. 34, строка 11; с. 34, строка 14; с. 34, строка 20; с. 34, строка 24; с. 41, строка 19; с. 48, строка 15; с. 48, строка 20; с. 49, строка 24; с. 51, строка 9; с. 51, строка 12; с. 51, строка 15; с. 52, строка 2; с. 58, строка 9; с. 58, строка 12; с. 61, строка 6; с. 61, строка 12; с. 63, строка 8] — литер. *инмарлэсь*; *Иньмаредлиџ* ‘у твоего бога’ [с. 18, строка 21] — литер. *инмаредлэсь*;

иньтылиџ ‘от места’ [с. 5, строка 20; с. 11, строка 19; с. 53, строка 9] — литер. *интылэсь*;

карганонлиџ ‘от проклятия’ [с. 9, строка 11] — литер. *карганлэсь*;

коть марлиџ ‘от всего’ [с. 10, строка 5; с. 25, строка 5; с. 53, строка 12] — литер. *котьмарлэсь*;

кулонлиџ ‘от смерти’ [с. 11, строка 19; с. 54, строка 14] — литер. *кулонлэсь*;

кышноедлиџ ‘у твоей жены’ [с. 10, строка 2] — литер. *кышноедлэсь*;

луонлиџ ‘от бытия’ [с. 41, строка 22; с. 50, строка 3] — литер. *луонлэсь*;

лұлыдлиџ ‘от твоей души’ [с. 43, строка 22] — литер. *лұлыдлэсь*;

макеіослиџ ‘от чего-то’ [с. 5, строка 15; с. 9, строка 23; с. 30, строка 4; с. 42, строка 6; с. 55, строка 10] (также *макеіослиџ* [с. 10, строка 12]) — литер. *макеослэсь*;

мозмытонэзлиџ ‘от его освобождения’ [с. 42, строка 1] — литер. *мозмытонэзлэсь*;

муртлиџ ‘у человека’ [с. 31, строка 15; с. 38, строка 1; с. 38, строка 18; с. 39, строка 1; с. 51, строка 20; с. 57, строка 22; с. 57, строка 23] — литер. *муртлэсь*, *муртызлиџ* ‘у его человека’ [с. 12, строка 9] — литер. *муртэзлэсь*;

мылкыдэдлиџ ‘от твоего настроения’ [с. 43, строка 23] — литер. *мылкыдыдлэсь*;

нылкышноіослиџ ‘у женщин’ [с. 15, строка 8] — литер. *нылкышноослэсь*;

пињяліосыдлиџ ‘у твоих детей’ [с. 10, строка 2] — литер. *пинальёсыдлэсь*;

џіонлиџ ‘от еды’ [с. 32, строка 7] — литер. *сиёнлэсь*;

Солиџ, солиџ ‘у него’ [с. 6, строка 22; с. 7, строка 20; с. 8, строка 16; с. 15, строка 10; с. 19, строка 13; с. 26, строка 2; с. 39, строка 11; с. 45, строка 16; с. 47, строка 16; с. 49, строка 13; с. 51, строка 2] — литер. *солэсь*; *соіослиџ* ‘у них’ [с. 13, строка 16; с. 24, строка 18; с. 47, строка 9] — литер. *соослэсь*;

солиџ ‘от этого’ [с. 25, строка 19; с. 50, строка 2] — литер. *солэсь*;

сутыџсконлиџ ‘от обжигания’ [с. 53, строка 24] — литер. *сутісьсконлэсь*;

џёлыкклиџ ‘от греха’ [с. 5, строка 21; с. 30, строка 20; с. 53, строка 9] — литер. *сьёлыклэсь*;

џёлыктёслиџ ‘от грехов’ [с. 5, строка 16; с. 60, строка 2] (также *џёлыктёслиџ* [с. 26, строка 2]) — литер. *сьёлыктёслэсь*;

сёрыџсконлиџ ‘от испорченности’ [с. 33, строка 24; с. 34, строка 9] — литер. *сёрысьсконлэсь*;

џётонлиџ ‘от предоставления’ [с. 39, строка 14] — литер. *сётонлэсь*;

ужлиџ ‘от дела’ [с. 5, строка 6; с. 5, строка 7; с. 5, строка 9; с. 7, строка 11] — литер. *ужлэсь*;

ужіослиџ ‘от дел’ [с. 4, строка 21; с. 7, строка 4; с. 30, строка 21; с. 61, строка 24] — литер. *ужьёслэсь*;

ужіосызлиџ ‘от его дел’ [с. 59, строка 20] — литер. *ужьёсызлэсь*;

улонлиџ ‘от жизни’ [с. 17, строка 23; с. 24, строка 20; с. 25, строка 9; с. 25, строка 11; с. 25, строка 14; с. 25, строка 15; с. 25, строка 16; с. 31, строка 7; с. 42, строка 13; с. 51, строка 16; с. 53, строка 4; с. 53, строка 20; с. 58, строка 4; с. 58, строка 6; с. 60, строка 9; с. 60, строка 15; с. 61, строка 5] — литер. *улонлэсь*;

улонэзлиџ ‘от его жизни’ [с. 50, строка 20] — литер. *улонэзлэсь*;

шайтанлиџ ‘у сатаны’ [с. 11, строка 18; с. 50, строка 19; с. 53, строка 9] — литер. *шайтанлэсь*;

эксэйлиџ ‘у царя’ [с. 8, строка 1] — литер. *эксэйлэсь*;

луртонлиџ ‘от оказания помощи’ [с. 31, строка 16] — литер. *юрттонлэсь*;
ларатонлиџ ‘от любви’ [с. 32, строка 14] — литер. *яратонлэсь*; *ларатэмлиџ* ‘от любви’ [с. 10, строка 3] — литер. *яратэмлэсь*;
лжечлиџ ‘от доброго’ [с. 9, строка 12] — литер. *жечлэсь*;
лжечлыклиџ ‘от благости’ [с. 27, строка 19; с. 27, строка 22; с. 29, строка 11] — литер. *жечлыклэсь*;
 диал. *дышмонлиџ* ‘у врага’ [с. 55, строка 7].

В заимствованиях из русского языка:

Закхейлиџ ‘у Закхея’ [с. 36, строка 8] < рус. *Закхей*;
Христослиџ ‘у Христа’ [с. 8, строка 13; с. 24, строка 5; с. 26, строка 16; с. 43, строка 14; с. 44, строка 1; с. 46, строка 21; с. 47, строка 14; с. 47, строка 20; с. 53, строка 5; с. 53, строка 17; с. 55, строка 8] < рус. *Христос*;
законлиџ ‘от закона’ [с. 51, строка 17] < рус. *закон*;
апостолюослиџ ‘от апостолов’ [с. 21, строка 7] < рус. *апостол*;
нужналиџ ‘от нужды’ [с. 54, строка 2] < рус. *нужда*.

Исключения:

аламилэс ‘у человека’ [с. 6, строка 18] — литер. *адямилэсь*;
аҫтэлэс ‘у вас самих’ [с. 58, строка 2; с. 58, строка 3; с. 58, строка 12] — литер. *асьтэлэсь*;
вирызлэс ‘из его крови’ [с. 23, строка 14] — литер. *вирызлэсь*;
дуньелэс ‘от мира’ [с. 15, строка 17] — литер. *дуннелэсь*;
Ин,марлэс ‘у бога’ [с. 13, строка 11] — литер. *инмарлэсь*; *Ин,марелэс* ‘у моего бога’ [с. 17, строка 10] — литер. *инмарелэсь*;
интылэс ‘от места’ [с. 14, строка 23; с. 26, строка 18; с. 30, строка 10] — литер. *интылэсь*;
кулонлэс ‘от смерти’ [с. 14, строка 23] — литер. *кулонлэсь*;
макелэс ‘от чего-то’ [с. 25, строка 24] — литер. *макелэсь*;
мугорызлэс ‘от его тела’ [с. 23, строка 14] — литер. *мугорызлэсь*;
мурттьёслэс ‘у людей’ [с. 17, строка 19] — литер. *мурттьёслэсь*;
Солэс, солэс ‘у него’ [с. 3, строка 4; с. 8, строка 3; с. 10, строка 21; с. 15, строка 7; с. 20, строка 10; с. 21, строка 10; с. 21, строка 15; с. 21, строка 18; с. 21, строка 21; с. 23, строка 12; с. 37, строка 8; с. 49, строка 9; с. 62, строка 16; с. 63, строка 5] — литер. *солэсь*;
солэс ‘от этого’ [с. 51, строка 7] — литер. *солэсь*;
ҫӧлыклэс ‘от греха’ [с. 5, строка 18; с. 14, строка 22; с. 27, строка 14] — литер. *сьӧлыклэсь*;
улонньёсыдлэс ‘от твоих жизней’ [с. 43, строка 12] — литер. *улонньёсыдлэсь*;
шайтанлэс ‘от сатаны’ [с. 14, строка 23] — литер. *шайтанлэсь*;
 диал. *пулэс* ‘у священника’ [с. 17, строка 13].

В заимствованиях из русского языка:

Апостоллэс ‘от апостола’ [с. 28, строка 22] < рус. *апостол*;
Христослэс ‘у Христа’ [с. 15, строка 16; с. 16, строка 2; с. 16, строка 4; с. 40, строка 5] < рус. *Христос*;
священниклэс ‘у священника’ [с. 17, строка 13] < рус. *священник*.

Употребление гласной *ы*

В первом слоге

1. *ы* в соответствии с литер. *ы*

— в исконной лексике:

выжыйыџ ‘из рода’ [с. 12, строка 9] — литер. *выжыысь*; ср. *vīžī* (G), *vīdžī* (S), *vīžī* (M), *vīžī* (M, J, MU), *vīžī* (U) ‘корень’ [Wichmann 1987: 321]; бавлПУ. *vəzə*, бесВ. *vəzə*, средВ., счК. *vīžī*, южВБ. *vəzə* ‘корень’ < ПУДМ *v;

вылын ‘на’ [с. 12, строка 24; с. 20, строка 19; с. 43, строка 14; с. 43, строка 24; с. 44, строка 1; с. 44, строка 5; с. 44, строка 7; с. 44, строка 13; с. 44, строка 20; с. 46, строка 1] — литер. *вылын*; *вылэ* ‘на’ [с. 8, строка 14; с. 11, строка 17; с. 12, строка 14; с. 12, строка 18; с. 25, строка 4; с. 26, строка 16; с. 59, строка 24] — литер. *вылэ*; *вылад* ‘ты на себя’ [с. 40, строка 6] — литер. *вылад*; *вылаз* ‘он на себя’ [с. 15, строка 18] — литер. *вылаз*; *вылыс* ‘с’ [с. 8, строка 1; с. 13, строка 9; с. 24, строка 14; с. 25, строка 12; с. 25, строка 15; с. 25, строка 24; с. 27, строка 3] — литер. *вылысь*; *вылысқыз* ‘с него самого’ [с. 14, строка 2] — литер. *вылысьтыз*; *вылтырмы* ‘наше тело’ [с. 28, строка 20] — литер. *вылтырмы*, *вылтырад* ‘на твое тело’ [с. 11, строка 4] — литер. *вылтырад*; ср. *vīl* (G, U), *vīl* (M, J), *vīl* (J, MU) ‘поверхность’, *vīl-tīr* (G, B, U),

Таблица 9

Соответствия фонемы *и*⁵

позиция	гласная памятника	соответствия			
		литер.	по [Wichmann 1987]	по аудиословарям ⁶	ПУдм
первый слог	<i>и</i>	<i>и</i>	G <i>i</i> B <i>i</i> S <i>i</i> M <i>i</i> J <i>i</i> MU <i>i</i> U <i>i</i>	бавлПУ. <i>i</i> бесВ. <i>i</i> средВ. <i>i</i> счК. <i>i</i> южВБ. <i>i</i>	* <i>i</i>
		<i>ы</i>	G <i>î</i> B <i>î</i> M <i>î</i> J <i>î</i> MU <i>i</i> U <i>î</i>		
непервый слог	<i>и</i>	<i>и</i>	G <i>i</i> B <i>i</i> M <i>i</i> J <i>i</i> MU <i>i</i> U <i>i</i>		
		<i>э</i>			

vîl-tîr (S, M, J), *vîu-tîr* (J) ‘туловище’ [Wichmann 1987: 318]; бавлПУ. *vəl*, бесВ., южВБ. *vəl*, средВ., счК. *vîl* ‘верхняя часть, поверхность’ < ПУдм *v;

вылэмез ‘его бывшее’ [с. 58, строка 19; с. 58, строка 20] (также и в других четырех формах слова *вылэм* ‘быль || былой, прошедший’) — литер. *вылэмез*; *vîlîñî* (G, B), *vîlîñî* (J), *vîuîñî* (J, MU) ‘быть, быть в наличии’ [Wichmann 1987: 320];

дыше ‘привыкает’ [с. 5, строка 10] (также и в двух других формах слова *дышыны* ‘научиться, привыкнуть, свыкнуться’) — литер. *дыше*; *дышетэ* ‘учит’ [с. 17, строка 24; с. 19, строка 6; с. 37, строка 21] (также и в двух других формах слова *дышетыны* ‘учить, обучать’) — литер. *дышетэ*; *дышетон* ‘обучение’ [с. 36, строка 9] — литер. *дышетон*; *дышетис* ‘учитель’ [с. 17, строка 18] — литер. *дышетис*; *дышетэмез* ‘его учение’ [с. 3, строка 1] — литер. *дышетэмез*; *дышетэмзе* ‘его учение’ [с. 47, строка 13; с. 47, строка 15; с. 49, строка 10] (также *дышетемзе* [с. 17, строка 20]) — литер. *дышетэмзе*; *дышескисез* ‘его ученик’ [с. 15, строка 24] — литер. *дышетскисез*; ср. *dîšîñî* (G, U), *dîšîñî* (M), *dîšîñî* (J, MU) ‘учиться, обучиться, выучиться, привыкнуть’, *dîšetîñî* (G, U), *dîšetîñî* (M, MU) ‘учить’ [Wichmann 1987: 35]; бавлПУ. *dəʃəpə*, бесВ. *dîʃəpə*, средВ., счК. *dîʃîñî*, южВБ. *dəʃəpə* ‘научиться, привыкнуть, свыкнуться’ < ПУдм *v;

ыромытыса ‘введя в заблуждение’ [с. 37, строка 19] — литер. *ыромытыса*; ср. *jîromîñî* (G), *jîromîñî* (S, M), *juromîñî* (J), *dîromîñî* (MU), *dîuromîñî* (U) ‘заблудиться’ [Wichmann 1987: 80]; бавлПУ. *d’urətvəpə*, средВ. *jîrətvîñî* / *jurətvîñî*, южВБ. *jevətvəpə* ‘заблудиться, сбиться с дороги’ < ПУдм *v;

кыкети ‘второй’ [с. 36, строка 4; с. 39, строка 4] — литер. *кыкетü*; ср. *kîk* (G, B, U), *kîk* (M, J, MU), *kîkt-* (U), *kîkt-* (M, J), *kîk-* (J) ‘два’ [Wichmann 1987: 109]; бавлПУ. *kək*, бесВ. *kək*, средВ., счК., южВБ. *kîk* ‘два’ < ПУдм *v;

кыл ‘язык; слово, речь’ [с. 3, строка 21; с. 9, строка 6; с. 22, строка 16; с. 33, строка 16] (также и в 22 формах этого слова) — литер. *кыл*; ср. *kîl* (G, U), *kîl* (Sl, M, J), *kîu* (J, MU) ‘язык; речь; слово’ [Wichmann 1987: 110]; бавлПУ. *kəl*, бесВ., южВБ. *kəl*, средВ., счК. *kîl* ‘язык’ < ПУдм *v;

⁵ Здесь и далее в таблицах приводятся соответствия, имеющие регулярный характер (т. е. встречается не менее трех примеров).

⁶ Аудиословари составлены на материале экспедиционных данных 2013 г., доступны в сети Интернет на сайте LingvoDoc по адресу: <http://lingvodoc.ispras.ru/>.

кылыса ‘слыша’ [с. 4, строка 11; с. 34, строка 19] (также и в других четырех формах слова *кылыны* ‘услышать, слышать, расслышать’) — литер. *кылыса*; *кылыса* ‘слушая’ [с. 49, строка 10; с. 62, строка 24] — литер. *кылыса*, *кылысо* ‘слушают’ [с. 47, строка 15] — литер. *кылысо*; *кылызмтеиос* ‘не слушавшие’ [с. 47, строка 21] — литер. *кылызмтеос*; *кылызсыкыны* ‘слушать’ [с. 3, строка 19; с. 17, строка 1] (также и в трех формах этого слова) — литер. *кылызсыкыны*; ср. *kīlīnī* (G, B, U), *kīlnj* (M), *kīlīnj* (J), *kīlīnj* (J, MU) ‘слушать’, *kīlīzīnj* (MU) ‘слушать’ [Wichmann 1987: 111]; бавлПУ. *kələné*, бесВ. *kələné*, средВ., счК. *kīlīnī*, южВБ. *kələné* ‘услышать, слышать, расслышать’ < ПУДМ *v;

уз *кысы* ‘не погаснет’ [с. 52, строка 13] — литер. уз *кысы*; ср. *kīśīnī* (G, U), *kīśnj* (M), *kīśnj* (MU) ‘гасить, тушить’ [Wichmann 1987: 115]; бавлПУ. *kəsənē*, бесВ. *kīsənē*, средВ., счК. *kīśīnī*, южВБ. *kīsənē* ‘погасить, гасить’ < ПУДМ *i;

кытын ‘где’ [с. 4, строка 9] — литер. *кытын*; *кытыцке* ‘куда-то’ [с. 7, строка 23] — литер. *кытыцке*; ср. *kītīn* (G, B, U), *kī-tīn* (G), *kītīn* (U), *kītīn* (M, J, MU), *kī-tīn* (J) ‘где’ [Wichmann 1987: 127]; бавлПУ. *kātən*, бесВ. *kētən*, средВ. *kīitīn*, счК. *kīitīn*, южВБ. *kētən* ‘где’ < ПУДМ *v;

лыкто ‘приходят’ [с. 47, строка 11] (также и в других семи формах слова *лыктыны* ‘прийти, придти, прибыть’) — литер. *лыкто*; *лыктон* ‘пришествие’ [с. 45, строка 20] (также и в одной форме этого слова) — литер. *лыктон*; *лыктэмзе* ‘его приход’ [с. 15, строка 16] — литер. *лыктэмзе*; ср. *līkīlīnī* (G, B, U), *līkīlīnj* (M, J, MU) ‘приходить, прибывать’ [Wichmann 1987: 146]; бавлПУ. *ləktənē*, бесВ. *ləktələnē*, средВ., счК. *līkīlīnī*, южВБ. *ləktənē* ‘прийти, придти’ < ПУДМ *v;

мылкыд ‘настроение; желание’ [с. 33, строка 21; с. 33, строка 23; с. 33, строка 24; с. 34, строка 23; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 56, строка 18; с. 56, строка 20; с. 57, строка 23] (также и в 29-ти формах этого слова) — литер. *мылкыд*; *мылкыдо* ‘с каким-либо характером’ [с. 44, строка 22; с. 50, строка 10; с. 50, строка 20; с. 52, строка 1; с. 57, строка 14; с. 59, строка 5] (также и в одной форме этого слова) — литер. *мылкыдо*; *мылыз потытэг* ‘он не желая’ [с. 5, строка 9] — литер. *мылыз потытэг*; *мылпотэмезия* ‘по его желанию’ [с. 59, строка 17] — литер. *мылпотэмезья*; *мылыс-кыдыс* ‘усердно’ [с. 3, строка 18; с. 21, строка 21; с. 26, строка 6; с. 48, строка 20] (также *мылыс-кыдыс* [с. 47, строка 17]) — литер. *мылыс-кыдыс*; *tīl* (G) ‘желание’ [Wichmann 1987: 160];

Мынам, мынам ‘мой’ [с. 13, строка 24; с. 18, строка 3; с. 46, строка 19] — литер. *мынам*; *tīnam* (G, B, U), *tīnam* (M, J, MU), *tīnam aslam* (M), *tīnam aslam* (U) ‘мой’ [Wichmann 1987: 163];

мыныны ‘идти, пойти’ [с. 22, строка 7; с. 46, строка 12; с. 47, строка 5] (также и в девяти формах этого слова) — литер. *мыныны*; *мынон* ‘следование; ходьба’ [с. 47, строка 2; с. 47, строка 7] (также и в двух формах этого слова) — литер. *мынон*; *мынымтэиос* ‘непоследовавшие’ [с. 47, строка 22] — литер. *мынымтэос*; *мыныссыс* ‘идуших’ [с. 47, строка 19] — литер. *мыныссысты* / *мыныссысыс*; ср. *tīnīnī* (G, B, U), *tīnīnj* (M, J), *tīnīnj* (J, MU), *tīnīnj* (MU) ‘идти; ехать’ [Wichmann 1987: 161]; бавлПУ. *təpənē*, бесВ. *tīnīnē*, средВ. *tīn:ī*, счК. *tīnīnī*, южВБ. *tīnīnē* ‘идти, пойти; ехать’ < ПУДМ *i;

Ныл, ныл ‘дева, девушка’ [с. 15, строка 4; с. 15, строка 5] — литер. *ныл*; *нылкышноиослиц* ‘от женщин’ [с. 15, строка 8] — литер. *нылкышноослэсь*; ср. *nīl* (G, B, U), *nīl* (M, J, MU), *nīl* (J, MU) ‘девочка; дочь’, *nīl-kīšno* (M, J), *nīl-kīšno* (MU), *nīl-kīšno* (U) ‘женщина’ [Wichmann 1987: 169]; бавлПУ. *nəl*, бесВ., средВ. *nīl*, счК. *nīláf*, южВБ. *nəl* ‘девочка, девушка’ < ПУДМ *v;

ныпьяса ‘взвалив на себя ношу’ [с. 46, строка 19] — литер. *ныпьяса*; ср. *nīpī* (G) ‘платок, в котором женщина на спине носит ребенка’ [Wichmann 1987: 169], *nīpīānī* (M), *nīpīānī* (MU), *nīpīānī* (U) ‘взвалить на себя груз’ [Wichmann 1987: 169—170]; бесВ., южВБ. *nīpījēt*, средВ. *nīpījēt*, счК. *nīpī* ‘заплечная люлька на лямках (для ношения ребенка или груза на спине)’ < ПУДМ *v;

нылыса ‘проглотив’ [с. 31, строка 20] — литер. *нылыса*; ср. *nīlīnī* (G), *nīlīnj* (M), *nīlīnj* (J), *nīlīnj* (J, MU), *nīlīnī* (U) ‘глотать, проглотить’ [Wichmann 1987: 178]; бавлПУ. *n’ələnē*, бесВ. *n’ələnē*, средВ., счК. *n’īlīnī*, южВБ. *n’ələnē* ‘глотать, проглотить’ < ПУДМ *v;

ныдэсыз ‘его дно’ [с. 57, строка 7] — литер. *ныдэсыз*; ср. *pīdes* (G, U), *pīdes* (M, J, MU) ‘дно’ [Wichmann 1987: 198]; бавлПУ. *pədəs*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *pīdes* ‘дно; днище’ < ПУДМ *i;

пыж ‘лодка’ [с. 59, строка 16; с. 59, строка 24] (также и в двух формах этого слова) — литер. *пыж*; ср. *pīž* (G, U), *pīž* (M, J) ‘лодка’ [Wichmann 1987: 202]; бавлПУ. *pəž*, бесВ. *pəž*, счК., южВБ. *pīž* ‘лодка’ < ПУДМ *v;

пыжыса ‘выпекая’ [с. 10, строка 24] — литер. *пыжыса*; ср. *pīžīnī* (G, U), *pīž-* (B), *pīžnj* (M), *pīž-* (J), *pīžnj* (MU) ‘печь, выпекать’ [Wichmann 1987: 202]; бавлПУ. *pəžənē*, бесВ. *pəžənē*, средВ., счК. *pīžīnī*, южВБ. *pīžənē* ‘печь, испечь’ < ПУДМ *v;

пыр ‘сквозь’ [с. 27, строка 12] — литер. *пыр*; ср. *pīr* (G, U), *pīr* (M, J, MU) ‘сквозь, через’ [Wichmann 1987: 199]; бавлПУ. *pər*, бесВ. *pər*, средВ., счК., южВБ. *pīr* ‘сквозь, через’ < ПУДМ *v;

пырыны ‘войти, входить’ [с. 46, строка 23; с. 62, строка 22] (также и в 13-ти формах этого слова) — литер. *пырыны*; *пырем* ‘вход’ [с. 49, строка 20] (также и в двух формах этого слова) — литер. *пырем*;

пырыскемез ‘его участие’ [с. 46, строка 13] — литер. *пырыськемез*; *пырон* ‘вхождение’ [с. 52, строка 16] — литер. *пырон*; *пыртыны* ‘ввести’ [с. 20, строка 2] (также и в шести формах этого слова) — литер. *пыртыны*; *пыртон* ‘введение’ [с. 24, строка 24; с. 25, строка 3] — литер. *пыртон*; ср. *p̄r̄r̄n̄* (G, B, U), *p̄r̄n̄* (M, J), *p̄r̄r̄n̄* (J, MU) ‘входить, заходить’ [Wichmann 1987: 200]; бавлПУ. *p̄r̄v̄n̄*, бесВ. *p̄r̄v̄n̄*, средВ., счК. *p̄r̄r̄n̄*, южВБ. *p̄r̄v̄n̄* ‘зайти, заходить, войти’ < ПУДМ *v;

сылы ‘стой’ [с. 33, строка 3] — литер. *сыл* / *сылы*; *сылозке* ‘если будет стоять’ [с. 39, строка 19] — литер. *сылозке*; ср. *s̄l̄l̄n̄* (G, U), *s̄l̄n̄* (M), *s̄l̄l̄n̄* (J, JI), *s̄l̄l̄n̄* (MU) ‘стоять’ [Wichmann 1987: 222]; бавлПУ. *s̄v̄l̄n̄*, бесВ. *s̄v̄l̄n̄*, средВ., счК. *s̄l̄l̄n̄*, южВБ. *s̄v̄l̄n̄* ‘стоять’ < ПУДМ *v;

сынаса ‘расчесывая’ [с. 58, строка 23] — литер. *сынаса*; *сынаскытэк* ‘не расчесываясь’ [с. 59, строка 2] — литер. *сынаскытэк*; ср. *s̄n̄* (G, U), *s̄n̄* (M, JI, MU) ‘гребень, гребенка’, *s̄n̄n̄n̄* (G, U), *s̄n̄n̄n̄* (M, JI, MU), *s̄n̄n̄n̄* (J) ‘расчесывать’ [Wichmann 1987: 223]; бавлПУ. *s̄n̄*, средВ., счК. *s̄n̄* ‘расческа, гребенка’, средВ., счК. *s̄n̄n̄n̄* ‘расчесывать’ < ПУДМ *v;

ыце ‘такой’ [с. 4, строка 16; с. 6, строка 6; с. 8, строка 20; с. 9, строка 11; с. 11, строка 8; с. 11, строка 23; с. 12, строка 11; с. 18, строка 10; с. 18, строка 17; с. 20, строка 24; с. 23, строка 16; с. 23, строка 18; с. 23, строка 21; с. 23, строка 23; с. 23, строка 24; с. 25, строка 13; с. 26, строка 15; с. 26, строка 20; с. 26, строка 23; с. 27, строка 19; с. 27, строка 21; с. 28, строка 1; с. 30, строка 19; с. 33, строка 21; с. 33, строка 24; с. 38, строка 12; с. 39, строка 8; с. 41, строка 6; с. 44, строка 18; с. 51, строка 12; с. 52, строка 2; с. 52, строка 4; с. 52, строка 10; с. 52, строка 11; с. 52, строка 12; с. 55, строка 6; с. 55, строка 10; с. 57, строка 19] (также и в одной форме этого слова) — литер. *ыце*; ср. *s̄t̄* (G), *s̄t̄* (S, M, J, MU), *s̄t̄* (U) ‘такой’ [Wichmann 1987: 224]; бесВ., средВ. *s̄t̄ē*, счК. *s̄t̄ē* ‘такой’ < ПУДМ *t̄;

тыл ‘огонь’ [с. 52, строка 13] (также и в двух формах этого слова) — литер. *тыл*; ср. *t̄l̄* (G, U), *t̄l̄* (M, J, MU), *t̄l̄* (J, MU) ‘огонь’ [Wichmann 1987: 261]; бавлПУ. *t̄l̄*, бесВ., средВ., счК. *t̄l̄*, южВБ. *t̄l̄* ‘огонь’ < ПУДМ *t̄;

тыло бурдо ‘птица’ [с. 61, строки 16—17] (также и в одной форме этого слова) — литер. *тылобурдо*; ср. *t̄l̄* (G, U), *t̄l̄* (B), *t̄l̄* (M, J, MU), *t̄l̄* (J, MU) ‘перо (птицы)’, *t̄l̄o-burdo* (M, J, MU), *t̄l̄o-burdo* (J), *t̄l̄o-burdo* (U) ‘птица’ [Wichmann 1987: 261]; бавлПУ. *t̄l̄ē*, бесВ., средВ., счК. *t̄l̄ē*, южВБ. *t̄l̄ē* ‘перо (птицы)’ < ПУДМ *t̄;

тынад ‘твой’ [с. 16, строка 23; с. 49, строка 2] — литер. *тынад*; *t̄n̄ad* (G, B), *t̄n̄ad* (J, MU), *t̄n̄ad aslad* (M), *t̄n̄ad aslad* (U) ‘твой’ [Wichmann 1987: 265];

тыр ‘насыщайся’ [с. 54, строка 17] (также и в двух других формах слова *тырыны* ‘платить; погрузить; сложить’) — литер. *тыр* / *тыры*; уз *тырмы* ‘не хватит’ [с. 59, строка 15] — литер. уз *тырмы*; ср. *t̄r̄* (G, B, U), *t̄r̄* (M, J, MU) ‘полный; наполненный’ [Wichmann 1987: 262], *t̄r̄r̄n̄* (G, U), *t̄r̄r̄* (B), *t̄r̄n̄* (M), *t̄r̄r̄n̄* (J, MU) ‘наполнять; грузить; ставить; укладывать; собирать; платить; наполняться’, *t̄r̄m̄r̄n̄* (G, U), *t̄r̄m̄r̄n̄* (M, MU) ‘наполниться’ [Wichmann 1987: 263]; бесВ. *t̄r̄* ‘полный, целый’, бесВ. *t̄r̄n̄n̄*, средВ., счК. *t̄r̄r̄n̄*, южВБ. *t̄r̄v̄n̄* ‘погрузить, сложить’, средВ. *t̄r̄m̄r̄n̄*, счК. *t̄r̄m̄r̄n̄*, южВБ. *t̄r̄m̄r̄n̄* ‘заполниться, наполниться’ < ПУДМ *v;

шыддэ ‘твой суп’ [с. 10, строка 24] — литер. *шыддэ*; ср. *s̄d̄* (G, B, U), *s̄d̄* (M, J, MU) ‘суп’ [Wichmann 1987: 246]; бавлПУ. *s̄d̄*, бесВ., южВБ. *s̄d̄*, средВ., счК. *s̄d̄* ‘суп’ < ПУДМ *v;

ыжюсыз ‘его овцы’ [с. 47, строка 23] — литер. *ыжъёсыз*, *ыжюсы* ‘мои овцы’ [с. 47, строка 12] — литер. *ыжъёсы*, *ыжпиез* ‘его ягненок’ [с. 15, строка 19] — литер. *ыжпиез*; ср. *ž* (G, B, U), *ž* (S, M, J, MU) ‘овца’ [Wichmann 1987: 72]; бавлПУ. *ž*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *ž* ‘овца’ < ПУДМ *ž;

ымынызы ‘их ртамы’ [с. 33, строка 13] — литер. *ымынызы*; ср. *ŋm̄* (G, B, U), *ŋm̄* (S, M, J, MU) ‘рот’ [Wichmann 1987: 70]; бавлПУ. *ŋm̄*, бесВ., южВБ. *ŋm̄*, средВ., счК. *ŋm̄* ‘рот’ < ПУДМ *v;

— в неисконной лексике данное соответствие представлено в 23 лексемах и 59-ти словоформах.

2. *ы* в соответствии с литер. *и* (представлено лишь неисконной лексикой):

гынэ ‘только, лишь’ [с. 5, строка 13; с. 6, строка 12; с. 6, строка 20; с. 6, строка 23; с. 7, строка 1; с. 7, строка 15; с. 7, строка 18; с. 7, строка 22; с. 8, строка 4; с. 8, строка 21; с. 8, строка 25; с. 10, строка 5; с. 10, строка 21; с. 13, строка 9; с. 13, строка 20; с. 18, строка 19; с. 19, строка 22; с. 20, строка 6; с. 20, строка 19; с. 20, строка 24; с. 21, строка 23; с. 23, строка 2; с. 23, строка 8; с. 23, строка 24; с. 24, строка 12; с. 26, строка 21; с. 28, строка 12; с. 28, строка 14; с. 28, строка 23; с. 29, строка 16; с. 29, строка 18; с. 30, строка 6; с. 30, строка 12; с. 32, строка 11; с. 32, строка 16; с. 34, строка 5; с. 34, строка 6; с. 35, строка 5; с. 35, строка 9; с. 35, строка 12; с. 35, строка 15; с. 36, строка 16; с. 37, строка 17; с. 38, строка 17; с. 38, строка 19; с. 39, строка 4; с. 42, строка 21; с. 42, строка 24; с. 43, строка 4; с. 44, строка 21; с. 48, строка 11; с. 49, строка 6; с. 49, строка 13; с. 49, строка 18; с. 51, строка 11; с. 54, строка 12; с. 54, строка 15; с. 54, строка 22; с. 56, строка 10; с. 56, строка 12; с. 56, строка 13; с. 57, строка 5; с. 57, строка 10; с. 59, строка 20; с. 60, строка 1; с. 60, строка 2; с. 60, строка 11; с. 60, строка 17; с. 63, строка 7] — литер. *гынэ*; ср. *ḡn̄e* (B, U), *ḡn̄e*, -*n̄e* (G), *ḡn̄e* (M, J, MU) ‘только, лишь’ [Wichmann 1987: 58];

ышан ‘злой; явление’ [с. 4, строка 21; с. 5, строка 15; с. 6, строка 5; с. 7, строка 11; с. 23, строка 4; с. 23, строка 5; с. 30, строка 20; с. 31, строка 17; с. 34, строка 2; с. 35, строка 20; с. 35, строка 24; с. 36, строка 10; с. 36, строка 12; с. 37, строка 5; с. 37, строка 17; с. 37, строка 18; с. 38, строка 4; с. 38, строка 21; с. 39, строка 8; с. 39, строка 10; с. 40, строка 8; с. 45, строка 2; с. 45, строка 8; с. 45, строка 9; с. 45, строка 15; с. 50, строка 20; с. 51, строка 6; с. 51, строка 8; с. 51, строка 18; с. 52, строка 10; с. 52, строка 11; с. 52, строка 12; с. 55, строка 6; с. 55, строка 10; с. 55, строка 23; с. 55, строка 24; с. 56, строка 1; с. 56, строка 2; с. 56, строка 3; с. 56, строка 4; с. 56, строка 5; с. 56, строка 6; с. 56, строка 12; с. 56, строка 13; с. 56, строка 15; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 56, строка 20; с. 57, строка 8; с. 57, строка 10; с. 57, строка 14; с. 57, строка 19; с. 57, строка 20; с. 57, строка 21; с. 57, строка 23; с. 58, строка 1; с. 58, строка 2; с. 58, строка 3; с. 58, строка 24; с. 59, строка 4; с. 59, строка 20; с. 60, строка 19; с. 61, строка 24] (также и в четырех формах этого слова) — литер. **ишан**; ср. *išan* (G, M, J), *išan* (MU, U), *īšan* (U) ‘несчастье; плохой, злой’ [Wichmann 1987: 68];

мыскин, ‘бедный’ [с. 48, строка 1] — литер. **мискинь**;

чырдыны ‘читать’ [с. 3, строка 17; с. 21, строка 22] (также и в трех формах этого слова) — литер. **чирдыны**; **чирдон** ‘чтение’ [с. 3, строка 18] — литер. **чирдон**; **чырдэмдэ** ‘твое чтение’ [с. 3, строка 13] — литер. **чирдэмдэ**, **чырдэмез** ‘чтение’ [с. 33, строка 1] — литер. **чирдэм** / **чирэмез**; ср. *tʰširdŋi* (G, U), *tʰšird-* (S), *tʰširdŋi* (M, J), *tʰširdŋi* (J, MU) ‘петь; читать’ [Wichmann 1987: 286].

3. ы в соответствии с литер. у

— в исконной лексике:

ныналэ ‘в день’ [с. 23, строка 6] — литер. **нуналэ**; **ныналысен** ‘со дня’ [с. 23, строка 5] — литер. **нуналысен**; ср. *ninal* (G, B, M, J), *ninaŋc*, *ninaŋc*, *ninal*, *ninal* (J), *ninaŋc* (J, MU), *nīnal* (U) ‘день’ [Wichmann 1987: 173]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ninal* ‘день’ < ПУДМ *и;

— в неисконной лексике:

тыртыса ‘стараясь’ [с. 3, строка 19; с. 20, строка 2; с. 21, строка 22; с. 24, строка 10; с. 55, строка 6; с. 60, строка 11] (также и в трех других формах слова **турттыны** ‘стараться, стремиться’) — литер. **турттыса**; ср. *turtŋi*, *tirtŋi* (MU), *turtŋi* (M, J), *turtŋi-* (J), *tirtŋi* (MU), *tirtŋiŋi* (U) ‘хотеть, желать; намереваться’ [Wichmann 1987: 269];

ырод ‘плохой’ [с. 35, строка 24; с. 36, строка 6; с. 36, строка 10; с. 38, строка 4; с. 38, строка 12; с. 38, строка 16; с. 38, строка 20; с. 40, строка 8; с. 45, строка 2; с. 50, строка 20; с. 51, строка 18] (ср. **урод** ‘плохой’ [с. 5, строка 15; с. 6, строка 4; с. 7, строка 11; с. 7, строка 17; с. 31, строка 17]) — литер. **урод**; ср. *urod* (G, S, M, J), *urod* (U), *īrod* (B), *irod* (MU) ‘злой, сердитый; плохой’ [Wichmann 1987: 300];

тырмыыц ‘из тюрьмы’ [с. 54, строка 1] < рус. **тюрьма**.

2) В непервом слогe

1. ы в соответствии с литер. ы:

кужым ‘сила’ [с. 3, строка 15] (также и в десяти формах этого слова) — литер. **кужым**; ср. *kužŋm* (G, B, U), *kužŋm* (M, J) ‘сила, мощь’ [Wichmann 1987: 139];

кытын ‘где’ [с. 4, строка 9] — литер. **кытын**; ср. *kŋtŋn* (G, B, U), *kŋ-tŋn* (G), *kŋtŋŋ* (U), *kŋtŋn* (M, J, MU), *kŋ-tŋn* (J) ‘где’ [Wichmann 1987: 127];

неймыт ‘темнота’ [с. 34, строка 12] — литер. **неймыт**; ср. *pel'mŋt* (G), *pel'mŋt*, *pen'mŋt* (J), *peŋmŋt* (G, U), *peŋmŋt* (M, MU), *peŋmŋt* (U) ‘темный; темно’ [Wichmann 1987: 192].

2. ы в соответствии с литер. и

а. в корне:

ачыд ‘ты сам’ [с. 13, строка 18; с. 29, строка 2; с. 31, строка 13; с. 32, строка 14; с. 33, строка 24; с. 34, строка 9; с. 36, строка 13; с. 37, строка 5; с. 37, строка 13; с. 38, строка 5; с. 39, строка 15; с. 40, строка 6; с. 41, строка 22; с. 42, строка 2; с. 42, строка 22; с. 43, строка 18; с. 44, строка 16; с. 47, строка 1; с. 57, строка 4; с. 57, строка 9; с. 61, строка 22; с. 61, строка 24] (ср. **ачид** ‘ты сам’ [с. 3, строка 11]) — литер. **ачид**; **Ачыз** / **ачыз** ‘он сам’ [с. 4, строка 18; с. 10, строка 11; с. 11, строка 9; с. 23, строка 10; с. 37, строка 1; с. 39, строка 21; с. 39, строка 22; с. 42, строка 10; с. 42, строка 20; с. 44, строка 14; с. 53, строка 15; с. 55, строка 24; с. 56, строка 15; с. 58, строка 10; с. 59, строка 2; с. 59, строка 12; с. 59, строка 13; с. 60, строка 23; с. 61, строка 7; с. 62, строка 2] — литер. **ачыз**; **ачым** ‘я сам’ [с. 46, строка 17] — литер. **ачим**; ср. *a'tšid* (G, B, U), *a'tšid* (G), *(ton) a'tšit* (U), *a'tšid* (M, J), *ton a'tšid* (M), *a'tšid*, *ton a'tšid* (MU) ‘ты сам’; *a'tšiz* (G, B, U), *a'tšiz* (G), *so a'tšiz* (U), *a'tšiz* (M, J, MU), *a'tšiz* (J, MU), *so a'tšiz* (MU), *ašsez* (< **a'tšizez*) (MU) ‘он сам’; *a'tšim* (G, B, U), *a'tšim* (M, J, MU), *ton a'tšim* (MU), *a'tšim* (J, MU) ‘я сам’ [Wichmann 1987: 10];

майын ‘с чем’ [с. 53, строка 10] — литер. *маин*; ср. *tain* (G, J, MU) ‘чем; с чем’ [Wichmann 1987: 153];

сойыз ‘тот’ [с. 39, строка 5] — литер. *сойз*; ср. *sojiz* (G), *soiz* (B) ‘тот’ [Wichmann 1987: 224];

сойын ‘поэтому’ [с. 6, строка 17] — литер. *сойн*; ср. *soin* (G, B, M, J, MU, U), *sojn* (G, U), *sojin* (G, M) ‘поэтому’ [Wichmann 1987: 224];

эрык ‘свобода, воля’ [с. 62, строка 20; с. 62, строка 23] — литер. *эрик*; *эрыктэм* ‘бесправный, несвободный’ [с. 31, строка 18; с. 60, строка 14] — литер. *эрыктэм*; ср. *erik* (G), *erik* (M, J), *erik* (U) ‘воля; свобода; спокойствие’ [Wichmann 1987: 51];

б) в аффиксах:

алжыскод ‘видишь’ [с. 10, строка 21; с. 10, строка 23; с. 11, строка 1; с. 11, строка 3; с. 11, строка 4] — литер. *адзиськод*; *уд алжыскы* ‘не видишь’ [с. 10, строка 20] — литер. *уд адзиськы*;

бастыскод ‘берешь’ [с. 40, строка 6] — литер. *бастийськод*;

быттыскод ‘заканчиваешь’ [с. 43, строка 21] — литер. *быдтийськод*;

уг ваньмыскы ‘не нахожу свободного времени’ [с. 62, строка 5; с. 62, строка 8] — литер. *уг ваньмыскы*;

вераскыскоды ‘говорите’ [с. 45, строка 10] — литер. *вераськыскоды*; *вераскыскомыке* ‘если разговариваем’ [с. 4, строка 13] — литер. *вераськыскомыке*;

вордыськем ‘он родился, оказывается’ [с. 15, строка 10] — литер. *вордйськем* / *вордйськемез*; *вордыськемэ* ‘она родила, оказывается’ [с. 15, строка 7] — литер. *вордэм* / *вордэмез*; *вордыськемыс* ‘из-за рождения’ [с. 15, строка 8] — литер. *вордйськемыс*;

ум вуттыске ‘не успеваем’ [с. 38, строка 15] — литер. *ум вуттийське*;

вөлдыскоз ‘распространится’ [с. 39, строка 6] — литер. *вөлдйськоз* (ср. *вөлдйськозке* ‘если распространился’ [с. 39, строка 9] — литер. *вөлдйськозке*);

гоштыскыса ‘подписав’ [с. 22, строка 3] (также и в трех других формах слова *гожтийськыны* ‘расписаться, подписаться’) — литер. *гожтийськыса*;

джутыськемзе ‘его вознесение’ [с. 16, строка 5] — литер. *жутийськемзэ*;

ларатыськодке ‘если любишь’ [с. 21, строка 9] — литер. *яратийськодке*;

кистыськем ‘пролившийся’ [с. 53, строка 13] — литер. *кистийськем*;

курускыса ‘прося’ [с. 3, строка 20; с. 48, строка 16; с. 63, строка 8] — литер. *куруськыса*;

куштыско ‘бросаю’ [с. 50, строка 21] — литер. *куштийско*;

кылзыскыны ‘слушать’ [с. 3, строка 19; с. 17, строка 1] (также и в трех формах этого слова) — литер. *кылзийськыны*;

дукыськемед ‘твое расставание’ [с. 54, строка 24] — литер. *люкиськемед*; *дукыськыс* ‘отделяющиеся’ [с. 51, строка 17] — литер. *люкиськыс*; *дукыськон* ‘деление’ [с. 31, строка 8] — литер. *люкиськон*; диал. *медам дукыскы* ‘пусть я не разлучусь’ [с. 42, строка 1] (также и в трех других формах слова *люкиськыны* ‘распасться; делиться; расстаться’);

налпаскыскомыке ‘если размышляем’ [с. 4, строка 13] — литер. *малпаскыскомыке*;

өтыськиллям ‘они вызвались, оказывается’ [с. 27, строка 17] — литер. *өтиськиллям* / *өтиськиллямзы*;

пырыськемез ‘его участие’ [с. 46, строка 13] — литер. *пырыськемез*; *пырыськод* ‘входишь’ [с. 62, строка 22] — литер. *пырыськод*;

сутыськонлис ‘от обжигания’ [с. 53, строка 24] — литер. *сутийськонлэс*;

сотыськемзе ‘его предоставление’ [с. 23, строка 15] — литер. *сөтийськемзэ*; *сотыськыса* ‘подчиняясь’ [с. 10, строка 6; с. 24, строка 19; с. 25, строка 13; с. 27, строка 4; с. 30, строка 14; с. 47, строка 17] (также и в трех других формах слова *сөтийськыны* ‘подчиняться’) — литер. *сөтийськыса*;

сөрыськем ‘разбитый, испорченный’ [с. 41, строка 6; с. 43, строка 16; с. 44, строка 8; с. 56, строка 11] (также и в трех других формах слова *сөрыськыны* ‘разбиться, сломаться; испортиться’) — литер. *сөрыськем*; *сөрыськеммес* ‘нашу испорченность’ [с. 58, строка 15] — литер. *сөрыськеммес*; *сөрыськемзе* ‘его испорченность’ [с. 43, строка 23] — литер. *сөрыськемзэ*; *сөрыськонлис* ‘от испорченности’ [с. 33, строка 24; с. 34, строка 9] — литер. *сөрыськонлэс*;

тодыськомы ‘узнаем’ [с. 58, строка 17] — литер. *тодйськомы*; *тодыське* ‘узнается’ [с. 58, строка 20; с. 58, строка 21] — литер. *тодйське*;

тэрыськыны ‘жить в ладу’ [с. 26, строка 7] (также и в двух формах этого слова) — литер. *тэрыськыны*;

улыско ‘живу’ [с. 4, строка 23] — литер. *улийско*; *улыськод* ‘живешь’ [с. 9, строка 19; с. 9, строка 20] — литер. *улийськод*; *улыськомы* ‘живем’ [с. 4, строка 9] — литер. *улийськомы*;

устыськоз ‘откроется’ [с. 61, строка 9] — литер. *устийськоз*;

учкыськод ‘смотришь’ [с. 40, строка 19] — литер. *учкиськод*;

шөдыськод ‘чувствуешь’ [с. 37, строка 5] — литер. *шөдйськод*; *шөдыськом* ‘чувствуем’ [с. 38, строка 16] — литер. *шөдйськомы*; *уд шөдыскы* ‘не чувствуешь’ [с. 40, строка 20] — литер. *уд шөдйськы*; *шөдыськыса* ‘предчувствуя’ [с. 50, строка 3; с. 52, строка 23] — литер. *шөдйськыса*;

шумпотысқод ‘радуешься’ [с. 9, строка 20] — литер. *шумпотіськод*;
шўысқодке ‘если говоришь’ [с. 19, строка 5; с. 51, строка 15; с. 62, строка 9] — литер. *шуиськод ке*;
шўысқодыке ‘если говорите’ [с. 48, строка 6; с. 62, строка 5] — литер. *шуиськоды ке*;

диал. *безысқо* ‘отвыкаю’ [с. 50, строка 21];

диал. *зарланысқоды* ‘горюете’ [с. 45, строка 22];

диал. *кушысқыны* ‘присоединиться’ [с. 24, строка 9] (также и в трех формах этого слова);

диал. *кõнысқон* ‘примирение’ [с. 37, строка 8].

3. *ы* в соответствии с литер. *э*:

будытоз ‘вырастит’ [с. 22, строка 14; с. 22, строка 16] (также и в двух других формах слова *будэтыны* ‘вырастить, растить’) — литер. *будэтоз*; ср. *budetiŋi* (B, U), *budetiŋi* (M), *budīiŋi* (G), *budīiŋi* (MU) ‘растить, воспитывать’ [Wichmann 1987: 26];

мурты ‘мой человек’ [с. 51, строка 13] — литер. *муртэ*; *муртыд* ‘твой человек’ [с. 21, строка 15] — литер. *муртэд*; *муртыз* ‘его человек’ [с. 18, строка 13; с. 37, строка 24; с. 43, строка 2; с. 61, строка 4] — литер. *муртэз*; *муртызлис* ‘от его человека’ [с. 12, строка 9] — литер. *муртэзлэсь* (ср. формы в аккумулятивной *муртсэ* [с. 19, строка 5], *муртце* [с. 37, строка 20] — литер. *муртсэ* ‘его человека’; *муртэз* [с. 14, строка 21; с. 37, строка 12; с. 39, строка 7], *муртэ* [с. 5, строка 15; с. 6, строка 3; с. 26, строка 4; с. 36, строка 19; с. 36, строка 20; с. 36, строка 21; с. 36, строка 23; с. 36, строка 24; с. 37, строка 2; с. 37, строка 4; с. 37, строка 7; с. 38, строка 2; с. 38, строка 20; с. 38, строка 21; с. 39, строка 21; с. 39, строка 23; с. 41, строка 18; с. 45, строка 11; с. 51, строка 12; с. 51, строка 24; с. 54, строка 11] — литер. *муртэ* / *муртэз* ‘человека’);

тэкишон ‘обсуждение’ [с. 39, строка 24] (также и в двух формах этого слова) — литер. *тэкишон*; *тэкишырыны* ‘обсуждать; отзываться’ [с. 23, строка 12; с. 23, строка 17; с. 23, строка 19; с. 24, строка 18; с. 40, строка 1] (также и в семи формах этого слова) — литер. *тэкишырыны*; ср. *tekširŋi* (U) ‘исследовать, изучать; отзываться, высказывать свое мнение’ [Wichmann 1987: 258];

өрйкчи [с. 53, строка 2] — литер. *өркчи* ‘обманщик’; *өрйкчиосын* [с. 53, строка 2] — литер. *өркчиосын* ‘с обманщиками’; ср. *erekt'sāni* (S, M), *örekt'sāni* (MU), *erekt'sāni* (U) ‘обманывать’, *erekt'si* (U) ‘обманщик’ [Wichmann 1987: 54];

даныз [с. 28, строка 5] — литер. *данэз* ‘его почет’.

Однократно также встречается в следующих формах:

мынысқым ‘от меня’ [с. 33, строка 15] (ср. *мынэсқым* [с. 14, строка 14; с. 50, строка 6]) — литер. *мынэсьтым*;

кужымыныз ‘с его силой’ [с. 55, строка 1] (ср. *кужыменыз* [с. 48, строка 11; с. 59, строка 19]) — литер. *кужыменыз*;

мылкыдыныд ‘с твоим настроением’ [с. 37, строка 15] (ср. *мылкыдэныд* [с. 11, строка 12; с. 28, строка 2; с. 30, строка 14; с. 33, строка 5; с. 44, строка 10]) — литер. *мылкыдэныд*, *мылкыдыныз* ‘с его настроением’ [с. 56, строка 14] (ср. *мылкыдэныз* [с. 11, строка 20]) — литер. *мылкыдэныз*.

4. *ы* в соответствии с литер. *у* (регулярно в формах деепричастий):

алжыкы ‘во время видения’ [с. 59, строка 6] — литер. *адзыку*; *алжыкыд* ‘когда видишь’ [с. 17, строка 3; с. 17, строка 13] — литер. *адзыкуд*;

васқыкыз ‘во время его спуска’ [с. 59, строка 16] — литер. *васькыкуз*;

ветлыкы ‘во время хождения’ [с. 34, строка 12] — литер. *ветлыку*; *ветлыкыд* ‘когда ходишь’ [с. 62, строка 13; с. 62, строка 14] — литер. *ветлыкуд*;

вõсәсқыкыд ‘во время твоего моления’ [с. 33, строка 8; с. 33, строка 17] — литер. *вõсәсқыкуд*;

летыкы ‘во время прикосновения’ [с. 58, строка 21] — литер. *йõтыку*;

карыкыд ‘когда делаешь’ [с. 28, строка 11] — литер. *карыкуд*; *карыкызы* ‘когда они делают’ [с. 24, строка 4] — литер. *карыкузы*;

кошкыкымы ‘во время нашего ухода’ [с. 28, строка 18] — литер. *кошкыкумы*;

кучкыкыд ‘во время твоего начала’ [с. 20, строка 9] — литер. *кутскыкуд*;

кылзысқыкыд ‘когда слушаешь’ [с. 17, строка 20] — литер. *кылзйськыкуд*;

лыктыкы ‘во время прихода’ [с. 45, строка 20; с. 45, строка 21] — литер. *лыктыку*;

дуқысқыкыз ‘во время его расставания’ [с. 58, строка 19] — литер. *люкиськыкуз*;

мыныкыд ‘когда идешь’ [с. 34, строка 8; с. 40, строка 9] — литер. *мыныкуд*;

пукыкыд ‘когда сидишь’ [с. 62, строка 13] — литер. *пукыкуд*;

тубытыкызы ‘во время их поднятия наверх’ [с. 59, строка 21] — литер. *тубытыкузы*;

ужакыд ‘во время твоей работы’ [с. 4, строка 20] — литер. *ужакуд*;
улыкыз ‘во время его житья’ [с. 44, строка 13; с. 44, строка 20; с. 46, строка 14] — литер. *улыкуз*; *улыкыд* ‘во время твоего житья’ [с. 29, строка 4; с. 41, строка 12; с. 44, строка 15] — литер. *улыкуд*;
учкыкыд ‘когда смотришь’ [с. 14, строка 17; с. 14, строка 18; с. 15, строка 3; с. 15, строка 12; с. 15, строка 22; с. 16, строка 7] — литер. *учкыкуд*.

5. *ы* в соответствии с литер. *а*:

каргыса ‘проклиная’ [с. 50, строка 22] — литер. *каргаса*; ср. *karginj* (J), *kargànj* (M), *kargànî* (U) ‘проклинать’ [Wichmann 1987: 90].

Таблица 10

Соответствия фонемы *ы*

позиция	гласная памятника	соответствия				
		литер.	по [Wichmann 1987]	по аудиословарям	ПУДМ	
первый слог	<i>ы</i>	<i>ы</i>	G $\hat{i}$ B $\hat{i}$ S $\hat{j}$ M $\hat{j}$ J $\hat{j}$ MU $\hat{j}$ U $\hat{i}, u$	бавлПУ. <i>ə</i> бесВ. <i>ĩ</i> средВ. <i>ĩ</i> счК. <i>ĩ</i> южВБ. <i>ĩ</i>	* <i>ĩ</i>	
			бавлПУ. <i>ə</i> бесВ. <i>v, ĩ</i> средВ. <i>ĩ</i> счК. <i>ĩ</i> южВБ. <i>v, ĩ</i>	* <i>v</i>		
	<i>и</i>	G <i>i</i> M <i>i</i> J $\hat{j}$ MU $\hat{j}$ U $\hat{i}$				
	<i>у</i>	G <i>u</i> M <i>u</i> J <i>u</i> MU $\hat{j}$ U $\hat{i}$				
	непервый слог	<i>ы</i>	<i>ы</i>	G $\hat{i}$ B $\hat{i}$ M $\hat{j}$ J $\hat{j}$ MU $\hat{j}$ U $\hat{i}$		
				G <i>i</i> B <i>i</i> M <i>i</i> J <i>i ~ j</i> MU <i>i ~ j</i> U <i>i</i>		
<i>э</i>						
<i>у</i>						

Употребление гласной *ɥ*

В первом слого

ɥ в соответствии с литер. *y*

— в исконной лексике:

ɥɥ 'вода' [с. 56, строка 7; с. 56, строка 12; с. 57, строка 18; с. 59, строка 18] — литер. *ɥy*; ср. *vi* (G, B, S, M, J, MU, U), *viu* (G, J, MU, U) 'вода' [Wichmann 1987: 326]; ср. бавлПУ. *vi*, южВБ., бесВ., средВ., счК. *vi* 'вода' < ПУДМ *и;

ɥɥдытэ 'останавливает' [с. 31, строка 16] — литер. *ɥɥдытэ* (ср. *ɥɥдыны* 'перестать' [с. 53, строка 4] (также и в шести формах этого слова) — литер. *ɥɥдыны*); ср. *ɥɥɥɥɥɥɥɥ* (G, U), *ɥɥɥɥɥɥɥɥ* (B), *ɥɥɥɥɥɥɥɥ* (M), *ɥɥɥɥɥɥɥɥ* (MU) 'остановить', *ɥɥɥɥɥɥɥɥ* (G, U), *ɥɥɥɥɥɥɥɥ* (M, J), *ɥɥɥɥɥɥɥɥ* (J, MU) 'остановиться' [Wichmann 1987: 38]; бавлПУ., южВБ. *ɥɥɥɥɥɥɥɥ*, бесВ. *ɥɥɥɥɥɥɥɥ*, средВ., счК. *ɥɥɥɥɥɥɥɥ* 'остановиться; переставать' < ПУДМ *и;

коть, *кɥке* 'всегда, постоянно, в любое время' [с. 13, строка 6; с. 41, строка 12; с. 41, строка 21; с. 62, строка 11; с. 62, строка 24] (ср. *коть*, *куке* [с. 63, строка 3]) — литер. *котьку*; ср. *ku* (G, B, M, U), *ku* (MU) 'когда', *ko t'-ku* (G) 'всегда' [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *ku*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *ku* 'когда' < ПУДМ *и;

кɥньмети 'третий' [с. 39, строка 5] — литер. *куиньметий* / *куинетий*; *кɥньмо* 'в трех лицах' [с. 23, строка 10] — литер. *куиньмо*; ср. *кɥийнмè t'i* (G, B), *кɥийнè t'i* (G), *кɥий-нмети* (M), *кɥийнмети* (J, MU), *кɥийнети* (MU), *кɥийнте-ti* (U) 'третий', *кɥийнто* (G) 'в трех частях' [Wichmann 1987: 143]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kwip'* 'три';

кɥлэсмо 'убывают' [с. 23, строка 7] — литер. *кулэсмо*; ср. *кулэсмɥнɥ* (G) 'уменьшаться, убывать' [Wichmann 1987: 130]; бавлПУ. *кулэсмɥнɥ*, южВБ. *кулэсмɥнɥ* 'пойти на убыль, уменьшиться' < ПУДМ *и;

лɥл 'душа || духовный' [с. 6, строка 19] (также и в одиннадцати формах этого слова; ср. *лулдэ* 'твою душу' [с. 6, строка 10] — литер. *лулдэ*) — литер. *лул*; *лɥлоисыз* 'организмы' [с. 36, строка 17] — литер. *лулоосыз* / *лулоосты*; ср. *lul* (G, M, J), *lul* (J, U), *лулу* (MU) 'душа; жизнь', *lulo* (G, M, U), *lulo* (U), *лулю* (J, MU) 'живой, оживленный' [Wichmann 1987: 149]; бавлПУ. *lul*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *lul* 'душа' < ПУДМ *и;

лɥыны 'быть' [с. 42, строка 10] (также и в двадцати формах этого слова) — литер. *луыны*; (исключения: 12 форм этого слова; в одних и тех же словах могут встречаться и *ɥ*, и *y*); ср. *луɥнɥ* (G, U), *лу-* (B), *луɥ* (M), *луɥнɥ*, *луɥнɥ* (J, MU) 'становиться, быть' [Wichmann 1987: 148]; бавлПУ. *луɥнɥ*, бесВ. *луɥнɥ*, средВ., счК. *луɥнɥ*, южВБ. *луɥнɥ* 'быть, стать, становиться' < ПУДМ *и;

нɥса 'неся' [с. 28, строка 18] — литер. *нуыса* (ср. *нуоз* 'унесет' [с. 61, строка 22] — литер. *нуоз*); ср. *нуɥнɥ* (G, B, U), *нуɥ* (M), *нуɥнɥ*, *нуɥнɥ* (J), *нуɥнɥ* (J, MU) 'нести, везти, унести, увезти, тащить' [Wichmann 1987: 172]; бавлПУ. *нуɥнɥ*, бесВ. *нуɥнɥ*, средВ., счК. *нуɥнɥ*, южВБ. *нуɥнɥ* 'нести, носить; унести, уносить' < ПУДМ *и;

сɥжаса 'очистив' [с. 44, строка 10; с. 57, строка 1] — литер. *сузаса*; ср. *сузàнɥ* (G, U), *суд'зàнɥ* (возможно *-и-*) (M), *сузàнɥ* (MU), *сузàнɥ* (J), *сузàл-* (J) 'чистить, вычистить' [Wichmann 1987: 241]; бавлПУ. *сузàнɥ*, бесВ. *суз:àнɥ*, средВ. *сузàнɥ*, счК. *суз:àнɥ*, южВБ. *сузàнɥ* 'очистить, вычистить, чистить' < ПУДМ *и;

сɥже 'достает' [с. 59, строка 13] — литер. *сузе*, *сɥжемья* 'во время доставания' [с. 25, строка 7] — литер. *суземья*; ср. *сузнɥ* (M), *сузɥ-* (G), *су d'зɥнɥ* (J), *сузɥнɥ* (U) 'достать' [Wichmann 1987: 228]; бавлПУ. *сузнɥ*, бесВ. *сузàнɥ*, средВ. *сузàнɥ*, счК. *сузàнɥ*, южВБ. *сузàнɥ* 'дотянуться, дотягиваться, тянуться, доставать' < ПУДМ *и;

сɥдэ лузматис 'утоляющий твою жажду' [с. 11, строки 1—2] — литер. *сюдэ юзматиьсь*, *сɥэд куаьмон* 'твоя жажда' [с. 11, строка 1] — литер. *сюкуаьмонэд*; ср. *шу* (G), *шу* (J) 'жажда', *шу жузматинɥ* (M), *шу d'узматиинɥ* (MU), *шу d'узматиинɥ* (U) 'утолить жажду', *шу куаьмтэ* (G, MU, U) 'хочется пить' [Wichmann 1987: 238]; бавлПУ. *д'иэт ртэ*, бесВ. *ку куаьтəпə*, средВ. *жуэтэ ртэ*, счК. *куэ куаьтэ*, южВБ. *ку куаьтэ* 'томит жажда' < ПУДМ *и;

сɥрес 'дорога, путь' [с. 47, строка 2; с. 47, строка 7; с. 48, строка 6; с. 48, строка 7] (также и в четырех формах этого слова) — литер. *сюрес*; *сɥресчи* 'путник' [с. 24, строка 7; с. 24, строка 10] — литер. *сюресчи*; ср. *шурес* (G, M, J), *шурес* (G, M, J, MU, U), *шурес* (B) 'дорога, путь; тропа' [Wichmann 1987: 240]; бавлПУ. *шурес*, бесВ. *шурес*, средВ. *шурес*, счК., южВБ. *шурес* 'дорога' < ПУДМ *и;

ɥсон 'падение' [с. 31, строка 6] — литер. *усён*; *ɥсəса* 'упав' [с. 53, строка 24] (также и в трех других формах слова *усьыны* 'упасть, падать') — литер. *усьыса*; (*тодэ*) *ɥськытыса* 'напомятая' [с. 7, строка 13; с. 11, строка 11; с. 11, строка 24; с. 18, строка 22; с. 19, строка 12; с. 20, строка 9; с. 29, строка 21; с. 30, строка 2; с. 30, строка 19; с. 31, строка 10; с. 38, строка 7; с. 43, строка 15; с. 44, строка 2; с. 46, строка 22; с. 53, строка 7; с. 55, строка 9] (также и в трех других формах слова *уськытыны* 'уронить, выронить'; ср. *уськытыса* [с. 7, строка 6; с. 12, строка 12; с. 13, строка 7]) — литер. (*тодэ*) *уськытыса*; ср. *ушнɥ* (G), *ушнɥ* (G, U), *ушнɥ* (S), *ушнɥ* (M), *ушнɥ* (J, MU), *ушнɥ* (MU) 'падать, упасть', *ушнɥнɥ* (G), *ушнɥнɥ* (S, M, J),

uškĩtĩnĩ (J, MU), *uškĩtĩnĩ* (U) ‘уронить, выронить’ [Wichmann 1987: 301]; бавлПУ. *uēpnē*, бесВ. *uēpnē*, средВ. *us'ini*, счК. *uēini*, южВБ. *uēpnē* ‘упасть, падать’ < ПУДМ *и;

jũiĩasa ‘хваля’ [с. 17, строка 12] — литер. *uшьяса*; *jũiĩaқыса* ‘хвастая’ [с. 40, строка 23] — литер. *uшьяськыса*; ср. *ušjānĩ* (G, U), *ušjānĩ* (S, M), *ušjānĩ* (MU) ‘хвалить, похвалить’, *ušjāskĩnĩ* (G), *ušjāskĩnĩ* (MU) ‘хвастаться; быть гордым’ [Wichmann 1987: 302]; бесВ., южВБ. *ušjanē*, средВ., счК. *ušjanĩ* ‘хвалить’ < ПУДМ *и;

ušjēm ‘он сказал, оказывается’ [с. 46, строка 19; с. 46, строка 21; с. 47, строка 14; с. 61, строка 1; с. 61, строка 11] (также и в других шести формах слова *uшюны* ‘сказать, говорить’; ср. *uшэм* [с. 4, строка 24], *uшем* [с. 28, строка 22]) — литер. *uшэм* / *uшэмез*; *ušjēm* ‘сказанное’ [с. 20, строка 18; с. 35, строка 7] (также и в одной форме этого слова) — литер. *uшэм*; *ušjēsa* ‘1) (союз изъяснит.) что; 2) (причинно-целевой) чтобы’ [с. 4, строка 3; с. 15, строка 1; с. 15, строка 10; с. 15, строка 19; с. 15, строка 21; с. 16, строка 4; с. 16, строка 14; с. 16, строка 22; с. 17, строка 1; с. 17, строка 8; с. 17, строка 17; с. 18, строка 13; с. 18, строка 19; с. 18, строка 21; с. 19, строка 10; с. 20, строка 16; с. 24, строка 2; с. 24, строка 8; с. 24, строка 18; с. 24, строка 21; с. 29, строка 22; с. 29, строка 23; с. 30, строка 1; с. 30, строка 10; с. 30, строка 12; с. 30, строка 23; с. 33, строка 15; с. 34, строка 11; с. 35, строка 2; с. 35, строка 21; с. 36, строка 8; с. 40, строка 16; с. 40, строка 22; с. 41, строка 2; с. 41, строка 15; с. 41, строка 17; с. 42, строка 2; с. 44, строка 10; с. 45, строка 9; с. 45, строка 10; с. 46, строка 18; с. 47, строка 12; с. 48, строка 18; с. 49, строка 4; с. 49, строка 12; с. 49, строка 24; с. 50, строка 7; с. 50, строка 14; с. 50, строка 18; с. 50, строка 21; с. 51, строка 2; с. 51, строка 4; с. 51, строка 13; с. 52, строка 17; с. 59, строка 1; с. 61, строка 13; с. 63, строка 11] — литер. *uшюса*; ср. *šuiñĩ* (G, U), *šuiñĩ* (G), *šui-* (B), *šui-* (B, M), *šuiñĩ* (M), *šuiñĩ*, *šuiñĩ* (J, MU) ‘говорить, сказать; называть’ [Wichmann 1987: 251]; бавлПУ., южВБ. *šuiñē*, бесВ. *šuiñē*, средВ. *šuiñĩ*, счК. *šuiñĩ* ‘сказать, говорить’ < ПУДМ *и;

jũ ‘пей’ [с. 20, строка 16] — литер. *ю* / *юы*, *jũiç* ‘пьющий’ [с. 51, строка 23] — литер. *юись*; *jũon* ‘питье’ [с. 20, строка 14] (ср. *люн* [с. 14, строка 4; с. 20, строка 16] (также и в двух формах этого слова)) — литер. *юон*; ср. *juñĩ* (G, B), *juñĩ* (S, J), *juñĩ* (J), *juñĩ* (M), *d'uiñĩ* (MU), *d'uiñĩ* (U) ‘пить’, *juon* (G, S, M, J), *d'iuon* (MU, U) ‘питье; напиток; праздник’ [Wichmann 1987: 82—83]; бавлПУ. *d'uiñē*, бесВ. *juñē*, средВ. *juñĩ*, счК. *juñĩ*, южВБ. *juñē* ‘пить’ < ПУДМ *и;

диал. *медам в̆ы* ‘пусть я не окажусь’ [с. 30, строка 9]; ср. *viñĩ* (G, U), *vi-*, *vi-* (B), *viñĩ* (S, M, J), *viñĩ* (M), *viñĩ* (J, MU) ‘прийти; созреть; наступать’ [Wichmann 1987: 327]; бавлПУ. *viñē*, бесВ. *viñē*, средВ., счК. *viñĩ*, южВБ. *viñē* ‘успеть; прийти, прибыть’ < ПУДМ *и;

диал. *jũшан* ‘подобие’ [с. 32, строка 21]; диал. *jũшаулы* ‘похожий’ [с. 46, строка 15]; диал. *jũшатыса* ‘сделав похожим’ [с. 18, строка 5; с. 19, строка 20]; ср. *ušatĩnĩ* (MU), *šatĩnĩ* (U) ‘сравнивать; сверять, сличать, сопоставлять’ [Wichmann 1987: 302]; бавлПУ. *ušanē* ‘походить, быть похожим’ < ПУДМ *и;

— в неисконной лексике:

Bũc ‘Дух’ [с. 3, строка 15; с. 48, строка 24] (также и в трех формах этого слова) — литер. *buc* ‘туман’; ср. *buc* (G, M, J, MU), *buc* (MU), *bĩs* (U) ‘туман, мгла; пар’ [Wichmann 1987: 29];

dũn ‘чистый’ [с. 5, строка 24; с. 6, строка 2; с. 6, строка 6; с. 11, строка 12; с. 12, строка 19; с. 15, строка 6; с. 23, строка 23; с. 55, строка 21; с. 56, строка 9; с. 56, строка 22; с. 56, строка 24] — литер. *dun*; *dũnma* ‘очищается’ [с. 57, строка 6] — литер. *dunma*; *dũnmasa* ‘очистившись’ [с. 27, строка 14] — литер. *dunmasa*; *dũnmatĩç* ‘очищающий’ [с. 49, строка 7] (также и в одной форме этого слова) — литер. *dunmatĩç*; *dũnмамды* ‘ваше очищение’ [с. 57, строка 12] — литер. *dunмамды*; ср. *dun* (G, J), *dun* (G, MU) ‘чистый’, *dunmatĩnĩ* (G) ‘стать чистым; очиститься’, *dunmatĩnĩ* (G), *dunmatĩnĩ* (MU) ‘чистить, очищать’ [Wichmann 1987: 39];

dũññe ‘мир’ [с. 25, строка 12; с. 25, строка 15; с. 25, строка 23; с. 27, строка 3] (также и в шести формах этого слова; ср. *dunññe* [с. 24, строка 14] (также и в четырех формах этого слова)) — литер. *dunñe*; ср. *dunñe* (G, J, MU, U), *dunñe* (M), *dunñe* (J) ‘мир, свет, вселенная’ [Wichmann 1987: 39];

kũlũçũny ‘опьянеть’ [с. 21, строка 2; с. 21, строка 4] (также и в двух формах этого слова) — литер. *kudũзыны*; *kũlũçũtiç* ‘опьяняющий’ [с. 21, строка 2] — литер. *kudũзытиç*; ср. *kud'd'zĩnĩ* (G), *kĩd'd'z'* (B), *kud'd'zĩnĩ* (M), *kud'd'zĩnĩ* (MU), *kud'd'zĩnĩ* (U) ‘опьянеть, пьянеть’ [Wichmann 1987: 129];

kũlũ ‘нужно, следует’ [с. 21, строка 3] (ср. *кулэ* [с. 3, строка 4; с. 3, строка 10; с. 3, строка 17; с. 3, строка 19; с. 3, строка 20; с. 6, строка 18; с. 6, строка 20; с. 7, строка 22; с. 8, строка 6; с. 8, строка 10; с. 8, строка 12; с. 8, строка 24; с. 9, строка 8; с. 11, строка 6; с. 12, строка 2; с. 12, строка 4; с. 12, строка 6; с. 12, строка 22; с. 12, строка 23; с. 18, строка 12; с. 18, строка 14; с. 18, строка 17; с. 18, строка 20; с. 19, строка 10; с. 21, строка 1; с. 21, строка 17; с. 21, строка 22; с. 21, строка 23; с. 22, строка 24; с. 23, строка 24; с. 24, строка 17; с. 25, строка 6; с. 25, строка 8; с. 25, строка 21; с. 26, строка 1; с. 26, строка 7; с. 26, строка 11; с. 26, строка 15; с. 28, строка 23; с. 29, строка 3; с. 29, строка 6; с. 29, строка 18; с. 29, строка 20; с. 31,

строка 11; с. 31, строка 12; с. 32, строка 10; с. 32, строка 16; с. 32, строка 18; с. 32, строка 19; с. 36, строка 15; с. 42, строка 20; с. 46, строка 12; с. 46, строка 16; с. 47, строка 5; с. 49, строка 9; с. 49, строка 11; с. 49, строка 12; с. 49, строка 14; с. 49, строка 16; с. 49, строка 17; с. 49, строка 23; с. 51, строка 10; с. 54, строка 5; с. 55, строка 8; с. 57, строка 3; с. 57, строка 22; с. 58, строка 22; с. 59, строка 7; с. 59, строка 8; с. 60, строка 21; с. 62, строка 8; с. 62, строка 16; с. 63, строка 6; с. 63, строка 9]) — литер. *күлэ*;

кјіноіе ‘в гости’ [с. 33, строка 20] — литер. *күное*; ср. *күно* (G, J, MU), *күно* (G, M), *кјіно* (B, U) ‘гость’ [Wichmann 1987: 131];

сјідаз ‘на его суде’ [с. 9, строка 3; с. 35, строка 19] (также и в двух других формах слова *суд*) — литер. *суд* (ср. *судитъ* [с. 52, строка 7], *сулитъ* [с. 22, строка 21; с. 30, строка 9] ‘судить’); ср. *sud* (G) ‘суд’ [Wichmann 1987: 225];

сјіре ‘попадает’ [с. 34, строка 5] — литер. *сјіре*; *сјірод* ‘попадешь’ [с. 20, строка 1] — литер. *сјірод*; ср. *šurnj* (M), *šurnjñ* (JI), *šurnjñ* (J, MU), *šurnjñ* (U) ‘попасть, очутиться; попадать’ [Wichmann 1987: 240];

тјүссы ‘их образ’ [с. 16, строка 7] — литер. *түссы*; *тјүсез* ‘его образ’ [с. 14, строка 18; с. 14, строка 20; с. 15, строка 5; с. 15, строка 11; с. 15, строка 13; с. 15, строка 22; с. 15, строка 23; с. 16, строка 10] (также *тјүсэз* [с. 15, строка 3]) — литер. *түсыз*; ср. *tus* (G), *tus* (J, U) ‘внешний вид, наружность; все лицо’ [Wichmann 1987: 270];

шјүдјса ‘играя’ [с. 9, строка 1] — литер. *шүдыса*; *шјүдон* ‘игра’ [с. 33, строка 20; с. 33, строка 22; с. 35, строка 3] — литер. *шүдон*; ср. *šudññ*, *šudñ-* (G), *šđđñ-* (B), *šudñj* (M), *šudñjñ* (J, MU), *šđđññ* (U) ‘играть’; *šudon* (G, M), *šudon* (MU), *šđđon* (U) ‘игра; игрушка’ [Wichmann 1987: 250];

лјуртмы ‘наш дом’ [с. 24, строка 8] — литер. *юртмы*; ср. *jurt* (G, J), *jurt* (S, M), *đ'urt* (MU, U) ‘двор; дом, жилище’ [Wichmann 1987: 84];

лјүдыса ‘растерявшись’ [с. 59, строка 6] — литер. *зүдыса*; ср. *d'žudñj* (M), *d'žudñj* (MU) ‘удивиться; быть в растерянности’ [Wichmann 1987: 82];

диал. *јтыр* ‘постепенно’ [с. 46, строка 8]; ср. *utyr* (U) ‘побольше’ [Wichmann 1987: 302].

В первом слоге

1. *ү* в соответствии с литер. *ы*:

күлжөүны ‘опьянеть’ [с. 21, строка 2; с. 21, строка 4] — литер. *күдзэны*; *күлжөүтиц* ‘опьяняющий’ [с. 21, строка 2] — литер. *күдзэтиц*; ср. *kud'd'žññ* (G), *kđ'd'ž-* (B), *kud'd'žñj* (M), *kud'd'žñj* (MU), *kud'd'žññ* (U) ‘опьянеть, пьянеть’ [Wichmann 1987: 129];

үсјса ‘упав’ [с. 53, строка 24] — литер. *усыса*; ср. *ušññ* (G), *ušññ* (G, U), *ušñj* (S), *ušñj* (M), *ušñjñ* (J, MU), *ušñjñ* (MU) ‘падать, упасть’ [Wichmann 1987: 301];

шјүдјса ‘играя’ [с. 9, строка 1] — литер. *шүдыса*; ср. *šudññ*, *šudñ-* (G), *šđđñ-* (B), *šudñj* (M), *šudñjñ* (J, MU), *šđđññ* (U) ‘играть’ [Wichmann 1987: 250].

2. *ү* в соответствии с литер. *л*:

эн улэје ‘не живите’ [с. 61, строка 15] — литер. *эн улэлэ*; *умке улэје* ‘если не будем жить’ [с. 60, строка 6] — литер. *ум ке улэлэ*; *улэје* ‘живите’ [с. 52, строка 15] — литер. *улэлэ*.

Таблица 11

Соответствия фонемы *ү*

позиция	гласная памятника	соответствия			
		литер.	по [Wichmann 1987]	по аудиословарям	ПУДМ
первый слог	<i>ү</i>	<i>у</i>	<i>G u, ш, и ~ ш</i>	бавлПУ. <i>ш</i>	* <i>ш</i>
			<i>B u, и ~ ш, њ</i>	бесВ. <i>и</i>	
первый слог	<i>ү</i>	<i>у</i>	<i>S u</i>	средВ. <i>и</i>	* <i>и</i>
			<i>M u</i>	счК. <i>и</i>	
первый слог	<i>ү</i>	<i>у</i>	<i>J u ~ ш, и, ш</i>	южВБ. <i>и</i>	* <i>и</i>
			<i>J i</i>	бавлПУ. <i>и</i>	
первый слог	<i>ү</i>	<i>у</i>	<i>MU ш, и ~ ш</i>	бесВ. <i>и</i>	* <i>и</i>
			<i>U u, ш, њ</i>	средВ. <i>и</i>	
первый слог	<i>ү</i>	<i>у</i>	<i>U u, ш, њ</i>	счК. <i>и</i>	* <i>и</i>
			<i>U i</i>	южВБ. <i>и</i>	
непервый слог	<i>ү</i>	<i>ы</i>	<i>G њ</i>		
			<i>J j</i>		
непервый слог	<i>ү</i>	<i>ы</i>	<i>MU j</i>		
			<i>U њ</i>		

Употребление гласной у

1) В первом слог

у в соответствии с литер. у:

будытоз ‘вырастит’ [с. 22, строка 14; с. 22, строка 16] (также и в двух других формах слова *будэтыны* ‘вырастить’) — литер. *будэтоз*; ср. *budētīnī* (B, U), *budetīnī* (M), *budītīnī* (G), *budītīnī* (MU) ‘растить, воспитывать’ [Wichmann 1987: 26]; бавлПУ., южВБ. *budetēnē*, бесВ. *budetānē*, средВ., счК. *budetīnī* ‘воспитать, вырастить’ < ПУдм *и;

вурьто ‘заставлю сшить’ [с. 32, строка 5] — литер. *вурьто*; ср. *virīnī* (G, U), *virī-* (S), *vurnī* (M), *virīnī* (J, MU) ‘шить’ [Wichmann 1987: 328]; бавлПУ., южВБ. *virēnē*, бесВ. *virānē*, средВ., счК. *virīnī* ‘шить, сшить’ < ПУдм *и;

чурьт ‘твердый || скупой’ [с. 35, строка 17; с. 52, строка 8] — литер. *чурьт*; ср. *t’šurīt* (G, U), *t’šurīt* (S, M, J, MU) ‘твердый, крепкий, прочный’ [Wichmann 1987: 289]; бавлПУ. *teurāt*, бесВ., южВБ. *teurēt*, средВ., счК. *teurīt* ‘твердый’ < ПУдм *и.

2) В непервом слог

фонема у в исконно удмуртских словах встречается очень редко.

В памятнике у в соответствии с литер. у в непервом слог представлено в следующих случаях:

а) в сложном слове, второй компонент которого содержит у в составе первого слога:

ваңбур ‘добро, богатство’ [с. 29, строка 2] (также и в 16-ти формах этого слова) — литер. *ваньбур*; ср. *vañ-bur* (G, M, MU, U), *vañ-burb* (S, J, MU) ‘все имущество, собственность, состояние’ [Wichmann 1987: 307];

б) в заимствованиях из русского языка:

минут [с. 48, строка 19] < рус. *минута*; ср. *minut* (MU) ‘минута’ [Wichmann 1987: 159];

парус [с. 59, строка 22] (также *парусь* [с. 59, строка 23]) < рус. *парус*;

в) в слове *ушаулы* ‘похожий’ [с. 46, строка 15] (ср. бавлПУ. *ušanē* ‘походить, быть похожим’; *ušaṭjīnī* (MU), *ṭšaṭjīnī* (U) ‘сравнивать; сверять, сличать, сопоставлять’ [Wichmann 1987: 302]), не имеющем лите- ратурного соответствия.

Таблица 12

Соответствия фонемы у

позиция	гласная памятника	соответствия			
		литер.	по [Wichmann 1987]	по аудиословарям	ПУдм
первый слог	у	у	G u M u J u S u MU u U u	бавлПУ. u бесВ. u средВ. u счК. u южВБ. u	*и
непервый слог	у	у			

Употребление гласной э

В первом слог

1. э в соответствии с литер. э:

дэра ‘полотно’ [с. 59, строка 24] — литер. *дэра*; ср. *dera* (G, M, J, MU, U) ‘холст, полотно’ [Wichmann 1987: 32]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *derá* ‘холст, холстина’ < ПУдм *ε;

лэстыны [с. 6, строка 5; с. 29, строка 18; с. 44, строка 6; с. 61, строка 18] — литер. *лэстыны* ‘делать, сделать’; ср. *leštīnī* (G, U), *lešt-* (B), *leštjīnī* (M, J, MU) ‘делать’ [Wichmann 1987: 144]; бавлПУ., южВБ. *leštēnē*, бесВ. *leštānē*, средВ., счК. *leštīnī* ‘делать, сделать’ < ПУдм *ε;

неймыт ‘темнота’ [с. 34, строка 12] — литер. *неймыт*; ср. *pel'mīt* (G), *pel'mīt*, *pen'mīt* (J), *pejmīt* (G, U), *pejmīt* (M, MU), *pejmīt* (U) ‘темный; темно’ [Wichmann 1987: 192]; бавлПУ. *pejmət*, бесВ. *pejmēt*, средВ., счК. *pejmīt*, южВБ. *pejmēt* ‘темный’ < ПУдм *ε.

2. э в соответствии с литер. ө:

летыкы ‘во время прикосновения’ [с. 58, строка 21] — литер. *йөтыку*; ср. *jetjīnī* (S, M), *jet-* (G), *jötjīnī* (J), *d’etjīnī* (MU), *d’etjīnī* (U) ‘трогать, попасться’ [Wichmann 1987: 76].

В непервом слогe

1. э в соответствии с литер. э:

вунэтытэк ‘не забывая’ [с. 28, строка 23; с. 29, строка 21; с. 30, строка 2; с. 49, строка 14; с. 51, строка 5; с. 52, строка 17] (также *вунэтытэг* [с. 4, строка 17; с. 5, строка 1; с. 11, строка 12]; также и в пяти других формах слова *вунэтыны* ‘позабыть, забыть’) — литер. *вунэтытэк*; ср. *vunet̪in̪* (G, U), *vunet̪i-* (S), *vunet̪inj* (M, J, MU) ‘забыть’ [Wichmann 1987: 328];

дукет ‘доля’ [с. 23, строка 15] — литер. *люкет*; ср. *l'uket* (G, S, J, MU), *juket* (M), *d'uket* (U) ‘часть, доля’ [Wichmann 1987: 152];

муззем ‘земля’ [с. 8, строка 1; с. 8, строка 14; с. 11, строка 16; с. 12, строка 14; с. 12, строка 18; с. 12, строка 24; с. 13, строка 9; с. 13, строка 24; с. 14, строка 1; с. 20, строка 18; с. 25, строка 4; с. 26, строка 16; с. 43, строка 14; с. 43, строка 24; с. 44, строка 1; с. 44, строка 5; с. 44, строка 7; с. 44, строка 13; с. 44, строка 20; с. 46, строка 1; с. 54, строка 19] — литер. *муззем*; ср. *muzjet* (G, M, J, MU), *mužjet* (G), *mužjet* (G, B, MU), *mužjet* (MU), *muzzet* (MU, U) ‘земля; почва’ [Wichmann 1987: 167].

2. э в соответствии с литер. ы:

бордэ ‘к (ко)’ [с. 26, строка 6] — литер. *борды*; ср. *bord̪* (G), *bord̪j* (J), *borde* (B, M, MU, U) ‘к, в, на’ [Wichmann 1987: 25];

доре ‘к’ [с. 34, строка 5; с. 34, строка 8; с. 47, строка 10; с. 62, строка 21; с. 62, строка 22] (также *дорэ* [с. 56, строка 3; с. 62, строка 19]) — литер. *доры*; ср. *dore* (G, B, J, MU), *dor̪* (G, U), *dor̪j* (M, J) ‘к’ [Wichmann 1987: 37];

шоре ‘на’ [с. 7, строка 24; с. 14, строка 17; с. 14, строка 18; с. 15, строка 3; с. 15, строка 12; с. 15, строка 22; с. 16, строка 7; с. 23, строка 5; с. 35, строка 3] — литер. *шоры*; ср. *šor̪j* (J), *šore* (MU, U) ‘посреди, на’ [Wichmann 1987: 249].

3. э в соответствии с литер. и:

пужет ‘против’ [с. 37, строка 1; с. 37, строка 3; с. 56, строка 20] (также *пужэт* [с. 19, строка 24]) — литер. *пужит*; ср. *pižit* (M) ‘против’ [Wichmann 1987: 215].

Таблица 13

Соответствия фонемы э

позиция	гласная памятника	соответствия			
		литер.	по [Wichmann 1987]	по аудиословарям	ПУДМ
первый слог	э	э	G e	бавлПУ. e бесВ. e средВ. e счК. e южВБ. e	*ε
			M e		
			J e		
			MU e		
			U e		
непервый слог	э	э	G e		
			M e		
			S e		
			J e		
			MU e		
		U e			
		ы	MU ε		

Употребление гласной ö

В первом слогe

1. ö в соответствии с литер. ö:

сöрыса ‘разбивая’ [с. 52, строка 4; с. 52, строка 5; с. 59, строка 12] — литер. *сöрыса*; *сöрытэк* ‘не разбивая’ [с. 51, строка 11] — литер. *сöрытэк*; ср. *ser̪in̪* (G, U), *ser̪nj* (M), *sörij̪nj* (J, MU) ‘разбить’ [Wichmann 1987: 221]; бавлПУ. *sörvn̪*, бесВ. *sžrvn̪*, средВ. *sörvn̪*, счК. *ser̪in̪*, южВБ. *sörvn̪* ‘разбить, сломать’ < ПУДМ *ε;

сöдлык ‘грех || грешно’ [с. 5, строка 17; с. 8, строка 1; с. 19, строка 17; с. 36, строка 20; с. 44, строка 9; с. 54, строка 11] — литер. *сöдлык*; ср. *šel̪ik* (G, U), *šel̪ik* (M), *sölik* (J), *šöč̪iik* (MU) ‘грех’ [Wichmann 1987: 232];

öжыт ‘мало’ [с. 32, строка 12; с. 49, строка 17] — литер. *öжыт*; ср. *ežet* (G), *īž̪t* (G, B, U), *īžet* (U), *ež̪t* (S, M), *öž̪t* (J, MU), *öžöt*, *öžet* (MU) ‘мало, немного’ [Wichmann 1987: 55]; бавлПУ. *ezät*, средВ., южВБ. *өž̪t* ‘мало, немного’ < ПУДМ *ε.

2. *ö* в соответствии с литер. *ы*:

кӱще ‘какой’ [с. 37, строка 4; с. 51, строка 14; с. 56, строка 16; с. 56, строка 17; с. 58, строка 10; с. 58, строка 12] — литер. *кыӱче*; *кӱщеке* ‘какой-то’ [с. 21, строка 14] — литер. *кыӱче ке*; ср. *ke,tʃe* (G, M, U), *kj,tʃe* (G), *kö,tʃe* (J, MU) ‘какой’ [Wichmann 1987: 126]; бавлПУ. *káʃe*, бесВ., средВ., счК., южВБ. *kijʃe* ‘какой’ < ПУДМ *ӱ.

3. *ö* в соответствии с литер. *э*:

дӱӱдет ‘благословенный’ [с. 23, строка 15] — литер. *дӱлет*; ср. *deʃ'et* (G), *döʃul'et*, *dʳöʃul'et* (MU), *dʃuʃul'et* (U) ‘счастье; благословение’ [Wichmann 1987: 32];

лӱмыш ‘плод’ [с. 26, строка 24] (также и в трех формах этого слова) — литер. *емыш*; ср. *jemiš* (S, JI), *l'emiš* (JI), *jömīš* (J), *d'ömīš* (MU), *d'emīš*, *d'emīš* (U) ‘плод, фрукт’ [Wichmann 1987: 75]; счК. *emif* ‘ягода; плод’ < ПУДМ *е.

4. *ö* в соответствии с литер. *о*:

пӱнна ‘за; для’ [с. 3, строка 7; с. 3, строка 16; с. 7, строка 2; с. 7, строка 3; с. 7, строка 5; с. 7, строка 7; с. 7, строка 8; с. 7, строка 9; с. 7, строка 12; с. 7, строка 13; с. 7, строка 14; с. 7, строка 15; с. 8, строка 15; с. 9, строка 11; с. 10, строка 15; с. 11, строка 16; с. 12, строка 3; с. 12, строка 18; с. 12, строка 19; с. 12, строка 20; с. 13, строка 20; с. 14, строка 20; с. 14, строка 22; с. 16, строка 9; с. 16, строка 11; с. 16, строка 12; с. 16, строка 13; с. 17, строка 15; с. 17, строка 16; с. 18, строка 1; с. 19, строка 4; с. 19, строка 9; с. 19, строка 10; с. 21, строка 4; с. 22, строка 2; с. 22, строка 4; с. 22, строка 8; с. 24, строка 24; с. 25, строка 3; с. 25, строка 7; с. 25, строка 18; с. 25, строка 21; с. 26, строка 6; с. 26, строка 17; с. 28, строка 18; с. 28, строка 21; с. 29, строка 3; с. 29, строка 5; с. 29, строка 17; с. 34, строка 20; с. 35, строка 10; с. 36, строка 9; с. 37, строка 20; с. 39, строка 14; с. 40, строка 11; с. 40, строка 13; с. 41, строка 11; с. 42, строка 13; с. 42, строка 21; с. 43, строка 6; с. 43, строка 14; с. 48, строка 20; с. 49, строка 6; с. 49, строка 8; с. 53, строка 6; с. 54, строка 18; с. 55, строка 8; с. 55, строка 19; с. 57, строка 20; с. 58, строка 21; с. 59, строка 6] (также ? *пӱннм* [с. 38, строка 7]) — литер. *понна*; *пӱннад* ‘ради тебя, для тебя, за тебя’ [с. 35, строка 9; с. 35, строка 14; с. 38, строка 23] — литер. *поннад*; ср. *ponna* (G, M, J, MU, U), *pinna* (B), *pönnä* (MU) ‘из-за, ради; для’ [Wichmann 1987: 211];

сӱтонлис ‘от предоставления’ [с. 39, строка 14] — литер. *сӱтонлэсь*; *сӱтэм* ‘он дал, оказывается’ [с. 22, строка 8] (ср. *сӱтэм* [с. 12, строка 20; с. 14, строка 10; с. 35, строка 10; с. 55, строка 3]) — литер. *сӱтэм*; ср. *soʃinʃ* (G, B, U), *soʃinj* (M), *soʃinj* (J, MU) ‘давать, подавать; разрешать, позволять (официально); женить, выдавать замуж’ [Wichmann 1987: 237].

В первом слого *ö* встречается крайне редко в составе некоторых сложных слов, состоящих из двух компонентов, значение одного из которых носителями уже зачастую не распознается.

В памятнике нами было зафиксировано лишь одно слово такого рода, где *ö* соответствует литер. *ö* в первом слого:

ӱвӱл ‘(гл. отриц.) не; нет’ [с. 6, строка 17; с. 6, строка 18; с. 9, строка 9; с. 18, строка 17; с. 21, строка 1; с. 21, строка 3; с. 23, строка 13; с. 24, строка 17; с. 25, строка 22; с. 26, строка 15; с. 28, строка 5; с. 28, строка 18; с. 29, строка 3; с. 32, строка 3; с. 32, строка 10; с. 32, строка 18; с. 35, строка 8; с. 36, строка 16; с. 43, строка 11; с. 44, строка 9; с. 46, строка 24; с. 47, строка 8; с. 47, строка 23; с. 53, строка 10; с. 58, строка 22; с. 59, строка 7; с. 62, строка 21] — литер. *ӱвӱл*; *ӱвӱлке* ‘если нет’ [с. 8, строка 25] — литер. *ӱвӱл ке*; ср. *ev̄el* (G, S, M, U), *ev̄el* (G, B), *öv̄öl* (J), *öv̄öʃu* (J, MU), *eb̄öʃu* (MU) ‘нет; не’ [Wichmann 1987: 54].

Таблица 14

Соответствия фонемы *ö*

позиция	гласная памятника	соответствия			
		литер.	по [Wichmann 1987]	по аудиословарям	ПУДМ
первый слог	<i>ö</i>	<i>ö</i>	G <i>e</i> M <i>e</i> J <i>ö</i> MU <i>ö</i> U <i>e</i>		
непервый слог	<i>ö</i>	<i>ö</i>			

Употребление гласной *o*

В первом слогe

1. *o* в соответствии с литер. *o*:

вожыны ‘держатъ’ [с. 21, строка 23; с. 61, строка 23] — литер. *возьыны*; ср. *vožinī* (G, B), *vožnj* (M), *vožinj* (J, MU) ‘держатъ’ [Wichmann 1987: 325]; бавлПУ., южВБ. *vǝžnĕ*, бесВ. *vǝžnĕ*, средВ. *vǝžnī*, счК. *vǝžinī* ‘держатъ; удерживать’ < ПУдм *ǝ;

корка ‘дом’ [с. 17, строка 4; с. 62, строка 7] — литер. *корка*; ср. *kor-ka* (G, B, M, J, MU, U) ‘дом’ [Wichmann 1987: 139]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *kǝrká* ‘дом; изба’ < ПУдм *ǝ;

одиг ‘один’ [с. 10, строка 4; с. 10, строка 18; с. 11, строка 15; с. 23, строка 10; с. 37, строка 16; с. 39, строка 3; с. 48, строка 19; с. 49, строка 5; с. 49, строка 14; с. 52, строка 6] (также *одик* [с. 23, строка 10]) — литер. *одиг*; ср. *odig* (G, M, J, MU, U), *odig*, *odīg* (G), *odik* (MU, U), *oig* (B) ‘один’ [Wichmann 1987: 181]; бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. *ǝdig* ‘один’ < ПУдм *ǝ.

2. *o* в соответствии с литер. *y*:

номыриос ‘червь’ [с. 52, строка 13] — литер. *нумырьѳс*; ср. *nomīr* (G), *nomīr* (MU), *nomīr* (M, J), *nīmīr* (U) ‘червь, червяк; личинка, червячок’ [Wichmann 1987: 172].

В непервом слогe

o в соответствии с литер. *o*:

мугорзе ‘его тело’ [с. 32, строка 17; с. 57, строка 22] (также и в других восьми формах слова *мугор* ‘тело, туловище’) — литер. *мугорзэ*; ср. *tigor* (G, M, J, MU, U) ‘тело, туловище’ [Wichmann 1987: 164];

уробо ‘телегу’ [с. 32, строка 6] (также и в двух других формах слова *уробо* ‘телега’) — литер. *уробо* / *уробоез*; ср. *urobo* (S, M, J, MU, U), *robo* (G, B) ‘телега’ [Wichmann 1987: 300];

нылкышноюослис ‘от женщин’ [с. 15, строка 8] — литер. *нылкышноослэсь*; ср. *nīl-kīšno* (M, J), *nīl-kīšno* (MU), *nīl-kīšno* (U) ‘женщина’ [Wichmann 1987: 169].

Таблица 15

Соответствия фонемы *o*

позиция	гласная памятника	соответствия			
		литер.	по [Wichmann 1987]	по аудиословарям	ПУдм
первый слог	<i>o</i>	<i>o</i>	G <i>o</i> B <i>o</i> M <i>o</i> J <i>o</i> MU <i>o</i> U <i>o</i>	бавлПУ. <i>ǝ</i> бесВ. <i>ǝ</i> средВ. <i>ǝ</i> счК. <i>ǝ</i> южВБ. <i>ǝ</i>	*ǝ
непервый слог	<i>o</i>	<i>o</i>	G <i>o</i> M <i>o</i> J <i>o</i> MU <i>o</i> U <i>o</i>		

Употребление гласной *a*

В первом слогe

a в соответствии с литер. *a*:

алжыны ‘видеть’ [с. 26, строка 21; с. 45, строка 12; с. 51, строка 24; с. 57, строка 15] (также и в одиннадцати формах этого слова) — литер. *адзыны*; ср. *ad'd'žinī* (G, B), *ad'd'žinj* (M, J, JI), *add'žinj* (J), *ad'd'žinj* (MU), *ad'd'žinj* (MU), *ad'd'žinī* (U) ‘видеть’ [Wichmann 1987: 2]; бавлПУ., южВБ. *aženĕ*, бесВ. *ažǝnĕ*, средВ., счК. *až:inī* ‘видеть, увидеть’ < ПУдм *a;

вайыны ‘принести’ [с. 12, строка 22] — литер. *вайыны*; ср. *vajinī* (G, B), *vajinj* (S, M, J, MU), *vajinj* (J, MU), *vajinī* (U) ‘приносить, привозить’ [Wichmann 1987: 310]; бавлПУ. *vajĕnĕ*, бесВ. *vajǝnĕ*, средВ. *vajnī*, счК. *vajīnī* ‘принести, привести’ < ПУдм *a;

налпаны ‘думать’ [с. 58, строка 11] (также и в восьми формах этого слова) — литер. *малпаны*; ср. *malpànî* (G, U), *malpàni* (M, J), *maṣpàni* (J), *paṣpàni* (MU) ‘думать, мыслить’ [Wichmann 1987: 155]; бавлПУ., южВБ. *malpané*, средВ., счК. *malpaní* ‘думать, мыслить’ < ПУдм *а.

В непервом слог

1. а в соответствии с литер. а:

валаны ‘понять’ [с. 3, строка 18; с. 21, строка 22; с. 33, строка 2] — литер. *валаны*; ср. *valànî* (G, U), *valàni* (S, M, J), *vāṣàni* (J, MU) ‘понимать’ [Wichmann 1987: 310];

вераны ‘сказать, говорить, рассказать’ [с. 8, строка 7; с. 8, строка 22; с. 21, строка 1; с. 21, строка 4] — литер. *вераны*; ср. *verànî* (G, B, U), *veràni* (S, M, J, MU), *vṣràni* (U) ‘сказать, говорить, рассказать’ [Wichmann 1987: 312];

дэра ‘полотно’ [с. 59, строка 24] — литер. *дэра*; ср. *dera* (G, M, J, MU, U) ‘холст, полотно’ [Wichmann 1987: 32].

2. а в соответствии с литер. ы:

пормы ‘наподобие’ [с. 31, строка 23] < рус. форма.

Таблица 16

Соответствия фонемы а

позиция	гласная памятника	соответствия			
		литер.	по [Wichmann 1987]	по аудиословарям	ПУдм
первый слог	а	а	G а B а M а J а MU а U а	бавлПУ. а бесВ. а средВ. а счК. а южВБ. а	*а
непервый слог	а	а	G а M а J а MU а U а		

В «Наставлении...» можно также выявить такие явления, как:

выпадение конечной гласной основы *ы* перед суффиксом деепричастия *-са*:

нўса ‘неся’ [с. 28, строка 18] — литер. *нуыса*; ср. *niṣnî* (G, B, U), *ninî* (M), *niṣni*, *niṣni* (J), *niṣni* (J, MU) ‘нести, везти, унести, увезти, тащить’ [Wichmann 1987: 172];

лўса ‘будучи, став’ [с. 5, строка 11; с. 6, строка 13; с. 15, строка 8; с. 24, строка 7; с. 25, строка 12; с. 31, строка 2; с. 33, строка 23; с. 44, строка 21; с. 44, строка 22; с. 45, строка 3; с. 50, строка 10; с. 57, строка 15; с. 63, строка 1] (также *лўыса* [с. 23, строка 5; с. 26, строка 14; с. 36, строка 11; с. 41, строка 14; с. 52, строка 23]) — литер. *луыса*; ср. *luṣnî* (G, U), *lu-*, *lu-* (B), *luṣni* (M), *luṣni*, *luṣni* (J, MU) ‘становиться, быть’ [Wichmann 1987: 148];

шўса ‘говоря’ [с. 7, строка 2; с. 7, строка 3] (также *шўса* [с. 47, строка 12]) — литер. *шуыса*; ср. *ṣuṣnî* (G, U), *ṣuṣnî* (G), *ṣu-* (B), *ṣu-* (B, M), *ṣuṣni* (M), *ṣuṣni*, *ṣuṣni* (J, MU) ‘говорить, сказать; называть’ [Wichmann 1987: 251];

вставка гласной *ы* (*и*) для устранения нехарактерных для удмуртского языка сочетаний нескольких согласных:

тырос ‘много, множество’ [с. 54, строка 19] — литер. *трос*; ср. *tṣros* (G, U), *tros* (G, B, S), *tṣros* (M, J, MU) ‘полный, наполненный; много’ [Wichmann 1987: 263];

тырышыны ‘стараться’ [с. 3, строка 9; с. 12, строка 23; с. 29, строка 18; с. 46, строка 15; с. 57, строка 2; с. 57, строка 21] (также и в одиннадцати формах этого слова) — литер. *тырышыны*; *тырышыш* ‘труженик’ [с. 56, строка 19] — литер. *тырышыш*; *тырышемдэ* ‘твое старание’ [с. 62, строка 1] — литер. *тырышемдэ*, *тырышемед* ‘твое старание’ [с. 44, строка 19] — литер. *тырышемед*; ср. *tṣrṣṣnî* (U) ‘работать, трудиться; стараться’ [Wichmann 1987: 263];

кырцэтэ ‘твою грязь’ [с. 11, строка 2] — литер. *кырцэтэ*; ср. *kṣrṣ* (M), *kṣrṣ* (U) ‘черный, нечистый; чернота’ [Wichmann 1987: 115].

4. Выводы

Итак, в «Наставлении христианском святителя Тихона на вотском языке» можно выделить ряд особенностей вокализма, посредством которых данный памятник отличается от современного удмуртского литературного языка.

Особенности первого слога:

- употребление *и* в соответствии с литер. *ы*;
- употребление *ы* в соответствии с литер. *и*;
- употребление *ы* в соответствии с литер. *у*;
- употребление *ү* в соответствии с литер. *у*.

Особенности непервого слога:

- употребление *и* в соответствии с литер. *э* (в показателе аблатива);
- употребление *ы* в соответствии с литер. *и* (в аффиксах);
- употребление *ы* в соответствии с литер. *и*;
- употребление *ы* в соответствии с литер. *у* (в формах деепричастий);
- употребление *ы* в соответствии с литер. *э*;
- употребление *ү* в соответствии с литер. *ы*;
- употребление *э* в соответствии с литер. *ы*.

Как видим из сводной таблицы (см. Табл. 17), гласные первого слога, посредством которых язык анализируемого памятника отличается от современного литературного, согласно словарю [Wichmann 1987], идентичны гласным малмыжско-уржумского диалекта. Сюда также относятся две особенности во втором слоге (пп. 3, 7).

Отметим также, что в таблице приведены лишь регулярные случаи, для которых встречается не менее трех примеров. Однако в памятнике также представлены соответствия с одним-двумя примерами, гласные в которых также отличаются от современного удмуртского языка, но подобны тем, которые Ю. Вихманном зафиксированы в малмыжско-уржумском диалекте. Исходя из этого, можно предположить, что в основе памятника лежит диалект, который Ю. Вихманном в свое время был отмечен как малмыжско-уржумский. В современном диалектном членении удмуртского языка подобный диалект не выделяется, однако территориально его можно отнести к шошминскому говору периферийно-южного диалекта удмуртского языка. К тому же большинство особенностей вокализма, выделенные в памятнике в первом слоге, встречаются и в современном шошминском говоре, а также в некоторых других говорах удмуртского языка⁷.

Употребление *и* в южной диалектной зоне (южное наречие и часть срединных говоров) в соответствии с *ы* в северной диалектной зоне (северное наречие и часть срединных говоров) встречается в десятке корней перед мягкими согласными: юдз. *вил'* — сдз. *вил'* — литер. *виль* 'новый', юдз. *пиз'* — сдз. *пиз'* — литер. *пизь* 'мука', юдз. *тис'* — сдз. *тис'* — литер. *тысь* 'семья, зерно'; шошм. *кил'лэ* — литер. *кылле* 'лежит', шошм. *кил'э* — литер. *кыле* 'остаётся', шошм. *киз'ы* — литер. *кызьы* 'как'.

Подобное соответствие в аналогичной позиции может встречаться и вне корня, т. е. в составе различных аффиксов, что в памятнике также представлено широко и было продемонстрировано многочисленными примерами выше.

Употребление юдз. *ы* (ь) в соответствии с сдз. *и* встречается в десятке корней с последующим твердым согласным или между *ш*, *ж* и последующим мягким: юдз. *гынэ* — сдз. *гынэ* — литер. *гынэ*, юдз. *чырды-* — сдз. *чирды-* — литер. *чирды-* 'петь (о птицах)', юдз. *гыжсы* — сдз. *гижсы* — литер. *гижсы* 'ноготь, коготь'.

Возможно, данное правило действовало и в непервом слоге, где гласная памятника *ы* соответствует современной литер. *и*, в таких словах, как *ачыд* 'ты сам' [с. 13, строка 18; с. 29, строка 2; с. 31, строка 13; с. 32, строка 14; с. 33, строка 24; с. 34, строка 9; с. 36, строка 13; с. 37, строка 5; с. 37, строка 13; с. 38, строка 5; с. 39, строка 15; с. 40, строка 6; с. 41, строка 22; с. 42, строка 2; с. 42, строка 22; с. 43, строка 18; с. 44, строка 16; с. 47, строка 1; с. 57, строка 4; с. 57, строка 9; с. 61, строка 22; с. 61, строка 24] — литер. *ачид*; *Ачыз* / *ачыз* 'он сам' [с. 4, строка 18; с. 10, строка 11; с. 11, строка 9; с. 23, строка 10; с. 37, строка 1; с. 39, строка 21; с. 39, строка 22; с. 42, строка 10; с. 42, строка 20; с. 44, строка 14; с. 53, строка 15; с. 55, строка 24; с. 56, строка 15; с. 58, строка 10; с. 59, строка 2; с. 59, строка 12; с. 59, строка 13; с. 60, строка 23; с. 61, строка 7; с. 62, строка 2] — литер. *ачиз*; *ачым* 'я сам' [с. 46, строка 17] — литер. *ачим*; *майын*

⁷ Подробнее см. [Кельмаков 2006].

Таблица 17

Соответствия гласных памятника

гласная памятника		первый слог			непервый слог			
		<i>и</i>			<i>и</i>			
соответствия	литер.	<i>и</i>		<i>ы</i>	<i>и</i>		э	
	по [Wichmann 1987]	G, B, S, M, J, MU, U <i>i</i>		G, B, U <i>î</i> M, J <i>j</i> MU <i>i</i>	G, B, M, J, MU, U <i>i</i>			
	по аудиословарям	бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. <i>i</i>						
гласная памятника		<i>ы</i>			<i>ы</i>			
соответствия	литер.	<i>ы</i>	<i>и</i>	<i>у</i>	<i>ы</i>	<i>и</i>	э	<i>у</i>
	по [Wichmann 1987]	G, B, U <i>î</i> U <i>u</i> S, M, J, MU <i>j</i>	G, M <i>i</i> J <i>j</i> , MU <i>j</i> U <i>î</i>	G, M, J <i>u</i> MU <i>j</i> U <i>î</i>	G, B, U <i>î</i> M, J, MU <i>j</i>	G, B, M, U <i>i</i> J, MU <i>i ~ j</i>		
	по аудиословарям	бавлПУ. <i>э</i> бесВ., средВ., счК., южВБ. <i>î</i> бесВ., южВБ. <i>в</i>						
гласная памятника		<i>ÿ</i>			<i>ÿ</i>			
соответствия	литер.	<i>у</i>			<i>ы</i>			
	по [Wichmann 1987]	G, B, S, M, J, JI, U <i>u</i> G, J, MU, U <i>ш</i> G, B, J, MU <i>u ~ ш</i> B, U <i>î</i>			G, U <i>î</i> J, MU <i>j</i>			
	по аудиословарям	бавлПУ. <i>и</i> бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. <i>U</i>						
гласная памятника		<i>у</i>			<i>у</i>			
соответствия	литер.	<i>у</i>			<i>у</i>			
	по [Wichmann 1987]	G, S, M, J, MU, U <i>u</i>						
	по аудиословарям	бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. <i>u</i>						
гласная памятника		э			э			
соответствия	литер.	э			э	<i>ы</i>		
	по [Wichmann 1987]	G, M, J, MU, U <i>e</i>			G, M, S, J, MU, U <i>e</i>	MU <i>ε</i>		
	по аудиословарям	бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. <i>e</i>						
гласная памятника		ö			ö			
соответствия	литер.	ö			ö			
	по [Wichmann 1987]	G, M, U <i>e</i> J, MU <i>ö</i>						
	по аудиословарям							
гласная памятника		o			o			
соответствия	литер.	o			o			
	по [Wichmann 1987]	G, B, M, J, MU, U <i>o</i>			G, M, J, MU, U <i>o</i>			
	по аудиословарям	бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. <i>o</i>						
гласная памятника		a			a			
соответствия	литер.	a			a			
	по [Wichmann 1987]	G, B, M, J, MU, U <i>a</i>			G, M, J, MU, U <i>a</i>			
	по аудиословарям	бавлПУ., бесВ., средВ., счК., южВБ. <i>a</i>						

‘с чем’ [с. 53, строка 10] — литер. *маин*; *сойыз* ‘тог’ [с. 39, строка 5] — литер. *сойз*; *сойын* ‘поэтому’ [с. 6, строка 17] — литер. *сойн*; *эрык* ‘свобода, воля’ [с. 62, строка 20; с. 62, строка 23] — литер. *эрик*; *эрыктэм* ‘бесправный, несвободный’ [с. 31, строка 18; с. 60, строка 14] — литер. *эриктэм*.

Употребление в определенной группе слов *ы* (ь) в буйско-таныпском говоре и бесермянском наречии в соответствии с *у* в литературном языке, северном наречии, срединных говорах и южном диалекте и *ү* в большинстве периферийно-южных говоров. Возможны отклонения: вместо ожидаемой *ү* в периферийно-южных говорах, и в частности в шошминском говоре, может выступать *у* или *ы*, вместо бт. *ы* в ряде слов может встречаться *у*, а в говорах южного диалекта на месте *у* возможно употребление *ы* / ь: сред. *нунал*, татш. *нұнал*, кукм. *нънал*, бт. *нынал* ~ *нунал*, бес. *нънал* — литер. *нунал* ‘день’; сред. *пуны*, татш. *пұнь*, кукм. *пънь*, бт. *пыны*, бес. *пънь* — литер. *пуны* ‘собака’; сред. *сутэр*, татш. *сүтэр*, кукм. *сутэр*, бт. *сутэр*, бес. *сътэр* — литер. *сутэр* ‘смородина’. Источником подобных соответствий, по мнению В. К. Кельмакова, «является праудмуртский *и, который, утрачиваясь, дал различные рефлексy в диалектах: в части диалектов он сохранился без изменений (> *ү*), в большинстве диалектов перешел в задний ряд (> *у*), в третьих же, сохранив признак ряда, утратил лабиализованность (> *ы* > *й* > ь)» [Кельмаков 2006: 69]. Частично соответствие *у* в одних диалектах *ү* в других, по мнению ученого, может быть также вызвано спорадическим изменением в ряде диалектов *у* в *ү* в позиции перед палатальными согласными.

Подобную точку зрения подтверждают и наши данные. В памятнике мы выделили 21 лексему и 80 словоформ, содержащие *ү* в первом слоге. Из них 60 имеют соответствие и в наших аудиословарях исконной лексики. В первом слоге данных слов, согласно работе [Безенова 2014], восстанавливается праудмуртская *и. Практически все лексемы и словоформы с *ү* в первом слоге памятника имеют соответствия и в словаре [Wichmann 1987]. По данным финского ученого, в конце XIX в. (на момент сбора материала для словаря [Wichmann 1987]) подобная фонема функционировала не только в периферийно-южных говорах, но и в бесермянском и глазовском (ныне среднечепецкий диалект северного наречия) диалектах удмуртского языка (см. *Табл. 17*), хотя в примерах в этих диалектах она отмечена только в палатальном окружении. В ходе полевых экспедиций 2013 г. в бесермянском и среднечепецком диалектах идентичной фонемы нами зарегистрировано не было; если она и существовала, то, видимо, за это время была утрачена.

Итак, из четырех особенностей первого слога, выделенных нами в памятнике, можно сказать, что три первые имеют инновационный характер, а последняя — архаический.

Стоит также отметить, что в современном шошминском говоре, как и в большинстве других говоров периферийно-южного диалекта, гласная *ө*, в отличие от литературного языка, имеет огубленный характер и восходит к праудмуртскому языку [Кельмаков 2006: 70—71]. В связи с этим уместно предположить, что гласная, обозначенная в памятнике буквой *ө*, также была лабиализованной.

Что касается особенностей непервого слога, пп. 1, 2 и 4 относятся к морфонологическому уровню:

«В литературном языке и в абсолютном большинстве диалектов показателем аблатива обоих чисел является суффикс *-лэс'* {...}. В кукморском, шошминском, канлинском говорах и бесермянском наречии ему соответствует *-лис'* (в бесермянском иногда и *-льс'*) {...}. В бавлинском говоре отмечено параллельное употребление алломорфов *-лис'* и *-лэс'* {...}» [Кельмаков 2006: 120].

Употребление юдз. *и* в соответствии с сдз. *ы* в различных аффиксах перед мягкими согласными.

Образование деепричастий с временным значением посредством суффикса *-кы* в говорах южного наречия, в бесермянском наречии и нижнечепецком диалекте в соответствии с *-ку* в большинстве говоров северного наречия (для срединных говоров характерно чередование в употреблении форм с *-кы* и *-ку*). В данном случае, в отличие от двух первых особенностей, имеющих инновационный характер, формы на *-кы* считаются более архаичными [Серебренников 1963: 302].

Остальные четыре особенности непервого слога (пп. 3, 5, 6, 7) касаются корневой морфемы, но полагают небольшим, по сравнению с приведенными выше особенностями, кругом примеров и лишь частично отражены в словаре [Wichmann 1987]. Возможно, среди них представлены определенные территориальные варианты, которые на сегодняшний день большей частью уже не сохранились.

Итак, данный памятник является доказательством того, что в XIX в. в Малмыжском уезде наряду с другими регионами Поволжья и Урала, народы которых были массово крещены в XVIII в., развивалась православная миссия. Появление духовной и богослужебной литературы на родном языке было значимым сдвигом в принятии удмуртами новой веры. «Проповедь на языке удмуртов стала важнейшим средством приобщения их к христианству» [Корепанова 2011: 76]. В то же время «Наставление...», отражая определенный этап становления современных литературных норм удмуртского языка, занимает особое место в истории удмуртской письменности, относительно периодизации которой, а особенно даты ее возникновения, по сей день идут споры. Так, например, по Д. М. Сахарных, который небезоснова-

тельно начинает свою периодизацию с 1847 г., т. е. со времени выхода первых печатных книг на удмуртском языке, данный памятник относится ко второму, «продвинутому», этапу истории удмуртской письменности, который автор также называет «этапом Ильминского» и датирует 1874—1897 гг. [Сахарных 2005, 2008].

Сокращения

Языки и диалекты

ПУдм — праудмуртский

рус. — русский

удм. — удмуртский

бес. — бесермянское наречие

бесВ. — говор д. Ворца

сдз. — северная диалектная зона

счК. — говор д. Кабаково (среднечепецкий диалект)

сред. — срединные говоры

средВ. — говор д. Вылынгурт

юдз. — южная диалектная зона

южВБ. — говор с. Варклет-Бодья (центрально-южный диалект)

Говоры периферийно-южного диалекта:

бавлПУ. — говор с. Покровский Урустамак (бавлинский)

бт. — буйско-таньпский говор

кукм. — кукморский говор

татш. — татышлинский говор

шошм. — шошминский говор

В — бесермянский диалект [Wichmann 1987]

Г — глазовский диалект [Wichmann 1987]

Ј — елабужский диалект [Wichmann 1987]

ЈІ — елабужский диалект по рукописному словарю В. Ислентьева [Wichmann 1987]

М — малмыжский диалект [Wichmann 1987]

МУ — малмыжско-уржумский диалект [Wichmann 1987]

S — сарапульский диалект [Wichmann 1987]

Sl — слободской диалект [Wichmann 1987]

U — уфимский диалект [Wichmann 1987]

Общие

гл. отриц. — глагольное отрицание

диал. — диалект, диалектный

изъяснит. — изъяснительный

литер. — литературная форма, литературный язык

Литература

Азбука Глаз. — Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Глазовскому). Казань, 1847. (Переизд.: Первые печатные книги на удмуртском языке. Глазовское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Карпова Л. Л.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 3.) Ижевск, 2003. С. 387—558.) {The ABC book compiled from Russian letters of canonical and civil print for teaching Wotyak children to read in their language (in Glazovskoye). Kazan, 1847 (Reprint: The first printed books in the Udmurt language. Glazovskoye dialect (Reprint of the texts of the 1847 eidtion) / Comp. by *L. M. Ivshin*. Ed. by *L. L. Karpova*. Introduction by *L. M. Ivshin* (Cultural monuments: Linguistic heritage, 3.) Izhevsk, 2003. P. 387-558.)}

Азбука Сар. — Азбука, составленная изъ Россійскихъ, церковной и гражданской печати, буквъ, для обученія вотскихъ дѣтей чтенію на ихъ нарѣчіи (По Сарапульскому). Казань, 1847. (Переизд.: Первые печатные книги на удмуртском языке. Сарапульское наречие (Репринтное воспроизведение текстов издания 1847 г.) / Сост. *Ившин Л. М.* Отв. за вып. *Кириллова Л. Е.* Предисл. *Ившина Л. М.* (Памятники культуры: Лингвистическое наследие, 4.) Ижевск, 2003. С. 249—439.) {The ABC book compiled from Russian letters of canonical and civil print for teaching Wotyak children to read in their language (in Sarapulskoe). Kazan, 1847 (Reprint: The first printed books in the Udmurt language.

Sarapulskoe dialect (Reprint of the texts of the 1847 edition) / Comp. by *L. M. Ivshin*. Ed. by *L. E. Kirillova*. Introduction by *L. M. Ivshin* (Cultural monuments: Linguistic heritage, 3.) Izhevsk, 2003. P. 249-439.}

Алатырев 1975а — *Алатырев В. И.* Введение // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975. С. 3—15. {*Alatyrev V. I.* Introduction // The first scientific grammar of the Udmurt language. Izhevsk, 1975. P. 3-15.}

Алатырев 1975б — *Алатырев В. И.* Примечания // Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975. С. 1—17. {*Alatyrev V. I.* Commentaries // The first scientific grammar of the Udmurt language. Izhevsk, 1975. P. 1-17.}

Алатырев 1976 — *Алатырев В. И.* Первая научная грамматика 1775 года и развитие удмуртского языкознания // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 15—36. {*Alatyrev V. I.* The first scientific grammar of the Udmurt language and development of the Udmurt linguistics. Izhevsk, 1976. P. 15-36.}

Алатырев 1977 — *Алатырев В. И.* Об авторстве первых чувашской, удмуртской и марийской грамматик // Советское финно-угроведение. 1977, 3 (XIII). С. 208—215. {*Alatyrev V. I.* About the authorship of the first Chuvash, Udmurt and Mari grammars // Soviet Finno-Ugric studies. 1977, 3 (XIII). P. 208-215.}

Безенова 2014 — *Безенова М. П.* Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Bezenova M. P.* Udmurt vocalism of the first vowel in historical aspect (a case study of written monuments and modern dialects). Ph.D. thesis. M., 2014.}

Безенова 2015 — *Безенова М. П.* Удмуртский вокализм первого слога в историческом аспекте (на материале памятников письменности и современных диалектов). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2015. {*Bezenova M. P.* Udmurt vocalism of the first vowel in historical aspect (a case study of written monuments and modern dialects). Author's abstract of Ph.D. thesis. M., 2015.}

Вахрушев 1975 — *Вахрушев В. М.* Первая удмуртская грамматика и развитие удмуртской лингвистики // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск, 1975. С. 3—23. {*Vakhrushev V. M.* The first Udmurt grammar and development of the Udmurt linguistics // Issues in Udmurt linguistics. Is. 3. Izhevsk, 1975. P. 3-23.}

Вахрушев 1976 — *Вахрушев В. М.* Формирование и развитие удмуртского литературного языка // 200 лет удмуртской письменности. Ижевск, 1976. С. 37—43. {*Vakhrushev V. M.* Formation and development of the Udmurt literary language // 200 years of Udmurt writing. Izhevsk, 1976. P. 37-43.}

Ившин 2009 — *Ившин Л. М.* Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII — первой половине XIX века. Дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2009. {*Ivshin L. M.* Formation and development of Udmurt print and orthography in 18th – first half of 19th centuries. Ph.D. thesis. Izhevsk, 2009.}

Иоанн — От Иоанна святое благовествование (Иоаннлэсь святой благовествование) // СПб., Архив РАН. Ф. 94, оп. 1, № 244. {The holy gospel according to John (Ioannles svyatoj blagovestvovanie) // SPb, RAS Archive. Fund 94, series 1, item 244.}

Камитова, Ившин 2012 — *Камитова А. В., Ившин Л. М.* Особенности перевода «Евангелия от Иоанна» на удмуртский язык в начале XIX века // Урало-алтайские исследования. 2012, 2 (7). С. 14—24. {*Kamitova A. V., Ivshin L. M.* Specifics of the Udmurt language translation of the Gospel of John in the beginning of the 19th century // Ural-Altaic studies. 2012, 2 (7). P. 14-24.}

Каракулов 1987 — *Каракулов Б. И.* О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX в. // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 103—107. {*Karakulov B. I.* About the dialectic specifics of the Udmurt written monuments of the 19th century // Permistica: Issues in dialectology and history of Permian languages.}

Каракулов 2000 — *Каракулов Б. И.* Язык удмуртского перевода Евангелий, изданных в 1847 году // Коренные этносы севера Европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы. Материалы научной конференции (Сыктывкар, 17—19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 467—469. {*Karakulov B. I.* The language of the Udmurt translation of the Gospels, published in 1847 // Native peoples of the North of the European part of Russia at the edge of the millennium: History, modern age, perspectives. Proceedings of the scientific conference (Syktyvkar, May 17-19 2000). Syktyvkar, 2000. P. 467-469.}

Каракулов 2006 — *Каракулов Б. И.* Удмурт литературной кыллэн сюресэз: XVIII—XXI даурьёс (История удмуртского литературного языка: XVIII—XXI века). Ижевск, 2006. {*Karakulov B. I.* History of the Udmurt literary language: 18th – 21st centuries. Izhevsk, 2006.}

Кельмаков 1993 — *Кельмаков В. К.* Формирование и развитие фонетики удмуртских диалектов: Научный доклад, представленный в качестве диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1993. {*Kelmakov V. K.* Formation and development of the Udmurt dialects' phonetic: a scientific lecture delivered in the capacity of a doctorate thesis. M., 1993}

Кельмаков 2004 — *Кельмаков В. К.* О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапальском наречии» удмуртского языка. I // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szij Enikő 60. születésnapjára / Szerkesztő *Csepregi Márta és Várady Eszter*. Budapest, 2004. С. 537—546. {*Kelmakov V. K.* About language and style of an early print Gospel according to St. Matthew in "Sarapulskoe" dialect of the Udmurt language. I // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szij Enikő 60. születésnapjára / Szerkesztő *Csepregi Márta és Várady Eszter*. Budapest, 2004. P. 537—546.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kelmakov V. K.* A concise course on Udmurt dialectology: a textbook for higher education institutes. Second edition. Izhevsk, 2006.}

Кельмаков 2007 — *Кельмаков В. К.* Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарапальском наречии» удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. 2007, 5. С. 17—24. {*Kelmakov V. K.* About “orthography” of an early print Gospel according to St. Matthew in “Sarapulskoe” dialect of the Udmurt language. // Udmurt University Bulletin. 2007, 5. P. 17-24}

Кельмаков 2008 — *Кельмаков В. К.* Об истории удмуртского литературного языка: Учебное пособие. Ижевск, 2008. {*Kelmakov V. K.* About the history of the Udmurt literary language: a textbook. Izhevsk, 2008.}

Корепанова 2011 — *Корепанова Д. Е.* Православная религиозная миссия среди удмуртов в XIX в. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции. 2011, 3 (13). С. 66—96. {*Korepanova D. E.* The orthodox religious mission amongst the Udmurts in the 19th century. // Idnakar: Methods of a historical-cultural reconstruction. 2011, 3 (13). P. 66-96.}

Луппов 1905 — *Луппов П. Н.* О первых вотских переводах источников христианского просвещения: Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905. {*Lupпов P. N.* About the first Wotyak translations of the sources of Christian enlightenment. An essay from the history of the foreign translations. Kazan, 1905.}

Марк — Евангелие от Марка // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847. {The Gospel according to Mark // Our Lord Jesus Christ’s Gospels according to SS. evangelists Matthew and Mark in Russian and Wotyak languages of the Glazovskoe dialect. Kazan, 1847.}

Матфей Глаз. — Евангелие от Матфея // Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелистовъ Матѳея и Марка на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847. {The Gospel according to Matthew // Our Lord Jesus Christ’s Gospels according to SS. evangelists Matthew and Mark in Russian and Wotyak languages of the Glazovskoe dialect. Kazan, 1847.}

Матфей Сар. — Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотякскомъ языкахъ, Сарапальскаго нарѣчія. Казань, 1847. {Our Lord Jesus Christ’s Gospels according to st. evangelist Matthew in Russian and Wotyak languages of the Sarapulskoe dialect. Kazan, 1847.}

Напольских 1998 — *Напольских В. В.* Дважды забытый (Д. Г. Мессершмидт — первый исследователь удмуртского языка и культуры) // Арт. 1998, 4. С. 146—156. {*Napolskikh V. V.* Twice forgotten (D. G. Messerschmidt – the first scholar of the Udmurt language and culture) // Art. 1998, 4 P. 146-156.}

Напольских 2001 — *Напольских В. В.* Удмуртские материалы Д. Г. Мессершмидта. Дневниковые записи, декабрь 1726 г. Ижевск, 2001. {*Napolskikh V. V.* Udmurt materials of D. G. Messerschmidt. Diary entries, December 1726. Izhevsk, 2001.}

Напольских 2002 — *Напольских В. В.* К вопросу о диалектной базе удмуртского словника Ф. И. фон Штраленберга // Linguistica Uralica. 2002, 1. С. 33—49. {*Napolskikh V. V.* On account of the dialect base of the F.I. von Stralenberg’s Udmurt word list // Linguistica Uralica. 2002, 1. P. 33-49.}

Сахарных 2005 — *Сахарных Д. М.* О периодизации истории удмуртской письменности // VII научно-практическая конференция преподавателей и сотрудников УдГУ, посвященная 245-летию г. Ижевска. Материалы конференции. Часть 1. Ижевск, 2005. С. 63—65. {*Sakharnykh D. M.* About the periodization of the Udmurt writing history // The 7th theoretical and practical conference of the UdSU lecturers and research workers on account of 245 years since Izhevsk city’s foundation. The conference proceedings. Part 1. Izhevsk, 2005. P. 63-65.}

Сахарных 2008 — *Сахарных Д. М.* К реконструкции истории удмуртской письменности // <http://online.rae.ru/220>, 2008. {*Sakharnykh D. M.* On reconstruction of the Udmurt writing history // <http://online.rae.ru/220>, 2008.}

Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963. {*Serebrennikov B.A.* Historical morphology of Permic languages. M., 1963.}

Тараканов 1959 — *Тараканов И. В.* О первой научной грамматике удмуртского языка // Записки. Вып. 19. Ижевск, 1959. С. 149—166. {*Tarakanov I. V.* About the first scientific grammar of the Udmurt language // Proceedings. Is. 19. Izhevsk. 1959. P. 149-166.}

Тараканов 1965 — *Тараканов И. В.* Первой грамматике удмуртского языка 190 лет // Советское финно-угроведение. 1965, 3 (I). С. 229—230. {*Tarakanov I. V.* 190 years of the first scientific grammar of the Udmurt language. Soviet Finno-Ugric studies. 1965, 3 (I). P. 229-230.}

Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII в. М., 1965. {*Tepliyashina T.I.* Udmurt written monuments of the 18th century. M., 1965.}

Тепляшина 1971 — *Тепляшина Т. И.* Об удмуртско-русском словаре Захария Кротова // Советское финно-угроведение. 1971, 2 (VII). С. 129—139. {*Tepliyashina T. I.* About the Udmurt-Russian dictionary of Zakhary Krotov // Soviet Finno-Ugric Studies. 1971 2 (VII). P. 129-139.}

Тепляшина 1973 — *Тепляшина Т. И.* Морфологические диалектизмы в словаре Захария Кротова // Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 2. Ижевск, 1973. С. 224—226. {*Tepliyashina T. I.* Morphological dialectism in the Zakhary Krotov’s dictionary // Issues in Udmurt linguistics. Is. 2. Izhevsk, 1973. P. 224-226.}

Тепляшина 1995 — *Тепляшина Т. И.* Об удмуртско-русском словаре З. Кротова // *Кротовъ З.* Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1995. (= Краткой Вотской словарь съ російскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Еловскаго Троицкой церкви священникомъ Захарією Кротовымъ, 1785). С. VII—XX. {*Teplyashina T.I.* About Z. Krotov's Udmurt-Russian dictionary // *Krotov Z.* Udmurt-Russian dictionary. Izhevsk, 1995. (= A short Wotyak dictionary with a Russian translation compiled and organized by alphabet by the priest of the Trinity church in the Yelovskoe village Zakhary Krotov, 1785). P. VII-XX.}

Шутов 1997 — *Шутов А. Ф.* Первым удмуртским книгам — 150 лет // *Linguistica Uralica.* 1997, 3 (XXXIII). С. 215—217. {*Shutov A. F.* 150 years since the first Udmurt books // *Linguistica Uralica.* 1997, 3 (XXXIII).}

Csúcs 2005 — *Csúcs S.* Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest, 2005.

Wichmann 1987 — *Wichmann Y.* Wotjakische Wortschatz / Aufgezeichnet *Wichmann Y.* Bearb. *Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (= *Lexica Societatis Fenno-Ugricae.* 1987, 21.)

РЕЗЮМЕ

В статье описываются графические и вокалические особенности одного из памятников удмуртской письменности конца XIX в. На основе анализа этих особенностей и сопоставления полученных результатов с материалами словаря [Wichmann 1987] и данными современных удмуртских говоров делается вывод о диалектной принадлежности рассматриваемого памятника.

SUMMARY

The article represents graphic and vocalic characteristics of the Udmurt written monument of the late 19th century. Taking into account these features and comparing received results with the materials of the dictionary [Wichmann 1987] and the data of the modern Udmurt dialects the author comes to the conclusion about the dialect base of the monument.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, графические особенности, вокалические особенности

Keywords: the Udmurt language, written monuments, graphic features, vocalic features

Безенова (Кайсина) Мария Петровна, Институт языкознания РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Maria P. Bezenova (Kaysina), Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); mary_kaj@mail.ru

Письменные источники по башкирскому языку конца XIX — начала XX века

Для исследования происхождения и процесса развития башкирского литературного языка одним из основных материалов являются письменные источники конца XIX — начала XX в.

В 60-е гг. XIX в. в России бурно развивается просветительская деятельность, в массовом порядке открываются русско-башкирские школы. Русские миссионеры широко изучают язык, фольклор, быт и обычаи местного населения, приспособляют русскую графику к башкирскому языку и на ее основе записывают образцы речи, издают учебные пособия и переводят христианскую литературу.

Идеолог миссионерского общества Н. И. Ильминский в качестве дополнительной меры предлагает специальную педагогическую систему. Его идея состоит в том, чтобы вести обучение на разговорном языке местного населения и использовать письменность на основе русского алфавита.

Учебники и словари, созданные в данный период, играют прогрессивную роль: в русско-башкирских школах башкирский народ учится грамоте по букварям и учебникам, написанным на родном языке; учебники и словари, напечатанные на живом разговорном языке на основе кириллицы, оказывают положительное влияние на формирование башкирского литературного языка, письменности и т. д.

В рассмотренных нами источниках специфические звуки башкирского языка отмечены специальными знаками. Например, Н. И. Ильминский, В. В. Катаринский, А. Г. Бессонов и Н. Ф. Катанов для записи специфических башкирских звуков использовали буквы, обозначающие близкие по произношению русские звуки, с дополнительными диакритическими знаками; М. А. Кулаев отмечает такие звуки немногими измененными русскими и греческими буквами.

Алфавиты М. А. Кулаева и Н. Ф. Катанова наиболее полно отражают башкирские звуки. В алфавитах всех авторов отсутствуют буквы *в, ц, ч, щ*, твердый и мягкий знаки (*ь, ь*). Отсюда видно, что слова, заимствованные из русского языка, башкиры произносили, приспособив к фонетическим нормам родного языка.

Авторы трудов хорошо понимали основные особенности башкирского языка: в написании слов сохранен закон сингармонизма. Лишь в книгах В. В. Катаринского наблюдаются небольшие отклонения, связанные с тем, что в основу его работ лег сакмарский говор южного диалекта, в котором отсутствует губная гармония гласных.

Во всех источниках написание слов основывается на фонетическом принципе. В изучаемых памятниках слова, в орфографии современного башкирского языка записываемые как *вакыт, вәгәзә, ват, вафат*, даны так, как слышатся: *уакыт / уахыт, уәгәзә, уат / ууат, уафат*. Также в этих трудах для передачи сочетаний гласных с предшествующим *j*- иногда используются сочетания *йа, йу, йе*, а не буквы *я, ю, е*. К сожалению, при создании нового башкирского алфавита на основе кириллицы (1940 г.) эти способы передачи не были использованы. То, что не все звуки отражены отдельно, многие ученые считают недостатком современной письменности.

Все учебники и словари по башкирскому языку конца XIX — начала XX в. написаны на простом и понятном живом разговорном языке. Основную лексику источников составляют башкирские слова, заимствованных слов очень мало. Встречаются арабские и персидские слова-заимствования, которые уже в то время широко использовались в языке и стали неотъемлемой частью башкирской лексики. Лишь в работе В. Прёле иностранные слова занимают значительное место.

Данные труды — необходимые источники и по башкирской диалектологии. В них нашли отражение фонетические, лексические и грамматические особенности, свойственные разным диалектам и говорам башкирского языка.

1. Первые фиксации лексики башкирского языка в составе сравнительных словарей тюркских наречий и небольшие словники башкирского языка

С лингвистической точки зрения одним из первых на башкирский язык обращает внимание немецкий ученый **Иоганн Готлиб Георги**, состоявший на службе у русского государства [Георги 1799: 93]. В отличие от многих других исследователей, автор рассматривает башкирский как самостоятельный язык среди других тюркских. И. Г. Георги, собрав достаточное количество лексического материала, составляет словарь башкирского языка. К сожалению, эти рукописи не сохранились до наших дней. Позднее подобный материал (285 башкирских слов) включается в словарь его соотечественника **Петера Симона**

Палласа [Паллас 1787—1789]. В другом труде П. С. Палласа [Паллас 1786] содержатся некоторые сведения о башкирах, их хозяйственном укладе и языке.

В тот период многие ученые изучают башкирский язык, в основном опираясь на вышеуказанные труды [Adelung 1806—1817; Klapproth 1823]; некоторые, полностью основываясь на материалах словаря Палласа, выпускают новые словари [Янкович де Мириево 1790—1791; Шишков 1838]. В 80-е гг. XVIII в. **Миндияром Бекчуриным** составляется первый русско-башкирский словарь «Перевод слов на башкирский язык» [Валеев, Шакуров 1976]. Этот словарь, состоящий из 360-ти башкирских лексем, написанных с использованием русской и арабской графики, сохранился в рукописном виде. В словаре **Петра Учадамцева** «Список слов с переводом на татарский, башкирский, калмыцкий языки» дается перевод на указанные языки 357 русских слов [Ишбердин 1986: 12].

В учебном пособии по тюркско-татарскому языку **М.-А. Казембека**, пользующемся известностью в Европе, указываются некоторые особенности звуков башкирского языка и приводятся образцы татаро-башкирских фонетических параллелей [Казембек 1846].

В вопросе постепенного сближения и систематизации литературного языка и разговорной речи определенное значение имели «Татарская хрестоматия» С. Кукляшева [Кукляшев 1859] и изданный как приложение к ней русско-татарский словарь. Этот словарь, содержащий около 4000 слов (арабские, фарси, турецкие, казахские, татарские и башкирские лексические пласты), в свое время являлся необходимым пособием.

Двухтомный «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий со включением употребительнейших слов арабских и персидских с переводом на русский язык» (1869—1871 гг.) **Лазаря Захаровича Будагова** оставил глубокий след в истории тюркской лексикографии. В словаре можно найти очень ценную информацию о башкирской лексике, фонетике и грамматике. В него включены более 200 слов, употребляющихся в башкирском языке, и отмечены примечанием «башк.». Часто употребляемые слова автор сравнивает в нескольких языках. Так как здесь научный и практический материалы даются в единстве, словарь имел очень большое прикладное значение, будучи употребительным не только в процессе образования, но и в торговле, общении и других областях жизни.

Тюркские слова у Л. З. Будагова написаны арабской графикой; транскрипция русскими буквами не указывается, потому что это привело бы к увеличению объема словаря. Дается не только перевод слова, но и примеры. Встречаются некоторые слова, значение которых не совпадает со значением слов в современном башкирском языке и которые не употребляются ни в башкирском литературном языке, ни в говорах. Слова по корням делятся на гнезда; показаны их происхождение и отношение к другим словам родственных языков; также дается краткое объяснение географическим названиям, именам собственным, обычаям, обрядам и терминам.

Плод полувекового труда — «Опыт словаря тюркских наречий» **Василия Васильевича Радлова** (1899—1911 гг., см. [Суфьянова 1998: 14]), сделавшего первые шаги в изучении башкирского языка с научной точки зрения, — по богатству материала, его подаче и системности — одно из самых высоких достижений тюркской лексикографии. Несмотря на то, что после него было составлено множество словарей, этот труд и сегодня не теряет своей значимости.

В. В. Радлову не пришлось напрямую общаться с башкирами, возможно, поэтому он рассматривает башкирский язык как один из видов татарского языка, а самих башкир относит к «русским татарам» и в своем четырехтомном словаре уделяет место лишь 65-ти башкирским словам [Гарипов, Ураксин 1973: 161]. Некоторые из этих башкирских слов выделяются с помощью специальной пометы «башк.». Исходя из морфологических особенностей башкирского языка, ученый делит его на два диалекта: восточный (диалект горных башкир) и южный (диалект степных башкир). Он указывает, что первые в начале слова используют звук [ç], что соответствует звуку [h] во втором диалекте [Киекбаев 1957: 10]. Запись башкирских слов сделана в специальном тюркологическом транскрипционном алфавите, совмещающем русские и латинские буквы, а также диакритики.

В. В. Радлов, благодаря своим обширным знаниям и невероятной работоспособности, в одиночку проделал работу, для которой требовалась группа опытных специалистов. Хотя в данной работе башкирский язык освещается мало, но этот труд у многих пробуждает интерес к изучению башкирского языка.

2. Первые фольклорные записи

В начале XIX в. возрастает интерес к изучению башкирского устного народного творчества. Большой вклад в соби́рание, перевод и популяризацию образцов башкирского фольклора внесли представитель передовой русской интеллигенции **Тимофей Беляев** [Беляев 1812] (имеются предположения, что он, возможно, является «крещеным» башкиром), выпустивший первое издание башкирских народных

песен русский писатель, поэт **П. М. Кудряшев** [Башкирия 1989; Кудряшев 2013] и известный писатель, ученый, автор четырехтомного толкового словаря русского языка, академик **В. И. Даль** [Башкирия 1989].

Некоторые образцы башкирского фольклора включаются в разные учебники и учебные пособия. В трудах **Мартиниана (Мартемьяна) Иванова** «Татарская грамматика» и «Татарская хрестоматия» [Иванов 1842] даются образцы фольклора, а также отдельная информация о некоторых фонетических и морфологических особенностях разговорного языка южных башкир (вернее, башкир, живущих в Оренбургском крае). М. Иванов одним из первых начал говорить о необходимости создания литературного языка, понятного широким народным массам; «народный тип литературного языка» он видит в устном народном творчестве, а башкирский разговорный язык и образцы фольклора впервые поднимает до уровня письменных памятников. В хрестоматии первый образец башкирского письменного языка печатается в рассказе о царе Петре («Рассказ о смелом царе») [Иванов 1842: 158—165].

Велика роль в изучении фольклора тюркских народов магистра **Ильи Николаевича Березина**, ученика известного тюрколога М.-А. Казембека. Он рассматривает башкирский язык как один из «диалектов» тюркской группы языков. В его «Тюркской хрестоматии» [Березин 1848] есть отдельный раздел «Башкирский говор» объемом в десять страниц. В труде помещены две сказки и 104 песни, записанные у башкир. Сказки написаны на башкирском языке, песни — на старотюркском литературном языке; и те, и другие — на основе арабского алфавита.

Одна часть башкирской сказки, встречающейся в учебниках М. Иванова и М.-С. Биксурина [Ишбирзин и др. 1993: 119], под названием «Рассказ о смелом царе» включена на башкирском языке и в книгу И. Н. Березина. С некоторыми отличиями она скопирована у М.-С. Биксурина. Хотя здесь и встречаются свойственные башкирскому языку формы, из-за отсутствия необходимых букв фонетические особенности башкирского языка не отражаются правильно [Псянчин 1965: 10—11]. Несмотря на это, данный труд примечателен тем, что он является одним из первых источников по башкирскому языку.

В 70-80-е гг. XIX в. заметно растет интерес к башкирскому народному творчеству. В 1860-е гг. чиновник по особым поручениям Оренбургского генерал-губернатора **И. П. Покровский** занимается изданием башкирских народных песен. В 1870 г. у башкира 2-ой Усерганской волости Ю. Аминев он записывает башкирские и татарские песни и издает их [Покровский 1870] (всего там приведено 215 четырехстрочных песен на основе арабской графики с переводом на русский язык).

Известный краевед, внесший большой вклад в собирание и пропаганду башкирского народного творчества, видный историк и этнограф **Руф Гаврилович Игнатъев** во время своего пребывания в Башкортостане пишет более 500 статей по археологии, этнографии и фольклору. В 1864 г. он находит 15 рукописных книг в Троицком и Верхнеуральском уездах Оренбургской губернии, а в 1875 г. публикует их список в своем труде «Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края» [Галяутдинов 1987].

Михаил Владимирович Лоссиевский-Уфимский изучает башкирские легенды, собирает и публикует их переводы на русский язык в своей работе «Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам» [Лоссиевский 1883]. В написании и переводе некоторых разделов ему помогает М. И. Уметбаев.

В изучении башкирского народного творчества особое место занимает широко известный этнограф и фольклорист **Сергей Гаврилович Рыбаков**. С целью собирания фольклорного и этнографического материала он проходит весь Южный Урал, побывав в современных Учалинском, Абзелиловском, Бурзянском и Зилаирском районах. Ученый записал песенное наследие «горных башкир», изучил, наряду с татарскими и тептярскими, быт, обычаи, творчество башкир и собрал очень богатый материал (песни, сказания, легенды, пословицы, поговорки и т. д.). В последующем они нашли отражение в трудах С. Г. Рыбакова [Рыбаков 1894, 1897]. Основной труд этого исследователя — книга «Музыка и песни уральских мусульман». Там собраны вместе с нотами 204 песни и мелодии, к каждой песне дана ее краткая история, содержится информация об известных певцах и кураистах. Этот труд — одна из прекрасных реликвий в истории изучения песенного наследия башкирского народа.

Все свои заметки автор вел на основе русской графики и башкирские слова отражал по-своему: *көйләп* — ср. совр. литер. *көйләп*, *узункуй* — совр. литер. *озон көй*, *дженгыль-куй* — совр. литер. *еңел көй*, *ёк* — совр. литер. *юк*, *байк* — совр. литер. *байык*, *кашина* — совр. литер. *кашына*, *такмакъ* — совр. литер. *такмак*.

<i>Ирҗта лә бардым курташка</i>	И утром ходил на Курташ,
<i>Кистә лә бардым курташка</i>	И вечером ходил на Курташ,
<i>Ябышып менәрә талы ёк...</i>	Нет ивы там, чтобы хвататься...
<i><...> курташ башина</i>	<...> на вершину Курташа
<i>Индәм барымам кашина</i>	Больше не пойду туда,
<i>Индәм барымам кашина.</i>	Больше не пойду туда.

Вероятно, часть отмеченных приемов связана с диалектными особенностями, отраженными в песнях, но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Свой вклад в изучение башкирского языка вносит и учитель Аккучукской русско-башкирской школы Оренбургской губернии **Мухаммет-Галим Куватов**. Он оказывает большую помощь В. В. Катаринскому в составлении башкирско-русского словаря.

М. Г. Куватов занимается и собиранием пословиц и поговорок, отражающих поучительный жизненный опыт, накопленный на протяжении веков. В 1895 г. в журнале «Ученые записки Оренбургского отдела РГО» он публикует 130 башкирских пословиц [Куватов 1895]. Пословицы написаны кириллицей на башкирском языке. Они даны в алфавитном порядке с переводом на русский язык, у многих объяснены значения: «*Белмәганден бләге тынс*. У незнающего рука свободна, т. е. постоянно отдыхает. Когда лентяй, не желая заниматься каким бы то ни было делом, отговаривается, что он не знает этого дела, то ему говорят эту пословицу. *Иптәшен гүкыр булга, кузен кыс*. Если товарищ твой слепой, то и ты притворяйся слепым (букв. зажмурь глаза). Эта пословица выражает мысль, что нужно иметь большое согласие с товарищем во всяком деле, тогда только дело пойдет на лад» [Куватов 1895: 32, 40].

В некоторых случаях даны совпадающие или близкие по значению пословицы из русского языка: «*Ике кәмә күйрыгын тута алмасган*. С двумя лодками сразу не управиться. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. *Куркак элек йүзрыктар*. У страха глаза велики. *Сенерткәнән курккан иген икмас*. Волков бояться — в лес не ходить» [Куватов 1895: 45].

3. Составление первых башкирских словарей, учебников, переводных текстов

В 1859 г. в Казани выходит в свет первое, а в 1869 г. — второе издание учебника **Мирсалиха Биксурина** «Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков...» [Бекчури 1859, 1869]. Хотя автор, следуя бытовавшему тогда мнению, рассматривал башкирский язык как один из диалектов татарского языка (так же, как М. Иванов, С. Кукляшев и др.), он «правильно определяет употребление в башкирском языке букв *h, ç, c, z* вместо *с, ч, д, з* других тюркских языков» [Псянчин 1965: 11]. «Лексика памятника не так сильно отличается от лексики современного башкирского литературного языка. М.-С. Биксурин, хотя использовал арабскую графику, сумел отразить в письме многие фонетические особенности башкирского языка» [Псянчин 1977: 140].

Как образец для чтения по башкирскому языку приведен «Рассказ о смелом царе». Этот текст взят автором из книги М. Иванова, однако с языковой стороны версия Биксурина несколько отличается. Как отмечает И. Г. Галаютдинов, «издание Биксурина, несмотря на наличие некоторых диалектизмов башкирского языка, имеет сравнительно унифицированный характер. Мы вправе сказать, что с этой стороны текст М.-С. Биксурина о смелом царе стал первой ласточкой и прорывом на пути создания башкирского национального литературного языка» [Ишбирзин и др. 1993: 123]. Этот труд — один из ценных источников по изучению башкирского литературного языка, потому что в учебнике «язык башкирского материала отражает особенности, можно сказать, почти всех говоров башкирского языка и по характеру стоит выше диалектов» [Ишбердин 1982: 75].

Начиная с 60-х годов XIX в. широко распространяются такие явления, как запись образцов башкирского языка русской графикой, составление на основе кириллицы башкирского алфавита, составление учебников и словарей, занятия переводами.

В дореволюционной литературе, переведенной на башкирский, используется разговорный язык, отражающий в той или иной мере башкирские говоры. Ярким тому примером в конце XIX — начале XX в. служит сделанный по инициативе миссионеров перевод на башкирский язык нескольких книг, содержащих основы христианской религии [ОЗЖ 1899; СЕ 1899; СИ 1900; СЕ 1902].

Теоретические основы этого направления были заложены учеником М. Казембека, известным востоковедом, сильным педагогом-практиком, переводчиком и знаменитым миссионером **Николаем Ивановичем Ильминским** — автором первого башкирского текста, написанного русской графикой. Этот ученый-тюрколог оставляет после себя огромное научное наследие. Он, наряду с возрождением и изданием древнетюркских памятников («Бабур-намэ», «Кысас-ал анбия», «Рабгузи»), много сил вкладывает в изучение отдельных тюркских языков (см. [Ильминский 1861а, 1861б, 1863, 1880] и т. д.).

Н. И. Ильминский каждого человека иного рода (инородца) тюркского происхождения и исповедующего ислам определяет как «татарин», но в то же время хорошо понимает, что они являются тюркскими народами: «Было бы лучше назвать его тюркским языком, потому что этот язык характерен тюркскими народам, восточные народы называют их тюркскими народами». Поэтому термин «тюркско-татарский язык» он признает условным и не совсем правильным [Ильминский 1861б: 9]. Хотя каждый из

тюркских языков Н. И. Ильминский не рассматривает как отдельный язык, а как диалекты тюркского языка, он отмечает важность их изучения в сравнении друг с другом [Ильминский 1861б: 9—13].

Н. И. Ильминский пишет специальную книгу о необходимости составления алфавитов на основе русской графики для тюркских народов [Ильминский 1883]. Он указывает и на большое значение собирания фольклорных материалов: «Легенды, сказки, песни нужны как образец языка. Эти источники в изучении разных форм, синтаксических законов — самый первый и важный инструмент» [Ильминский 1861б: 58]. В 1861 г. лингвист впервые публикует башкирский текст русскими буквами [Ильминский 1861б: 55—58]. При написании сказки для специфических звуков башкирского языка вводятся новые знаки: *ä* — совр. литер. *ä*: *täñkä* — совр. литер. *tän,kä*; *ǰäskär* — совр. литер. *ǰäskär*; *ü* — совр. литер. *ø*, *γ*: *ǰs* — совр. литер. *øc*; *tün* — совр. литер. *tøn*; *küb* — совр. литер. *kun*; *kǰärsin* — совр. литер. *kǰärsen*; *ń* — совр. литер. *ň*: *tañ* — совр. литер. *tañ*; *h* — совр. литер. *h*: *hiniñ* — совр. литер. *hinen*; *w* — совр. литер. *v*, *γ*: *waǰ* — совр. литер. *vak*; *wäzır* — совр. литер. *väzır*; *karwan* — совр. литер. *карауан*; *ǰ* — совр. литер. *ǰ*: *uǰrı* — совр. литер. *uǰrı*; *taǰı* — совр. литер. *taǰı*; *k* — совр. литер. *k*: *kas* — совр. литер. *кас*; *kıyrk* — совр. литер. *қырк*.

Во «Вступительном чтении в курс турецко-татарских языков» Н. И. Ильминский пишет, что «оть нормально-тюркского типа оно [башкирское наречие. — *Р. К.*, *Р. Л.*] отличается переменной согласных, именно *c* въ глубоко-дыхательное *h*», и, со слов своего информанта, автор отмечает, что «нарѣчия Башкирское имѣтъ два говора, различающіеся нѣкоторыми словами и частію грамматически» [Ильминский 1861б: 58—59].

Методические принципы, которые были разработаны Н. И. Ильминским, легли в основу всех последующих дореволюционных изданий башкирских текстов, словарей, грамматик, выполненных в кириллической графике.

Знаток тюркских языков, просветитель, русский педагог и миссионер **Василий Владимирович Катаринский** известен как автор первого башкирского букваря, русско-башкирского и башкирско-русского словарей. Он окончил в Казани национальную семинарию, а затем церковно-историческое отделение Казанской духовной академии. До 1875 г. он работал преподавателем русского и церковнославянского языка в Чебоксарском училище. С 1875 г. он был инспектором башкирских, татарских и казахских школ Оренбургского учебного округа. До последних дней своей жизни В. В. Катаринский занимался приобщением местного населения к русской культуре, организацией русско-национальных школ, подготовкой для них учителей, составлением учебников и словарей [БКЭ 1997: 332].

В 1892 г. «Букварь для башкир» В. В. Катаринского издается в Оренбурге без указания автора, в 1898 г. выходит второе издание, а в 1908 г. — третье. В букваре предлагаются 39 русских графических знаков и башкирский алфавит. Для некоторых специфических башкирских звуков используются особые знаки: *ä* [ə], *ø* [ø], *ǰ* [ɣ], *h* [h], *ǰ* [h].

В конце XIX в. В. В. Катаринский на основе этого алфавита выпускает отражающие особенности живого разговорного башкирского языка «Русско-башкирский словарь» (1893 г.) и «Краткий башкирско-русский словарь» (1899 г.). В последнем звуки [з] и [с] отмечаются особыми знаками: курсивом *з* и *с*. В первый словарь включены 2173 слова, во второй — 2619 слов. «В свое время эти небольшие по объему словари имели большое практическое значение в изучении башкирского и русского языков» [БГН 1993: 5]. В. В. Катаринскому в его работе помогал башкир М. Г. Куватов, который, как было сказано выше, опубликовал 130 башкирских пословиц [Куватов 1895].

М. Г. Куватов, как и русские миссионеры, специфические звуки башкирского языка дает несколькими измененными русскими буквами. Например, гласные [ə], [ø], [ɣ] передаются буквами *a*, *o*, *γ*, но с двумя точками над ними — *ä*, *ø*, *ǰ*; *ä* [ə]: *bäläkäi* [бәләкәй], *säskä* [сәскә], *kämä* [кәмә]; знаком *ǰ* отмечаются три башкирских звука — 1) [ɣ]: *ǰz* [ɣз], *kǰrsin* [күргән]; 2) [ø]: *kün* [көн], *ǰurak* [йөрәк]; 3) [o]: *ǰltan* [олтан], *tǰta* [тота] и т. д.; а со знаком *ø* приводится только одно слово: *uǰz* [үгез]. Однако эти знаки не применяются последовательно. Например, [ə] иногда отмечается буквой *a*: *tauba* — совр. литер. *täubä*, *kıgau* [киһау] — совр. литер. *kiçäü*; есть случаи, когда звуки [ɣ] и [ø] переданы буквой *γ*: *kuldäk* [кулдәк] — совр. литер. *kuldäk*, *ubkä* [убкә] — совр. литер. *upkä*, *ǰut* [һут] — совр. литер. *höt* и т. д.; в двух словах звук [ɣ] отражен буквой *γ*: *tǰra* — совр. литер. *tǰrä*, *tǰrgä* — совр. литер. *tǰrgä*.

Согласные [з], [к], [с] передаются буквами *з*, *к*, *с* курсивом, а звук [h] — *ǰ* курсивом, например: *з* [з] — *byzaü* [бызау], *bezzen* [беззен], *täzrä* [тәзрә] (в некоторых словах, чаще в окончаниях, наблюдаются случаи употребления *ø* вместо *з*: *kazdai* [каздай] — совр. литер. *kazdai*, *kyrda* [кырда] — совр. литер. *kyrza*, *tımerde* — совр. литер. *tımerze*); *к* [к]: *kamıt* [камыт], *kurkak* [куркак], *tuprak* [тупрак]; *с* [с]: *dus* [дус], *kalmac* [калмас], *kyc* [кыс]; *ǰ* [h]: *ǰär* [һәр], *ǰaryk* [һарык], *aragında* [араһында], *ǰaryk* [һарык].

Для звука [h] предложен новый знак *h*: *künle* [күңле] — совр. литер. *künle*, *atın* [атың], *ıptäşen* [иптәшен] и т. д. Только звуки [г] и [ғ] не отмечаются самостоятельными буквами, для этих двух звуков

используется буква *г* [г]: *тугелгән* [тугелгән] — совр. литер. *тугелгән*; *г* [Ғ]: *ағас* — совр. литер. *ағас*, *иламаган балага* — совр. литер. *иламаган балага*.

Отмеченные в современной орфографии буквами *е*, *ю*, *я* звуки в большинстве случаев обозначены как сочетания *йе*, *йу*, *йо*, *йа*: *йердә* — совр. литер. *ерзә*, *йеткән* — совр. литер. *еткән*; *йугалга* — совр. литер. *югалга*; *йок* — совр. литер. *юк*; *йарлы* — совр. литер. *ярлы*, *йахшы* / *йакшы* / *йяхшы* — совр. литер. *якшы*. Но встречаются и такие написания: *күяш*, *ялкау*, *юнар*. Дифтонги автор также передает по-своему: *күтуу* — совр. литер. *көтөү*, *кисуу* — совр. литер. *кисеү*, *түәл* — совр. литер. *теүәл*, *күа* — совр. литер. *кыүа*, *ауыз* — совр. литер. *ауыз*, *кызуенда* — совр. литер. *кызыуында* и т. д.

Пословицы написаны по правилам живого разговорного языка разных диалектов и говоров. Можно встретить характерные для каждого диалекта лексические, фонетические и морфологические особенности. Например, единицы, относящиеся к южному диалекту: *инә*, *көрмәгән*, *ана*, *белән*, *тәгәрләп* — совр. литер. *тәгәрәләп*, *әзәл* — совр. литер. *әжәл* и т. д.

Также в данной работе наблюдается выпадение гласного в середине слова (редукция): *муйненда* — совр. литер. *муйынында*, *кишенең* — совр. литер. *кешенең*, *бләге* — совр. литер. *беләге*, *тынс* — совр. литер. *тыныс*, *кейҙралмәшһың* — совр. литер. *кейҙерә алмәшһың*, *кишәнашер* — совр. литер. *кешнәшер* (это явление больше имеет место в северо-восточных говорах). Встречается и явление эпентезы: *микәнәт* — совр. литер. *михнәт*, *тәнере* — совр. литер. *тәңре*.

Наблюдается озвончение звука [т] в словах *тип*, *тигән*: *дип*, *дигән* (как в северо-восточных и южных говорах); вместо [с] и [ç] отмечается [h] (как в северо-восточных говорах): *һабыр* — совр. литер. *сабыр*, *киһәү* — совр. литер. *кисәү*, *алыһта* — совр. литер. *алыста*. Отражены и слова на [п] вместо [б] в начале слова, характерные для юга и северо-востока: *пүртек* — совр. литер. *бөртөк*, *пет* — совр. литер. *бет*, *псәй* — совр. литер. *бесәй*. Встречается и озвончение [п]: *табкан* — совр. литер. *тапкан*, *йеб* — совр. литер. *еп*, *йалаб* — совр. литер. *ялап* (возможно, влияние орфографии тюркских текстов в арабице). Часто встречается [к] вместо [ғ]: *сысканка* — совр. литер. *сысканга*; [к] вместо [г]: *уйрәнкән* — совр. литер. *өйрәнгән*, *меңгәшмә* — совр. литер. *менгәшмә*, *инкән* — совр. литер. *ингән* и т. д. Употребление диссимилятивных звуковых соединений *-нк*, *-нк*, *-ңк*, *-ңк* характерно для среднего говора. В трех словах вместо *а* и *ә* встречается написание *о*: *бортий* — совр. литер. *барти*, *койгырткан* — совр. литер. *кайгырткан*, *собаб* — совр. литер. *сәбәп*. Огубление [а] в башкирском языке не получило широкого распространения, оно имеет место в северо-западных говорах и в южном диалекте — в ик-юшатырской зоне ик-сакмарского говора, во всех подговорах среднего говора, кроме инзерского, и в дёмском говоре.

Вместо *-ды* / *-де* в винительном падеже наблюдаются окончания *-ны* / *-не* (*туныңны* — совр. литер. *туныңды*, *купне* — совр. литер. *күпте*), в окончаниях множественного числа — *-лар* (*бермайлар* — совр. литер. *бирмәйзәр*); в окончаниях глаголов будущего времени — [ә] и [а] вместо [е] и [ы] соответственно (*еңәр* — совр. литер. *еңер*, *юнар* — совр. литер. *юныр*, *бесәр* — совр. литер. *бесер*, *элар* — совр. литер. *элер*, *урар* — совр. литер. *урыр*). Эти явления чаще встречаются в южных говорах.

Вообще, автору удалось передать жемчужины народного творчества в записи на разговорном языке, отразив при этом фонетические особенности башкирского языка. При изучении истории языка данный труд является одним из первостепенных источников. В нем нашли отражение основная лексика народного разговорного языка и самые важные особенности его грамматического строя.

В этот же период были подготовлены и два больших перевода христианских текстов Истории Ветхого и Нового завета и Евангелия. В книгах не указаны авторы, которые, не желая принимать мирской славы, остались неизвестными. Но, как считают А. А. Юлдашев и А. И. Харисов, язык перевода «Священной истории Ветхого и Нового завета» [СИ 1900] является типичным образцом говора башкир южной группы. Там последовательно отражены основные особенности, наблюдаемые в речи пожилых башкир этого говора: *һаман* — совр. литер. *заман*, *баитык* — совр. литер. *башлык*, *аштык*, *астык* — совр. литер. *аслык*, *акылды* — совр. литер. *акыллы*, *уйза* — совр. литер. *уйла*, *һөйзә* — совр. литер. *һөйлә*, *һисапта* — совр. литер. *хисапла*, *һакта* — совр. литер. *һакла* и т. д. [Юлдашев 1969: 114]. При этом автор не относит язык перевода к конкретному диалекту или говору, а лишь указывает, к какой территориальной группе этот говор принадлежит.

В тексте «Священной истории Ветхого и Нового завета» встречаются диалектные формы, имеющие характерные признаки айского говора восточного диалекта. Об этом свидетельствует такое фонетическое явление, как ассимиляция согласных:

а) после корня или основы, оканчивающихся на глухие согласные *к*, *п*, *с*, *т*, аффикс начинается со звука *т* вместо литературного *л*: *һактап* — совр. литер. *һаклап*; *һисаптаған* — совр. литер. *һисаплаған*; *астык* — совр. литер. *аслык*; *йотток* — совр. литер. *йотлок*; *һакта* — совр. литер. *һакла*;

б) после корня или основы, оканчивающихся на согласный *л*, аффикс начинается со звука *д* вместо литер. *л*: *акылды* — совр. литер. *акыллы*; *тыңдап* — совр. литер. *тыңлап* и т. д.;

в) после корня или основы, оканчивающихся на согласный *й*, аффикс начинается со звука *з* вместо литературного *л*: *хайзан* — совр. литер. *хайлан*; *уйзаб* — совр. литер. *уйлан* и т. д.

Кроме того, заметное влияние на памятник оказала орфография тюркских текстов, ср. *ашаб* — совр. литер. *ашан*; *бадиша* — совр. литер. *батшиа*; *хактаб* — совр. литер. *хаклан* и т. д.

Переведенный на башкирский язык текст «Евангелия» с графической стороны полностью совпадает с «Башкирско-русским словарем» В. В. Катаринского. В этом религиозном переводе отражены фонетические и грамматические особенности, а также синтаксические конструкции, широко распространенные в двух диалектах (восточном и южном) башкирского языка. Язык перевода — общенародный язык. Как указывает З. Г. Ураксин, «переводчик верно предвидел дальнейшее развитие грамматических норм литературного языка. Видимо, он неплохо знал состояние общешаркирского народного разговорного языка, распространение тех или иных форм, слов и словосочетаний» [Ураксин 1977: 99].

Представляется, что указанные памятники — самые большие тексты, опубликованные до революции на башкирском языке, — нуждаются в дальнейшем изучении с целью выявления полного списка их фонетических, морфологических, синтаксических особенностей и более точного определения диалектной принадлежности.

В истории башкирского языкознания особое место занимает **Александр Григорьевич Бессонов**, известный ученый, внесший большой вклад в изучение башкирского языка и фольклора, основоположник башкирской диалектологии, издававший азбуку и учебники для башкир. После окончания Вятской духовной семинарии и отделения религиозных каноников Казанской духовной академии (1877 г.) он учит детей, долгие годы (1882—1909 гг.) работает инспектором школ Орского и Верхнеуральского уездов и народных училищ Оренбургской губернии, а затем директором семинарии в Вятской губернии.

А. Г. Бессонов самостоятельно изучает башкирский, казахский и удмуртский языки. В своей статье «О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам» [Бессонов 1881] он очень верно указывает на недостатки письма арабской графикой: один звук обозначен несколькими знаками или один знак обозначает несколько звуков, выпадение при письме кратких гласных, отдаленность от разговорного языка и т. д. А. Г. Бессонов одним из первых, как и В. В. Радлов, рассматривает башкирский язык, разделяя его на два диалекта: язык степных башкир и язык горных башкир. Последний он называет «чисто башкирским языком» и отмечает, что он намного отличается от татарского языка, поэтому его требуется рассматривать отдельно. В указанном труде он сравнивает язык «отатарившихся» башкир (Уфимский и Оренбургский уезды) с татарским языком и раскрывает его основные особенности.

Добавив знаки для специфических звуков «инородцев», А. Г. Бессонов поднимает вопрос о составлении на основе кириллицы новых алфавитов. В 1907 г. в Казани он издает алфавит для башкир. В отличие от предыдущего труда, здесь отражаются общие для двух диалектов особенности. Язык данного пособия стоит очень близко к современному литературному языку. Для звуков, характерных только для башкирского языка, используются русские буквы с добавлением диакритических знаков: *ä* [э], *ö* [ө], *ÿ* [y], *ð* [з], *ç* [h], *ç* [ç], *н* [н].

А. Г. Бессонов с большим рвением собирает башкирские народные сказки и, записывая их, использует свой алфавит. Собранные сказки он переводит и в 1909 г. представляет Русскому географическому обществу. За эту работу он удостоивается высокой награды — золотой медали общества. К сожалению, при его жизни это сокровище остается неопубликованным — лишь через много лет его выпускает Н. К. Дмитриев отдельной книгой. Однако записки ученого по фольклору, возможно, не ограничиваются этим. В отчете А. Н. Самойловича есть сведения о составлении А. Г. Бессоновым сборника пословиц и словаря, но их судьба неизвестна [БСОТ 1974: 127]. Научное наследие А. Г. Бессонова ждет исследования.

В конце XIX — начале XX в. непосредственное отношение к изучению башкирского языка и его диалектов имел и хакасский ученый, известный тюрколог, этнолог, профессор Казанского университета **Николай Федорович Катанов** (1862—1922). В 1897—1898 гг. он два раза участвовал в диалектологических экспедициях и в течение восьми месяцев в Белебеевском и Мензелинском уездах Уфимской губернии «изучал язык «отатарившихся» башкир и язык крещеных татар» [Гарипов 1959: 41—42]. Николай Федорович изучает башкирский язык, опираясь на книгу С. Г. Рыбакова «Музыка и песни уральских мусульман» и труды В. В. Катаринского.

Результаты наблюдений находят отражение в «Отчетах» Н. Ф. Катанова [Катанов 1898, 1899]. Его «Азбука для башкирского языка», написанная в тот период, хранится в рукописном виде. Этот алфавит состоит из 33 букв. В нем всем специфическим звукам башкирского языка поставлены в соответствие отдельные буквы: *ä* [э], *ö* [ө], *ÿ* [y], *н* [н], *í* [h], *ž* [з], *ç* [ç], *к* [к], *ç* [ç]. В своей диссертации [Катанов 1903] Н. Ф. Катанов сравнивает башкирские языковые факты со схожими явлениями в других языках.

Вышедший из среды башкирской интеллигенции ученый-языковед, врач и просветитель **Мстислав Александрович (Мохәмәтхан Сәхипгәрәй улы) Кулаев** — автор первого национального башкирского алфавита. Он видит развитие образования в приобщении башкир к русской, а через нее и к европейской культуре: «Основная культура нашей страны появляется и ведется на русском языке: по нему пишутся законы, издаются центральные печатные органы, обрабатываются научные системы и т. д. Поэтому остальные малочисленные народы, встав на путь культурной жизни, могут идти вперед, только опираясь на достижения русской культуры» [Архив: 15].

Еще будучи студентом медицинского факультета Казанского университета (1896—1902 гг.), М. А. Кулаев интересуется башкирским языком. Побывав во многих районах восточного Башкортостана, он собирает башкирские песни, сказки, пословицы, поговорки, загадки, легенды. Все записи он ведет на башкирском языке и переводит на русский. В этих материалах собраны 72 куплета песен о Янган-Тау, 148 поговорок и пословиц, 10 башкирских сказок [Ураксин, Шингареева 1977].

В 1910 г. М. А. Кулаев на русско-греческой основе составляет башкирский алфавит, состоящий из 34 букв, и в 1912 г. в Казани он издает книгу «Основы звукопроизношения и азбука для башкир», а в 1919 г. — «Элепей». В его алфавите буквы *в, ц, ч, ш*, нехарактерные для башкирского языка, вообще отсутствуют, а для специфических звуков башкирского языка используются несколько измененные греческие буквы. Автор составляет свой алфавит с целью легкого, быстрого и правильного освоения каждой буквы; его буквари, по сравнению с трудами русских миссионеров, лучше раскрывают особенности башкирской фонетики. М. А. Кулаев одним из первых освещает вопрос орфоэпии.

4. Первые грамматики и теоретические работы по башкирскому языку

Оставивший нам многогранное литературное и научное наследие видный башкирский просветитель, ученый и поэт **Мухаметсалим Ишмухаметович Уметбаев** внес большой вклад и в языкознание. Его научная деятельность началась с собирания и издания произведений народного творчества. Его статья «Приметы, поверья, поговорки и изречения магометян Уфимской губернии» [Уметбаев 1883] — одна из таких работ. В нее включены бытующие в народе приметы, пословицы и поговорки, связанные с природными явлениями. В книге «Памятки» («Ядкар») (1897 г.), являющейся главным трудом исследователя, также встречаются произведения народного творчества.

Ученый одним из первых пропагандирует среди своего народа русскую литературу и культуру. Например, он переводит на старотюркский язык и публикует (1900 г.) поэму «Бахчисарайский фонтан» и некоторые стихи А. С. Пушкина.

В 1901 г. в Казани выходит в свет его книга «Краткая татарская грамматика». М. И. Уметбаев под термином «татарский язык» понимает «перестроенный во второй половине XIX в. под влиянием народной разговорной речи башкирского и татарского языков, общий для башкир и татар тюркский письменный литературный язык» [Ишбирзин и др. 1993: 144]. В тот период термин «татарский язык», действительно, используется параллельно с термином «тюркский язык».

Грамматика М. И. Уметбаева «отличается от грамматик дореволюционных татарских авторов, прежде всего, четкой ориентированностью в пользу русской (а не арабской) грамматической традиции» [Гарипов 1959: 40]. Автор хорошо понимает, что «тюркский» литературный язык значительно отличается от башкирского языка. На его лингвистическую деятельность большое влияние оказывают учебники М.-А. Казембека, С. Кукляшева, М.-С. Биксурина. В своей грамматике М. И. Уметбаев подробно описывает башкирские звуки, происходящие с ними изменения, уделяет большое внимание рассмотрению схожих и отличительных сторон между родным и русским языками. В книгу внесено много лингвистических терминов, немало образцов фольклора (пословицы, поговорки) приводится в качестве примеров. М. И. Уметбаев стремится к простоте, ясности мысли и звучания произведений по-башкирски [Ишбирзин и др. 1993: 144].

М. И. Уметбаев помогает русским (В. В. Катаринский, М. В. Лоссиевский) и иностранным ученым (В. Прёле), работающим в направлении изучения башкирского языка, в накоплении и обработке языкового материала.

Венгерский ученый **Вильмош Прёле** — первый, кто на европейском уровне дал полные сведения о фонетических, грамматических и лексических особенностях башкирского языка. Этот ученый, защитивший диссертацию по тюркской филологии, приехав в Россию, собирает ценный материал по языкам башкир, карачаевцев и балкарцев [БКЭ 1997: 491]. В 1901 г. языковед побывал в Башкортостане. Написанный в начале XX в. труд В. Прёле по башкирскому языку и изданный в качестве приложения башкирско-венгерский словарь являются важными источниками в изучении истории башкирской лексики [Pröhle 1903, 1904].

В словаре собрано около 2000 башкирских слов. Только место сбора материала В. Прёле выбирает не совсем удачное: он работает в местностях близ Уфы и Белебея, подверженных сильному влиянию татарского языка. Поэтому в его труде некоторые башкирские слова вытеснены татарскими формами: *сандугач* (вместо *һандугас*), *жел* (вместо *ел*), *кирәк* (вместо *кәрәк*) и т. д. Однако эти незначительные недостатки нисколько не умаляют ценность работы.

В годы Первой мировой войны выходит в свет этнографический труд «Башкиры» (Уфа, 1913—1914 гг.) ученого и педагога **В. И. Филоненко**. В разделе «Башкирский язык», следуя за А. Г. Бессоновым, автор приводит сведения о башкирско-татарских звуковых параллелях, а также объясняет этимологию некоторых башкирских топонимов.

5. Заключение

Как видно из обзора источников, башкирский язык с научной точки зрения системно начинает изучаться только с 60-х гг. XIX в. В этот период открываются широкие возможности для определения путей развития башкирского литературного языка. Предпринимаются смелые шаги по обучению башкирских детей на их родном языке, по созданию башкирского письма на основе общенародного языка.

Работавшие в тот период ученые и учителя, поставив главной целью изучение русского языка, а также изучение грамоты через родной язык, уделяют большое внимание и башкирскому языку. Чтобы глубже изучить языковые явления, они записывают образцы фольклора, проводят научные исследования и начинают составлять учебные пособия на основе кириллицы. В этих трудах ясно отражается тогдашнее состояние башкирского языка, поэтому они являются ценным источником для изучения истории языка.

Работы, начатые русскими учеными, миссионерами и передовой башкирской интеллигенцией в области создания башкирской письменности на основе русской графики и приближения литературного языка к народному, имеют принципиальное значение, будучи первыми шагами в этом направлении.

Данные источники помогают достаточно полно представить строение башкирского живого разговорного языка конца XIX — начала XX в. Они крайне важны как ценные памятники, играющие существенную роль в истории развития башкирской национальной письменности и культуры. В настоящее время все эти источники имеют большое значение для истории литературного и общего языка, т. к. они написаны на живом разговорном языке и в них нашли полное отражение языковые особенности башкирского языка того периода. Они также значительны и как культурное достижение башкирского народа.

Сокращения

башк. — башкирский

литер. — литературный

совр. — современный

Литература

Архив — Архив Уфимского научного центра РАН (УНЦ РАН). Ф. 3, оп. 20, ед. хр. 28. {The Archive of the Ufa Scientific Center of RAS (USC RAS). Fund 3, series 20, item 28.}

Башкирия 1989 — Башкирия в русской литературе. Т. 1 / Сост. *Рахимкулов М. Г.* Уфа, 1989. {Bashkiria in Russian literature. Vol. 1 / Comp. by *Rakhimkulov M.G.* Ufa, 1989.}

Бекчурин 1859 — Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с кратким объяснением существующих в Оренбургском крае наречий башкир и киргизов и приложением к нему русско-персидско-татарских слов, разговоров и прописей / Сост. *Бекчурин М.-С.* Казань, 1859. {Entry level guide book for learning Arabic, Persian and Tartar languages with a short explanation of the Bashkir and Kirghiz dialects of the Orenburg district and including Russian-Persian-Tartar words, conversations and copy-books / Comp. by *Bekchurin M.-S.* Kazan, 1859.}

Бекчурин 1869 — *Бекчурин М.-С.* Начальное руководство к изучению арабского, персидского и татарского языков с наречиями бухарцев, башкир, киргизов и жителей Туркестана и русско-персидско-татарскими словами, расположенными по предметам, разговорам и прописям. Казань, 1869. {*Bekchurin M.-S.* Entry level guide book for learning Arabic, Persian and Tartar languages with Bokharan, Bashkir, Kirghiz and Turkestan dialects and including Russian-Persian-Tartar words organized by subjects, conversations and copy-books. Kazan, 1869.}

Беляев 1812 — *Беляев Т. С.* Куз-Курпяч. Башкирская повесть (Писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на российский в долинах гор Рифейских, 1809). Казань, 1812. {*Belyaev T.S.* Kuz-Kurpyach. A Bashkir tale (written in the Bashkir language by a certain Kuraiichi and translated to Russian in the Riphean mountains valleys, 1809). Kazan, 1812.}

Березин 1848 — *Березин И. Н.* Исследования мусульманских диалектов. Ч. 1. Казань, 1848. {*Berezin I.N.* Studies of the Muslim dialects. Part 1. Kazan, 1848.}

Бессонов 1881 — *Бессонов А. Г.* О говорах казанского татарского наречия и об отношении его к ближайшим к нему наречиям и языкам // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 216. Отд. 2. № 8. СПб., 1881. С. 200—242. {About the parlances of the Kazan Tartar dialect and its relation to the dialects and languages closest to it // The Ministry of Education Journal. Part 216. Dep. 2. № 8. SPb., 1881. P. 200-242.}

БКЭ 1997 — Башкортостан: Кыскаса энциклопедия. Урыснан тулыландырылган һәм төзәтелгән тәржемәһе / Баш мөхәррир *Шәкүров Р. З.* Өфө, 1997.

БСОТ 1974 — Библиографический словарь отечественных тюркологов: Дооктябрьский период / Под редакцией, с введ. *Кононова А. Н. М.*, 1974. {Bibliographical dictionary of the Russian turkologists: Pre-October time / Ed. *Kononov A.N. M.*, 1974.}

БТН 1993 — Башкорт теленең һүзлеге. М., 1993.

Валеев, Шакуров 1976 — *Валеев Д. Ж., Шакуров Р. З.* О первом русско-башкирском словаре и его составителе // Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР: Тезисы докладов и сообщений II Всесоюзной тюркологической конференции. Алма-Ата, 1976. С. 252. {*Valeev D.Zh., Shakurov R.Z.* About the first Russian-Bashkir dictionary and its compiler // Soviet turkology and the development of Turkic languages in the USSR: theses of lectures and reports on the Second Nationwide Turkological Conference. Alma-Ata, 1976. P. 252.}

Галютдинов 1987 — *Галютдинов И. Г.* Письменные памятники Башкирии и проблемы их комплексного изучения // Советская тюркология. 1987, 1. С. 67—77. {*Galyautdinov I.G.* Bashkiria's written monuments and their complex study problems // Soviet turkology. 1987, 1. P. 67-77.}

Гарипов 1959 — *Гарипов Т. М.* Изучение башкирского языка в дореволюционный период // Вопросы башкирской филологии. М., 1959. С. 35—42. {*Garipov T.M.* The Bashkir language studies before the Revolution // Issues in Bashkir philology. M., 1959. P. 35-42.}

Гарипов, Ураксин 1973 — *Гарипов Т. М., Ураксин З. Г.* Западноевропейские источники изучения башкирского языка // Южноуральский археографический сборник. Вып. I. Уфа, 1973. С. 160—169. {*Garipov T.M., Uraksin Z.G.* Western European sources for the Bashkir language studies // South Uralic archeographical digest. Is. 1. Ufa, 1973. P. 160-169.}

Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. {*Georgi I.G.* Description of all peoples living in the Russian state. SPb., 1799.}

Иванов 1842 — Татарская хрестоматия. Ч. I—II / Сост. *Иванов М. И.* Казань, 1842. {Tartar reader. Parts 1-2 / Comp. by *Ivanov M.I.* Kazan, 1842.}

Ильминский 1861a — *Ильминский Н. И.* Материалы к изучению киргизского наречия. Казань, 1861. {*Ilminski N.I.* Materials for learning the Kirghiz dialect. Kazan, 1861.}

Ильминский 1861b — *Ильминский Н. И.* Вступительное чтение в курс турецко-татарских языков // Ученые записки Казанского университета за 1860 год. Кн. 3. Казань, 1861. С. 1—59. {*Ilminski N.I.* An introductory reading for the course of Turkish-Tartar languages // Kazan University Bulletin for 1860. Book 3. Kazan, 1861. P. 1-69.}

Ильминский 1863 — *Ильминский Н. И.* Материалы для джагатайского спряжения по Бабур-намэ. Казань, 1863.

Ильминский 1880 — *Ильминский Н. И.* Предварительные сообщения о турецком переводе изложения веры патриарха Геннадия Схолария. Казань, 1880.

Ильминский 1883 — *Ильминский Н. И.* О применении русского алфавита к инородческим языкам. Казань, 1883. {*Ilminski N.I.* About the use of the Russian alphabet with non-Russian languages. Kazan, 1883.}

Ишбердин 1982 — *Ишбердин Э. Ф.* Рукописные и печатные словари XVIII—XIX веков как источник изучения истории башкирского языка // Письменные памятники Башкирии: Историко-филологические исследования. Уфа, 1982. С. 69—82. {*Ishberdin E.F.* Manuscript and printed dictionaries of the 18th-19th centuries as a source for the Bashkir language historical study // Written monuments of Bashkiria: Historical and philological studies. Ufa, 1982. P. 69-82.}

Ишбердин 1986 — *Ишбердин Э. Ф.* Словари башкирского языка как источник для сравнительного изучения лексики // Историческое развитие лексики башкирского языка. М., 1986. С. 10—20. {*Ishberdin E.F.* Bashkir language dictionaries as a source for comparative vocabulary study // Historical development of the Bashkir language vocabulary. M., 1986. P. 10-20.}

Ишбирзин и др. 1993 — *Ишбирзин Э. Ф., Гәләүәтдинов И. Г., Халикова Р. Х.* Башкорт эзәби теленең тарихы. Өфө, 1993. (*Ишбердин Э. Ф., Галютдинов И. Г., Халикова Р. Х.* История башкирского литературного языка. Уфа, 1993.) {*Ishberdin E.F., Galyautdinov I.G., Khalikova R.Kh.* History of the Bashkir literary language. Ufa, 1993.}

Казембек 1846 — *Казембек М.-А.* Общая грамматика турецко-татарского языка. Казань, 1846. {*Kazembek M.-A.* A general grammar of the Turkish-Tartar language. Kazan, 1846.}

Катанов 1898 — *Катанов Н. Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 1 июня 1897 года по 20 августа того же года в Белебеевский и Мензелинский уезды Уфимской губернии // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1898. {*Katanov N.F.* Account of a trip, made from the 1st of July 1897 to the 20th of August the same year to Belebeevski and Menzelinski uyezds of Ufimskaya province // Proceedings of the Kazan University. Kazan, 1898.}

Катанов 1899 — *Катанов Н. Ф.* Отчет о поездке, совершенной с 1 мая по 20 августа 1898 года в Белебеевский уезд Уфимской губернии // Ученые записки Казанского университета. Казань, 1899. {*Katanov N.F.* Account of a trip,

made from the 1st of July to the 20th of August 1898 to Belebeevski uyezd of Ufimskaya province // Proceedings of the Kazan University. Kazan, 1898.}

Катанов 1903 — *Катанов Н. Ф.* Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903. {*Katanov N.F.* A research attempt of the Uryankhay language with the indication of its relationship with other languages of Turkik root.}

Киекбаев 1957 — *Киекбаев Ж. Ф.* Башкорт диалектары тураһында // Башкортостан укытыусыһы. 1957, 7. С. 9—15.

Куватов 1895 — *Куватов М.-Г.* Башкирские пословицы // Известия Оренбургского отдела Русского географического общества. Вып. 6. Оренбург, 1895. С. 31—48. {*Kuvatov M.-G.* Bashkir proverbs // Proceedings of the RAS Orenburg department. Is. 6. Orenburg, 1895. P. 31-48.}

Кудряшев 2013 — *Кудряшев П. М.* Сочинения. Челябинск, 2013. {*Kudryashev P.M.* Works. Chelyabinsk, 2013.}

Кукляшев 1859 — *Кукляшев С. Б.* Татарская хрестоматия (Дивани хикәйәти татар). Казань, 1859. {*Kuklyashev S.B.* Tartar reader. Kazan, 1859.}

Лоссиевский 1883 — *Лоссиевский М. В.* Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам // Справочная книжка Уфимской губернии за 1883 год. Уфа, 1883. С. 368—389. {*Lossievski M.V.* The past of Bashkiria and the Bashkirs according to legends, traditions and chronicles // Reference book of the Ufa province for 1883. Ufa, 1883. P. 368-389.}

ОЗЖ 1899 — О загробной жизни по учению православной церкви. Оренбург, 1899. {About the afterlife according to the teachings of the Orthodox church. Orenburg, 1899.}

Паллас 1786 — *Паллас П. С.* Путешествие по разным местам Российского государства. СПб., 1786. {*Pallas P.S.* A travel through the different places of the state of Russia. SPb., 1786.}

Паллас 1787—1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы. Т. I—II. СПб., 1787—1789. {*Pallas P.S.* Comparative dictionaries of every language and dialects, compiled by the right hand of the Highest Person. Vol. I-II. SPb., 1787-1789.}

Покровский 1870 — *Покровский И. П.* Сборник башкирских и татарских песен // Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Вып. 1. Казань, 1870. С. 151—229. {*Pokrovski I.P.* A collection of Bashkir and Tartar songs // Proceedings of the RAS Orenburg department. Is. 1. Kazan, 1870. P. 151-229.}

Псянчин 1965 — *Псянчин В. Ш.* История формирования башкирского литературного письменного языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 1965. {*Psyanchin V.Sh.* History of the Bashkir literary written language development. Author's abstract of Ph.D. thesis. Kazan, 1965.}

Псянчин 1977 — *Псянчин В. Ш.* «Рассказ о смелом царе» Мир-Салиха Бикчурина // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977. С. 139—144. {*Psyanchin V.Sh.* The "Story of a brave tzar" by Mir-Salikh Bikchurin // Archeography and linguistic textology of the Southern Ural. Ufa, 1977. P. 139-144.}

Рыбаков 1894 — *Рыбаков С. Г.* О народных песнях татар, башкир и тептярей // Живая старина. Вып. III—IV. СПб., 1894. С. 325—364. {*Rybakov S.G.* About the folk songs of the Tartars, Bashkirs and Teptyars // Living Antiquity. Is. III-IV. SPb. 1894. P. 325-364.}

Рыбаков 1897 — *Рыбаков С. Г.* Музыка и песни уральских мусульман с очерком их быта. СПб., 1897. {*Rybakov S.G.* Music and songs of the Ural Muslims with a description of way of life. SPb., 1897.}

СЕ 1899 — Святое Евангелие. Оренбург, 1899. {The Holy Gospel. Orenburg, 1899.}

СЕ 1902 — Святое Евангелие. Казань, 1902. {The Holy Gospel. Kazan, 1902.}

СИ 1900 — Священная история Ветхого и Нового Завета. Оренбург, 1900. {The sacred history of the Old and New Testaments. Orenburg, 1900.}

Суфьянова 1998 — *Суфьянова Н. Ф.* Проблема многозначности в башкирском языке и ее лексикографическая разработка. Уфа, 1998. {The problem of polysemy in the Bashkir language and its lexicographical development. Ufa, 1998.}

Уметбаев 1883 — *Уметбаев М. И.* Приметы, поверья, поговорки и изречения магометян Уфимской губернии // Справочная книга Уфимской губернии. Уфа, 1883. С. 12—14. {*Umetbaev M.I.* Omens, superstitions, proverbs and aphorisms of the Mohammedans of the Ufa province // Reference book of the Ufa province for 1883. Ufa, 1883. P. 12-14.}

Ураксин 1977 — *Ураксин З. Г.* «Инжил» как источник // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977. С. 99. {*Uraksin Z.G.* "Inzhil" as a source // Archeography and linguistic textology of the Southern Ural. Ufa, 1977. P. 99.}

Ураксин, Шингареева 1977 — *Ураксин З. Г., Шингареева С. М.* Обзор личного фонда врача и ученого филолога М. А. Кулаева // Археография и лингвистическая текстология Южного Урала. Уфа, 1977. С. 115—118. {*Uraksin Z.G., Shingareeva S.M.* A review of the personal fund of the physician and learned philologist M.A. Kulaev // Archeography and linguistic textology of the Southern Ural. Ufa, 1977. P. 115-118.}

Шишков 1838 — *Шишков А. С.* Сравнительный словарь на 200 языках. СПб., 1838. {*Shishkov A.S.* Comparative dictionary in 200 languages. SPb., 1838.}

Юлдашев 1969 — *Юлдашев А. А.* Башкирский язык // Закономерности развития литературных языков народов СССР. М., 1969. С. 111—119 {*Yuldashev A.A.* The Bashkir language // Patterns of development of the literary languages of the peoples of the USSR.}

Янкович де Мириево 1790—1791 — *Янкович де Мириево Ф. И.* Сравнительный словарь всех языков, по азбучному порядку расположенный. Т. IV. СПб., 1790—1791. {*Yankovic de Mirievo F.I.* Comparative dictionary of every language, organized in alphabetic order. Vol. IV. SPb, 1790-1791.}

Adelung 1806—1817 — *Adelung J. Ch.* Mithridates, oder allgemeine Sprachenkunde. Bd 4. Berlin, 1806—1817.

Klaproth 1823 — *Klaproth J.* Asia polyglotta. Paris, 1823.

Pröhle 1903 — *Pröhle V.* Baskir nyelvtanulmányok // Keleti Szemle. Vol. IV. Budapest, 1903. P. 194—214.

Pröhle 1904 — *Pröhle V.* Baskir nyelvtanulmányok // Keleti Szemle. Vol. V. Budapest, 1904. P. 228—271.

РЕЗЮМЕ

В статье перечислены и детально проанализированы письменные источники по башкирскому языку конца XIX — начала XX в. В рассмотренных источниках использовалась как традиционная арабская графика, так и ее модификации применительно к более точному обозначению звуков именно башкирского языка, так и латинская, и кириллическая графики. Источники рассматриваемого периода помогают достаточно полно представить строение башкирского живого разговорного языка. В этих трудах ясно отражается тогдашнее состояние башкирского языка, поэтому они являются ценными источниками для изучения истории языка. Они крайне важны как памятники, играющие существенную роль в истории развития башкирской национальной письменности и литературного языка.

SUMMARY

In the article authors compile and analyse in detail the written sources in the Bashkir language of the late XIXth — early XXth century. The sources compiled use traditional Arabic graphic, its modifications for a more precise reflection of the Bashkir language phonetics, as well as Latin and Cyrillic graphic systems. These sources contribute to a more full understanding of the living informal Bashkir language. They reflect clearly the state of the Bashkir language in their time of writing, which makes them useful for language history studies. They also are of importance as monuments which played a large part in the history of development of Bashkir national writing and literary language.

Ключевые слова: тюркские языки, башкирский язык, источники, письмо, XIX век, история языка, разговорный язык, диалектология

Keywords: the Turkic languages, Bashkir, written sources, writing, the XIXth century, language history, spoken language, dialectology

Каримова Рамиля Нигаматьяновна, Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН; 1967-ram@mail.ru

Латыпова Рида Марсовна, Сибайский институт Башкирского государственного университета; rida-marsovna@yandex.ru

Ramilya N. Karimova, Institute of History, Language and Literature of Ufa Research Centre of the Russian Academy of Sciences; 1967-ram@mail.ru

Rida M. Latypova, Sibay Institute of the Bashkir State University; rida-marsovna@yandex.ru

Акциональная классификация глаголов в нанайском языке¹

Глаголы в нанайском языке — как и в любом другом языке мира — могут быть разделены на группы по своим семантическим свойствам, или, иными словами, по акциональным признакам, которые проявляются в грамматических свойствах самих глаголов и даже целых клауз. Данная статья посвящена выявлению акциональных классов глаголов в нанайском языке. Под акциональностью понимается разбиение всего множества глаголов на непересекающиеся группы (= акциональные классы), основанное на множестве семантических свойств (= акциональных значений) этих глаголов, ср. определение акциональности в [Татевосов 2005: 114].

Акциональности посвящено большое число работ², в которых, в частности, предпринимаются попытки решить некоторые проблемы описания акциональных классов глаголов, актуальные для многих — если не для всех — языков мира. Поскольку описание нанайских акциональных глагольных классов основывалось на уже существующих теоретических разработках, первая часть статьи посвящена краткому обсуждению основных работ по акциональности. Во второй части статьи описывается процедура выявления акциональных классов в нанайском, а также связанные с ней сложности и способы их решения.

1. Теоретическая платформа исследования акциональности

В настоящей статье акциональные классы нанайских глаголов описываются на основе методики С. Г. Татевосова. Его исследования акциональности отличаются тем, что, во-первых, они типологически ориентированы (в них предпринимается попытка учесть многообразие языков и в то же время описать их акциональные классы таким образом, чтобы они были сопоставимы друг с другом), а во-вторых, предполагается, что разработанная им методика применима к любому конкретному языку, для которого необходимо описать акциональность. Таким образом, она подходит для выполнения поставленной в рамках этой статьи задачи.

Данная методика исследования акциональности представлена в докторской диссертации С. Г. Татевосова [Татевосов 2010] и в его одноименной книге [Татевосов *forthc.*]. С. Г. Татевосов приводит следующее определение акциональности на частноязыковом уровне: «Акциональность (в данном языке) — это разбиение множества объектов классификации на непересекающиеся акциональные классы ⟨...⟩, которое ⟨разбиение — С. О.⟩ задается множеством универсальных акциональных признаков, или критериев ⟨...⟩» [Татевосов *forthc.*: раздел «Акциональная классификация и акциональные значения»].

В определении речь идет об «объектах классификации», а не о «глаголах», поскольку носителем акционального значения может быть не только глагол, но и клауза, и глагольная группа. На основании акциональных критериев объектам приписываются акциональные значения. С. Г. Татевосов выделяет пять акциональных значений, с помощью которых можно выделить сопоставимые акциональные классы в разных языках мира. К этим акциональным значениям относятся СОСТОЯНИЕ (S), (единичный) ПРОЦЕСС (P), ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ (ES), ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС (EP) и МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС (MP). Данный инвентарь значений выведен на основании эмпирических исследований конкретных языков и не претендует на полноту: не исключено, что при дальнейшем исследовании акциональности в других языках мира в этот список попадут новые акциональные значения. Кроме того, в этом списке не учитываются акциональные значения, характерные лишь для отдельных языков или языковых групп, поскольку это затруднит сопоставление акциональных классов разных языков, хотя для описания акциональности в конкретном языке эти значения, безусловно, важны.

Акциональное значение СОСТОЯНИЕ описывает такие ситуации, которые не претерпевают изменений (как и предикаты состояния у З. Вендлера [Vendler 1957]) и не требуют постоянного притока энергии (см. [Comrie 1976: 49]). Отличительной особенностью этого значения оказывается т. н. свойство подынтервала: если глагол описывает состояние на определенном временном интервале, то его значение будет истинно и для любого подынтервала [Bennett, Partee 1978]. Так, глаголом *спал* можно описать ситуацию, длившуюся четыре часа, а также любой подынтервал этой ситуации, в том числе и в любой временной

¹ Я благодарна рецензенту за замечания к первой версии статьи. Недочеты и ошибки остаются на моей совести.

² При этом во многих работах понятие акциональности обозначается другими терминами: семантический тип предиката, тип ситуации, Aktionsart и мн. др.

точке. Этого нельзя сказать о ПРОЦЕССАХ: так, глаголом *шагает* можно описать ситуацию, длящуюся, например, десять минут и ее подынтервал, длящийся, например, две минуты, однако невозможно описать краткий подынтервал, длящийся несколько миллисекунд, — в это время человек не шагает, а опускает или поднимает ногу. Тем более этот глагол не может описать ситуацию во временной точке, про которую вернее будет сказать, что человек находится с поднятой ногой.

Процессам и состояниям свойственна кумулятивность, или аддитивность. Это свойство означает, что и части события, и сумма событий могут быть описаны одним и тем же выражением. Например, фразу *Я писал письмо* можно сказать про событие, которое длилось с 2 до 3 часов, а также и про части этого события: ситуация с 2 до 2:30 может быть описана такой же фразой. Если же с 3 до 4 часов имело место то же самое событие, то суммарное событие, длившееся с 2 до 4 часов, может быть описано такой же фразой *Я писал письмо* (о свойстве кумулятивности см. подробнее [Татевосов 2015: 129—131; Křířka 1992]).

ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ и ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС не обладают свойством кумулятивности. Фраза *Я написал письмо* имеет акциональное значение вхождения в состояние. Ни одну часть описанного события нельзя выразить такой же фразой. Кроме того, если следом за этим событием произошло еще одно событие, которое также можно описать фразой *Я написал письмо*, то сумму этих событий описать этой фразой тоже нельзя: если я написал письмо в 4:00, а потом я написал письмо в 4:05, то сумму всего произошедшего можно выразить фразой *Я написал два письма* или *Я написал письмо дважды*, но никак не фразой *Я написал письмо*. Вхождение в состояние и вхождение в процесс соотносятся друг с другом так же, как и состояние и процесс. Состояние оказывается результатом вхождения в состояние, а процесс — результатом вхождения в процесс. Предикаты состояния и процесса являются непредельными, а предикаты вхождения в состояние и вхождения в процесс — предельными.

Пятое акциональное значение — МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС — отличается от (единичного) процесса тем, что его атомарная часть может быть грамматически выражена. Например, для обозначения атомарной части мультипликативного процесса *кашлял* существует форма *кашлянул*, а для обозначения атомарной части процесса *бегал* нет специальной формы типа **бегнул*.

Далее С. Г. Татевосов описывает процедуру выявления акциональной классификации отдельно для языков со словоизменительным видом и отдельно — для языков со словоклассифицирующим видом. В языках со словоизменительным видом аспектуальные значения выражаются в формах глаголов (ср. английский язык), а в языках со словоклассифицирующим, или деривационным, видом аспектуальные значения свойственны лексемам (ср. русский язык).

При описании акциональных свойств объекта классификации (в частности глагола) неизбежно возникает проблема непрямого доступа, которая заключается в том, что акциональные свойства невозможно наблюдать напрямую — они «закрываются» слоем видовременных показателей. С. Г. Татевосов находит способ, который позволяет обойти эту проблему: он предлагает описывать не глагольные лексемы, а глагольные словоформы, доступные наблюдению. Влияние грамматических показателей при этом временно игнорируется. А акциональная характеристика глагольной лексемы составляется из суммы акциональных значений, которые может принимать этот глагол в разных грамматических формах.

В качестве примера С. Г. Татевосов приводит акциональную характеристику багвалинского глагола *zat* ‘лежать’: «⟨Перфект: {ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ, СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС}; Имперфект: {СОСТОЯНИЕ, ПРОЦЕСС};...⟩» [Татевосов forthc.: раздел «Акциональность в языках со словоизменительным видом»]. Данная запись означает, что в форме перфекта глагол *zat* может иметь акциональное значение ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ ‘лег’, СОСТОЯНИЕ ‘полежал’ и ПРОЦЕСС ‘укладывался’, а в форме имперфекта он может иметь значение СОСТОЯНИЕ ‘лежал’ и такое же значение ПРОЦЕСС ‘укладывался’.

Таким образом можно определить акциональную характеристику для множества глаголов, после чего выделить классы глаголов, которые обладают одинаковой акциональной характеристикой.

Определение акциональных значений множества глаголов во всех формах — занятие довольно трудоемкое и при этом, как показывают эмпирические данные С. Г. Татевосова, совсем не является необходимым. Оказывается, что для определения акциональной характеристики глагола достаточно знать его значения в основной перфективной и основной имперфективной формах в эпизодической (а не хабитуальной) интерпретации. Множество значений в других формах либо совпадает со множеством значений в перфективной / имперфективной форме, либо оказывается объединением значений этих двух форм (см. [Татевосов forthc.]).

Проблему вариативности акциональных значений глагольных словоформ в зависимости от контекста С. Г. Татевосов решает с помощью ряда уточнений, также выведенных на основании эмпирических исследований. В результате его определение акциональной характеристики выглядит следующим образом:

«Акциональная характеристика глагола представляет собой пару множеств вида $\langle \{x | x — акциональное значение форм с перфективной интерпретацией\}; \{y | y — акциональное значение форм с имперфективной интерпретацией\} \rangle$. И те, и другие формы принимаются к рассмотрению

1) в эпизодических употреблениях
2) в составе предикаций с полным набором синтаксических актантов, но в отсутствие каких-либо адьюнктов.

3) Актанты представлены именными группами в единственном числе,

4) занимающими максимально возможную для данного глагола позицию в иерархии одушевленности» [Татевосов *forthc.*: раздел «Акциональность в языках со словоизменительным видом»].

Предложенная С. Г. Татевосовым процедура выделения акциональных классов применима прежде всего к языкам со словоизменительным видом. Для языков с деривационным видом (типа русского) С. Г. Татевосов ее модифицирует, предлагая выявлять акциональные характеристики не глаголов, а акциональных групп, состоящих из деривационно связанных разновидовых глаголов, различающихся между собой исключительно акциональными значениями.

Как показал С. Г. Татевосов, акциональная характеристика, полученная для акциональной группы в языке с деривационным видом, оказывается сопоставима с акциональной характеристикой глагольной лексемы в языке со словоизменительным видом. Таким образом, применение подобной методики удобно для проведения типологических исследований.

2. Выявление акциональных классов в нанайском языке

При попытке описать акциональные классы глаголов в нанайском языке сразу возникают сложности. Как было показано выше, С. Г. Татевосов предлагает несколько разные методики для описания акциональности в языках со словоизменительным видом и в языках с деривационным видом. В первом случае предлагается анализировать акциональные значения, которые имеют глагольные лексемы в имперфективной и перфективной формах. Во втором случае анализируются акциональные значения перфективных и имперфективных членов акциональной группы. Такой подход подразумевает, что, приступая к изучению акциональности в некотором языке, уже известно, что в этом языке представлен либо словоизменительный, либо деривационный вид. На этом основании выбирается соответствующая методика.

Однако выбрать подходящую методику для нанайского языка оказывается сложнее: в нанайском языке нет полностью грамматикализованной словоизменительной или словоклассифицирующей категории вида. Если обратиться к существующим грамматическим описаниям нанайского языка [Аврорин 1961; Петрова 1941, 1960], то там под категорией вида понимается ряд словообразовательных суффиксов с аспектуальным значением. Например, В. А. Аврорин выделяет «вид краткости или однократности действия» (суффикс *-la / -lə*), «вид длительности, многократности и постоянства действия» (суффикс *-č'i* и его варианты), «вид периодичности действия» (суффикс *-lsi*) и еще несколько других показателей. Все показатели различаются по своим свойствам, продуктивности и употреблению. Такое большое количество словообразовательных суффиксов с аспектуальным значением может навести на мысль, что в нанайском языке представлена деривационная видовая система (ср. словоклассифицирующий вид и большое число аспектуальных префиксов и суффиксов в русском). Более того, некоторые непрямые глагольные лексемы употребляются так, что могли бы быть охарактеризованы как имперфективные (1) или перфективные (2) глаголы.

- (1) *Mi komnata-č'i ii-wuč'i-jə, ajkə-i ak-č'i-jə*
1SG комната-DIR войти-CVB.COND2-1SG старшая_сестра-1SG старший_брат-DIR-P.REFL.SG
mora-xa-ni.
кричать-PST-3SG

- i. 'Когда я вошел в комнату, моя старшая сестра (в это время) кричала на своего старшего брата'.
ii. *'Когда я вошел в комнату, моя старшая сестра крикнула / покричала / закричала на своего старшего брата'.

- (2) *Piktə ži-ž-uč-ə-ni-jə, daan'a buj-ki-ni.*
ребенок приходить-REP-CVB.COND2-OBL-3SG-OBL бабушка умереть-PST-3SG

- i. 'Когда дочка / сын вернулась / вернулся, бабушка умерла'.
ii. *'Когда дочка / сын вернулась / вернулся, бабушка (в это время) умирала'.

С другой стороны, множество глаголов не имеют определенной аспектуальной характеристики и могут употребляться как в перфективных, так и в имперфективных контекстах:

- (3) *Mi žok-či ži-ž-uči-jə-wə, ama jama-wa tuliə-du xulə-xə-ni.*
 1SG дом-DIR приходить-REP-CVB.COND2-1SG-OBL отец яма-OBL двор-DAT копать-PST-3SG
 i. ‘Когда я пришел домой, отец (в это время) копал яму во дворе’.
 ii. ‘Когда я пришел домой, отец выкопал яму во дворе’.

Поэтому нельзя говорить о том, что в нанайском языке представлена словоклассифицирующая категория вида.

В то же время в глагольной парадигме отсутствуют ярко выраженные аспектуальные формы. Претендентом на имперфективную форму с некоторыми оговорками может быть форма непрошедшего времени, в которой часто употребляются глаголы при референции к настоящему. При этом явная перфективная форма отсутствует, т. е. нет такой формы, которая бы задавала большинству глаголов перфективное прочтение.

Таким образом, в нанайском языке нет ни грамматикализованного словоизменительного вида, ни грамматикализованного деривационного вида. Для того, чтобы описать акциональность в языке со «смешанным» видом, можно попробовать объединить предложенные С. Г. Татевосовым методики.

Прежде всего, необходимо составить выборку предикатов, поскольку охватить всю глагольную лексику языка и разбить ее на акциональные классы вряд ли реалистично. В выборку должны попасть предикаты, различающиеся между собой по своим свойствам: по количеству актанта и их топологическим свойствам, по предполагаемой событийной структуре и т. п. Важно отметить, что на данном этапе речь идет о выборке семантических предикатов, а не глагольных лексем. Далее для выбранных предикатов подбираются наиболее естественные глаголы, независимо от морфологического устройства этих глаголов, т. е. независимо от того, является ли глагол непроизводным или содержит какие-либо словообразовательные маркеры. Может оказаться так, что одному предикату соответствует больше одного глагола. В этом случае в глагольную выборку должны быть включены все глаголы. После этого применяется метод выявления акциональных классов для языков со словоизменительным видом: выбираются две формы — та, которая наиболее склонна выражать имперфективные значения (IPFV), и та, которая склонна выражать перфективные значения (PFV). Затем необходимо узнать, какие акциональные значения могут иметь глаголы из выборки в этих двух формах. В языке с продуктивной аспектуальной деривацией, скорее всего, окажется, что часть предикатов выражается однокоренными глаголами, различающимися наличием / отсутствием словообразовательных средств. Однокоренные глаголы составляют акциональную группу. Этот этап — объединение глаголов в акциональные группы — в сущности, относится уже к методике описания акциональности в языках с деривационным видом. В *Таблице 1* схематично представлено, как могли бы выглядеть условные результаты для какого-нибудь языка.

Таблица 1

**Схематичное представление акциональных классов в языке
без словоизменительной / словоклассифицирующей аспектуальной системы**

семантический предикат	глагол	акциональное значение в форме IPFV	акциональное значение в форме PFV
‘спать’	<i>aaa</i>	СОСТОЯНИЕ	СОСТОЯНИЕ
‘бежать’	<i>bbb</i>	ПРОЦЕСС	ПРОЦЕСС, ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ
‘кричать’	<i>vvv</i>	ПРОЦЕСС	ПРОЦЕСС
	<i>vvv-г</i>	—	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ
‘найти’	<i>ddd</i>	—	ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ

В *Таблице 1* во втором столбце сочетанием букв условно обозначены глаголы, с помощью которых выражаются соответствующие предикаты. Предикату ‘кричать’ соответствует два однокоренных глагола. Второй глагол отличается от первого наличием деривационного суффикса. Эти два глагола объединяются в акциональную группу (выделена серым). По методике для языков с деривационным видом акциональные значения должны быть приписаны не формам, а перфективным / имперфективным членам акциональной группы. Тогда акциональная характеристика для глаголов предиката ‘кричать’ будет выглядеть следующим образом: <ПРОЦЕСС; ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ>.

Следующий возможный шаг — включение в список **всех** глаголов с тем же корнем, что и у глаголов в выборке, но отличающихся наличием аспектуальных словообразовательных аффиксов и акциональным значением. В этом случае, например, акциональная группа предиката ‘кричать’ может быть дополнена третьим глаголом *vvv-е* с инхоативным значением, а в акциональной характеристике добавится значение ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС.

Описанная процедура выявления акциональных классов отличается от методики С. Г. Татевосова не только тем, что в ней объединяются «объекты классификации» разного типа — глагольные лексемы и акциональные группы. Важное отличие заключается в том, каким образом составляется выборка для построения акциональной классификации. При применении методики С. Г. Татевосова к материалу языков со словоизменительным видом в выборку глагольных лексем попадали только непроеизводные глаголы (см. подробнее о составлении выборки для калмыцкого [Овсянникова 2009а: 857] и карачаево-балкарского языков [Лютикова и др. 2006: 434]). Такое решение удобно тем, что позволяет узнать акциональные характеристики собственно глагольных лексем. Имея на руках акциональную классификацию непроеизводных лексем, можно изучить, каким образом меняются акциональные характеристики при присоединении какого-либо деривационного показателя к глаголам разных классов. В случае языка с деривационным видом рассматривать только непроеизводные глаголы почти невозможно, потому что в акциональную группу часто попадают глаголы, различающиеся деривационными показателями. Если рассматривать только непроеизводные глаголы, то выборка рискует сильно уменьшиться и стать непоказательной³. При описании акциональности в языке с непонятной или со смешанной видовой системой оптимальным решением оказывается включение в выборку всех глаголов, в том числе и производных. Таким образом, по крайней мере, не будет утеряна какая-нибудь важная информация.

Для описания акциональности в нанайском языке был составлен список предикатов, различающихся по своим свойствам. В основу этого списка были положены уже существующие выборки глаголов, которые использовались для описания акциональной классификации в других языках [Мищенко 2012; Овсянникова 2009а; Лютикова и др. 2006]. После этого были подобраны нанайские глаголы, соответствующие этим предикатам. Были выбраны две глагольные формы: условно имперфективная и перфективная. На этом этапе проблем не возникло: в нанайском языке всего две основные формы изъявительного наклонения — форма непроешедшего и форма прошедшего времени. Преобладающее большинство глаголов могут употребляться в обеих формах. Форма непроешедшего времени является основным способом референции к настоящему, поэтому она может условно считаться «имперфективной» формой. В форме прошедшего времени разные глаголы могут иметь имперфективную или перфективную интерпретацию. Это означает, что в этой форме акциональное значение глагола может не совпадать с акциональным значением того же глагола в форме непроешедшего времени. Учитывая, что в других формах акциональное значение глаголов, скорее всего, будет совпадать с акциональным значением в непроешедшем или в прошедшем времени (см. комментарий по этому поводу выше), форма прошедшего времени может быть условно взята за «перфективную» форму.

Дальнейшая задача заключалась в том, чтобы узнать, какие акциональные значения имеют нанайские глаголы из выборки в формах непроешедшего и прошедшего времени. С этой целью была составлена анкета, содержащая предложения на русском языке и в некоторых случаях поясняющие контексты. Анкета была собрана у носителей среднеамурского диалекта нанайского языка, который лежит в основе литературного варианта. Во время работы с носителями по мере необходимости предлагались уточняющие стимулы на нанайском языке. Носители оценивали грамматичность, «правильность» этих высказываний и иногда комментировали их значение. Также для уточнения акциональных характеристик привлекались данные текстов на нанайском языке. В результате были получены акциональные характеристики 153 глаголов. Они представлены в *Таблице 2*.

В первом столбце *Таблицы 2* перечислены предикаты, во втором столбце — соответствующие им нанайские глаголы в 3 лице ед. ч. в прошедшем / непроешедшем времени. В некоторых случаях один и тот же предикат переводился разными лексемами (см., например, ‘возвращаться’ *žižu-* и *točogo-*). Все лексемы включены в таблицу, однако при дальнейшем анализе из двух похожих по семантике и акциональной характеристике глаголов учитывался только один. Во многих случаях одному предикату соответствует несколько нанайских глаголов. Эти глаголы однокоренные и различаются морфологически только наличием словообразовательного аффикса. Совокупности таких глаголов составляют акциональные группы, которым и приписывается акциональная характеристика.

³ С. Г. Татевосов предлагает рассматривать акциональные характеристики акциональных групп в языках с деривационным видом, аргументируя это тем, что таким образом они оказываются сопоставимы с акциональностью в языках со словоизменительным видом. Однако полностью сопоставимыми они все равно не становятся из-за того, что в языках со словоизменительным видом в выборку включаются только непроеизводные глаголы. Так, может оказаться, что, например, и в языке со словоизменительным видом, и в языке с деривационным видом делимитативное значение выражается каким-либо специальным регулярным словообразовательным средством, однако в первом случае дериваты не включаются в выборку, а во втором случае — включаются и становятся частью акциональных групп.

В третьем и четвертом столбцах перечислены акциональные значения в форме прошедшего и не-прошедшего времени соответственно. Для формы не-прошедшего времени учитывались только те интерпретации, которые возможны в прогрессивном контексте. Если оказывалось, что глагол в не-прошедшем времени может иметь только перфективное прочтение и таким образом отсылать к будущему времени, в этом случае в соответствующей ячейке ставился прочерк, а в скобках указывалось акциональное значение в перфективном контексте (ср. *ənujni* ‘уходить’). Для некоторых глагольных словоформ было трудно выяснить их акциональное значение, эти случаи отмечены в таблице вопросительным знаком.

Таблица 2

Акциональные характеристики нанайских глаголов

семантический предикат	глагол	акциональное значение в прошедшем времени	акциональное значение в не-прошедшем времени	акциональный класс
‘бежать’	<i>tutuxəni / tutujni</i>	EP	P	сильный ингрессивно-непредельный
‘бить’	<i>tojkaŋkɪni / tojkaŋʒɪni</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘болеть (о части тела)’	<i>ənuluxəni / ənulujni</i>	ES	— (?)	сильный инцептивно-стативный
	<i>ənusixəni / ənusini</i>	S	S	
‘бояться’	<i>ŋələxəni / ŋələjɪni</i>	ES	— (ES)	сильный инцептивно-стативный
	<i>ŋələčixəni / ŋələčɪni</i>	S	S	
‘брат; держать’	<i>ʒaraxəni / ʒarajni</i>	ES	P	сильный стативно-процессный
	<i>ʒaračaxəni / ʒaračajni</i>	S	S	
‘бросать’	<i>naŋgalaxəni / naŋgalajni</i>	ES (Q)	P	сильный мультиплика-тивно-процессный
	<i>naŋgačexəni / naŋgačɪni</i>	MP	MP	
‘быть, располагаться, находиться’	<i>bičini / biini</i>	S	S	стативный
‘варить’	<i>pujuxəni / pujurini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘верить’	<i>təʒiəxəni / təʒiəjɪni</i>	ES	S	слабый инцептивно-стативный
	<i>təʒiəčixəni / təʒiəčɪni</i>	S	—	
‘вечереть’	<i>siksəguxəni / siksəgujni</i>	ES	P	сильный предельный
‘видеть’	<i>ičəxəni / ičəjɪni</i>	ES, S	S	слабый инцептивно-стативный
‘возвращаться’	<i>ʒiʒuxəni / ʒiʒujni</i>	ES	P	сильный предельный
‘возвращаться’	<i>močogoxəni / močogojni</i>	ES	P	сильный предельный
‘вставать; стоять’	<i>elexəni / elini</i>	ES	P	сильный стативно-процессный
	<i>elesexəni / elesini</i>	S	S	
‘вянуть’	<i>xaŋtaxəni / xaŋmajni</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘гаснуть’	<i>guukpini / guupčini</i>	ES	P	сильный предельный
‘гнить’	<i>n'aaxəni / n'aarini</i>	ES	P	сильный предельный
‘гореть’	<i>ʒəgdəxəni / ʒəgdəjɪni</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘достигать, доходить’	<i>esexəni / esini</i>	ES	P	сильный предельный
‘драться’	<i>sorexəni / sorini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘думать’	<i>murčixəni / murčini</i>	ES, S	S	слабый инцептивно-стативный
‘есть’	<i>seaxəni / searini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘ждать’	<i>xalačexəni / xalačɪni</i>	S	S	стативный
‘жить, рождаться’	<i>balžexəni / balžini</i>	ES, S	S	слабый инцептивно-стативный
‘жужжать’	<i>guəŋgixəni / guəŋgini</i>	P	P	непредельный
‘забывать’	<i>oŋboxəni / oŋbojɪni</i>	ES	—	инцептивный (пунктивный)
‘загораться’	<i>taokpini / taopčini</i>	EP	S	ингрессивно-стативный
‘заострять’	<i>geaxəni / gearini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘знать’	<i>saaxəni / saarini</i>	ES	S	сильный инцептивно-стативный
‘играть’	<i>xurixəni / xurini</i>	P	P	непредельный

семантический предикат	глагол	акциональное значение в прошедшем времени	акциональное значение в не прошедшем времени	акциональный класс
‘идти, падать (о дожде, снеге)’	<i>tugdaxani / tugdajni</i>	P, ES?	P	непредельный (слабый предельный?)
‘идти’	<i>anaxani / anajni</i>	EP, P	P	слабый ингрессивно-непредельный
‘идти’	<i>duuraxani / duurajni</i>	P	P	непредельный
‘искать (потерянное)’	<i>galaguxani / galagujni</i>	EP, P	P	слабый ингрессивно-непредельный
‘искать (новую вещь)’	<i>galaməcihani / galaməcini</i>	EP, P	P	слабый ингрессивно-непредельный
‘капать’	<i>sabdaxani / sabdajni</i>	P	P	непредельный
‘касаться’	<i>tongalaxani / tongalajni</i>	ES	S	слабый инцептивно-стативный
	<i>tongačexani / tongačini</i>	S	—	
	<i>(tongasexani / tongasini)</i>			
‘качать’	<i>xarxexani / xarxini</i>	MP	MP	сильный мультипликативный
	<i>xarxexani / xarxelini</i>	ES (Q)	—	
‘кашлять’	<i>sihmuxani / sihmuxini</i>	MP	MP	сильный мультипликативный
	<i>sihmuxinikini / sihmuxinžini</i>	ES (Q)	—	
‘кипеть’	<i>pujsixani / pujsini</i>	P, ES?	P	непредельный (слабый предельный?)
‘кончать’	<i>xožexani / xožini</i>	ES	— (ES)	инцептивный (пунктивный)
‘копать’	<i>xuləxani / xuləjni</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘кричать’	<i>moraxani / morajni</i>	MP	MP	сильный мультипликативный
	<i>morapsinikini / morapsinžini</i>	ES (Q)	—	
‘крутиться’	<i>kəndəlixani / kəndəlini</i>	P	P	непредельный
‘курить’	<i>damaxelaxani / damaxelajni</i>	EP, P	P	слабый ингрессивно-непредельный
‘курить; пить’	<i>omexani / omini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘кусать’	<i>səkrənikini / səkrənižini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘лаять’	<i>waəčexani / waarini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘лежать; спать; ложиться’	<i>aoxani / aorini</i>	S	S	слабый стативно-процессный
	<i>akranikini / akraninžini</i>	ES, P	P	
‘лететь’	<i>dəgdəxani / dəgdəjni</i>	EP	P	слабый ингрессивно-непредельный
	<i>dəgdəguxani / dəgdəgujni</i>	EP	—	
	<i>dəgdəcihani / dəgdəcini</i>	P	—	
‘лечить’	<i>okčexani / okčini</i>	P	P	непредельный
‘лить’	<i>jəwərixani / jəwəriini</i>	ES	P	слабый предельный
	<i>jəwərsixani / jəwərsini</i>	P	P	
‘ломать’	<i>bojaləxani / bojalini</i>	ES	P	слабый предельный
	<i>bojačexani / bojačini</i>	P	P	
‘лопаться’	<i>təkəəxani / təkəəriini</i>	ES	— (ES)	инцептивный (пунктивный)
‘любить’	<i>uləsixani / uləsiini</i>	S	S	стативный
‘махать’	<i>olexani / olini</i>	P	P	непредельный
‘мерзнуть’	<i>gəkcihani / gəkčini</i>	ES	S	сильный инцептивно-стативный
‘мочиться’	<i>čiəcihani / čiəcini</i>	P	P	непредельный
‘мочь’	<i>mutəxani / mutəj</i>	ES	S	сильный инцептивно-стативный
‘мучиться’	<i>əruləxani / əruləjni</i>	S	S	стативный
‘надевать’	<i>tətuxani / tətujni</i>	ES	P	сильный предельный

семантический предикат	глагол	акциональное значение в прошедшем времени	акциональное значение в не прошедшем времени	акциональный класс
‘находить (потерянное)’	<i>baogoxani / baogojni</i>	ES	—	инцептивный (пунктивный)
‘находить (новое)’	<i>baaxani / baarini</i>	ES	—	инцептивный (пунктивный)
‘начинать’	<i>təpčixəni / təpčürini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘объяснять’	<i>alosexani / alosini</i>	ES	P	сильный предельный
‘опухать’	<i>xaoloxani / xaolojni</i>	ES	S	сильный инцептивно-стативный
‘оставаться’	<i>dərazixəni / dərazini</i>	ES	—	(слабый?) инцептивный (пунктивный)
	<i>dərazixəni / dərazigujni</i>	ES, S?	— (ES)	
‘открывать’	<i>nixəlixəni / nixəlini</i>	ES	P	сильный предельный
‘отрывать’	<i>gudəlixəni / gudəlini</i>	ES	—	сильный предельный
	<i>gudəlixəni / gudəčini</i>	P	P	
‘отрывать’	<i>xətulixəni / xətulini</i>	ES	—	сильный предельный
	<i>xətulixəni / xətučini</i>	P?	P	
‘падать’	<i>tuuxəni / tuurini</i>	ES	P	сильный предельный
‘пахать’	<i>anžalaxani / anžalajni</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘петь’	<i>žarexani / žarini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘пилить’	<i>pooxani / poorini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘писать’	<i>niruxəni / nirujni</i>	ES	P	сильный предельный
‘плакать’	<i>soŋoxani / soŋojni</i>	P	P	непредельный
‘побеждать, выигрывать’	<i>xətəxəni / xətəjni</i>	ES	P	сильный предельный
‘подметать’	<i>xapolexani / xapolini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘подходить, быть в пору’	<i>ačaxani / ačajni</i>	ES, S	S	слабый инцептивно-стативный
‘поливать’	<i>xuulkini / xuulžini</i>	ES	—	сильный предельный
	<i>xuulsixəni / xuulsini</i>	P	P	
‘помогать’	<i>bələčixəni / bələčini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘привинчивать’	<i>morkolaxani / morkolajni</i>	ES	P	слабый предельный
	<i>morkočexani / morkočini</i>	P	—	
‘прилипать’	<i>laktoxani / laktojni</i>	ES	—	слабый инцептивный
	<i>laktočexani / laktočini</i>	S	—	
‘прислоняться’	<i>lagžexani / lagžini</i>	ES, S	S	слабый инцептивно-стативный
	<i>lagženaxani / lagženajni</i>	ES	—	
‘присоединяться’	<i>xopanaxani / xopanaxajni</i>	ES	— (ES)	инцептивный (пунктивный)
‘приходить’	<i>žičini / žižini</i>	ES, P	P?	слабый предельный
‘просить’	<i>gələxəni / gələjni</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘просыпаться’	<i>sənəxəni / sənini</i>	ES	— (ES)	сильный предельный
	<i>sənəguxəni / sənəgujni</i>	ES	P	
‘радоваться’	<i>agdaxani / agdajni</i>	ES	— (ES)	слабый инцептивно-стативный
	<i>agdanasexani / agdanasini</i>	ES, S	S	
‘ремонттировать, чинить’	<i>tagoxani / tagojni</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘сердить’	<i>ajaktaloaŋkini / ajaktaloaŋžini</i>	ES	S	слабый инцептивно-стативный
	<i>ajaktačeonkini / ajaktačeonžini</i>	S	S	

семантический предикат	глагол	акциональное значение в прошедшем времени	акциональное значение в не прошедшем времени	акциональный класс
‘сердиться’	<i>ajaktalaxani / ajaktalajni</i>	ES	—	сильный инцептивно-стативный
	<i>ajaktačexani / ajaktačini</i>	S	S	
‘сказать’	<i>uŋkini / uŋžini</i>	ES	?	инцептивный
‘скользить, кататься (на коньках)’	<i>susuəkəčixəni / susuəkəčini</i>	P	P	непредельный
‘скучать’	<i>žoŋgoxani / žoŋgojni</i>	?	S	стативный
	<i>žoŋgonasexani / žoŋgonasini</i>	S	?	
‘слушать’	<i>dosožaxani / dosožajni</i>	S	S	стативный
‘слышать’	<i>dolžexani / dolžini</i>	ES, S	S	слабый инцептивно-стативный
‘сообщать, говорить’	<i>gusəraxəni / gusərajni (gisurəxəni / gisurajni)</i>	P	P	непредельный
‘сохнуть’	<i>xolgoxani / xolgojni</i>	ES	P	сильный предельный
‘спешить’	<i>budurixəni / budurini</i>	P	P	непредельный
‘стрелять (из ружья)’	<i>meočalaxani / meočalajni</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘строить, делать’	<i>aŋgoxani / aŋgojni</i>	ES	P	сильный предельный
‘таять’	<i>uŋkini / uŋžini</i>	ES	P	сильный предельный
‘терять’	<i>xuədəxəni / xuədəjni</i>	ES	—	инцептивный (пунктивный)
‘течь’	<i>xəjəxəni / xəjəjni</i>	P	P	непредельный
‘трескаться’	<i>kaltaaxani / kaltaarini</i>	ES (Q)	MP	слабый мультипликативный
	<i>kaltaanasexani / kaltaanasini</i>	MP	?	
‘тянуть’	<i>tataxani / tatajni</i>	P	P	слабый предельный
	<i>tatagoxani / tatagojni</i>	ES	P	
‘тянуть’	<i>toaŋkini / toaŋžini</i>	ES, P	P	слабый предельный
	<i>toaŋgoxani / toaŋgojni</i>	ES	P	
‘убивать’	<i>waaxani / waarini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘ударить’	<i>pačelaxani / pačelajni</i>	ES (Q)	— (ES)	сильный мультипликативный
	<i>pačečexani / pačejni</i>	MP	MP	
‘удивляться’	<i>ərdəŋgəsixəni / ərdəŋgəsini</i>	S	S	стативный
‘умирать’	<i>bujkini / bužini</i>	ES	— (ES)	инцептивный (пунктивный)
‘уоставать’	<i>jadaxani / jadajnu</i>	ES	S	сильный инцептивно-стативный
‘уходить’	<i>ənuxəni / ənujni</i>	ES	— (ES)	инцептивный (пунктивный)
‘храпеть’	<i>xoŋčəraxəni / xoŋčərajni</i>	MP	MP	сильный мультипликативный
	<i>xoŋčərakpini / xoŋčərapžini</i>	ES (Q)	?	
‘целовать’	<i>ožoxani / ožojni</i>	ES	P	слабый предельный
	<i>ožočexani / ožočini</i>	P	?	
‘чесаться, зудеть’	<i>xotorsexani / xotorsini</i>	S	S	стативный
‘чистить (рыбу)’	<i>təlgəčixəni / təlgəčini</i>	ES, P	P	слабый предельный
‘читать’	<i>xolaxani / xolajni</i>	ES, P	P	слабый предельный
115 предикатов	153 глагола			

В Таблице 3 сведена информация об обнаруженных в нанайском языке акциональных классах и количестве объектов (глаголов или акциональных групп) в каждом классе.

Таблица 3

Акциональные классы в нанайском языке

Акциональный класс	Акциональная характеристика	Количество глаголов / акциональных групп ⁴
Слабый предельный	<ES P, P>	28 (30)
Сильный предельный	<ES, P>	19
Непредельный	<P, P>	15 (13)
Слабый инцептивно-стативный	<ES S, S>	10
Инцептивный (пунктивный)	<ES, —>	10 (9)
Стативный	<S, S>	8
Сильный инцептивно-стативный	<ES, S>	8
Сильный мультипликативный	<ES (Q), MP>	5
Слабый ингрессивно-непредельный	<EP P, P>	4
Сильный стативно-процессный	<ES S, P S>	2
Слабый инцептивный	<ES S, —>	1 (2)
Сильный ингрессивно-непредельный	<EP, P>	1
Сильный мультипликативно-процессный	<ES (Q), MP P>	1
Слабый стативно-процессный	<ES S P, S P>	1
Ингрессивно-стативный	<EP, S>	1
(Слабый) мультипликативный	<ES (Q) MP, MP>	1
Общая сумма		115

Поскольку для некоторых глаголов акциональная характеристика колеблется и ее сложно точно определить (см. вопросительные знаки в Таблице 2), в 3 столбце Таблицы 3 в скобках указано число предикатов с учетом возможных изменений в их интерпретации. Можно сразу заметить, что данные колебания никак не влияют на общую картину: так, слабые предельные предикаты все равно оказываются наиболее многочисленными.

Названия акциональных классов основаны на соответствующих акциональных характеристиках и взяты из работ С. Г. Татевосова. Система названий в целом логична, соответствующие понятия уже обсуждались выше (состояния, процессы, предельные и непредельные глаголы и пр.). Под сильными глаголами или акциональными группами подразумеваются такие, которые в форме прошедшего времени могут иметь интерпретацию только вхождения в состояние или вхождения в процесс. В свою очередь, слабые глаголы и акциональные группы в форме прошедшего времени могут иметь как интерпретацию вхождения в состояние или процесс, так и интерпретацию собственно состояния или процесса.

В примерах (4—12) иллюстрируется употребление глаголов и акциональных групп основных акциональных классов. Все примеры получены методом элицитации.

(4) СЛАБЫЙ ПРЕДЕЛЬНЫЙ <ES, P; P>

а. *Əsi daŋsa xola-j-i.*

сейчас книга читать-NPST-1SG

‘{Что ты сейчас делаешь?} — Я сейчас книгу читаю’.

ПРОЦЕСС

б. *Mi ži-ž-uči-i-wə*

1SG приходит-REP-CVB.COND2-1SG-OBL

əktə

женщина

piktə-i

ребенок-1SG

daŋsa-wa xola-xa-ni.

книга-OBL читать-PST-3SG

‘Когда я пришла домой, моя дочь {в это время} читала книгу’.

ПРОЦЕСС

в. *žok-či ži-žu-pi*

дом-DIR приходит-REP-CVB.COND.SG

n'oani

3SG

xola-xa-ni

читать-PST-3SG

mi niru-xəm-bi-wə.

1SG писать-PST-1SG-OBL

‘Когда она вернулась домой, она прочитала то, что я написал’.

ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ

г. *Mi piktə-i žok-či ži-žu-mi*

1SG ребенок-1SG дом-DIR приходит-REP-CVB.SIM.SG

daŋsa-i

книга-P.REFL.SG

xola-lo-xa-ni

читать-INCH1-PST-3SG

/ **xola-xa-ni.*

читать-PST-3SG

‘Когда моя дочь вернулась домой, она стала читать свою книгу’.

*ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС

⁴ Число объектов акциональной классификации совпадает с количеством предикатов. Разные глаголы, относящиеся к одному и тому же предикату (как ‘возвращаться’), в этой таблице считаются за один объект.

(5) СИЛЬНЫЙ ПРЕДЕЛЬНЫЙ <ES; P>

- a. *Mi ag-bi asi žoo-wa aŋgo-j-ni.*
1SG старший_брат-1SG сейчас дом-OBL строить-NPST-3SG
'Мой старший брат сейчас строит дом'. ПРОЦЕСС
- б. *Mi Najxen-či ži-ž-uči-i-wə ag-bi žoo-wa*
1SG Найхин-DIR приходить-REP-CVB.COND2-1SG-OBL старший_брат-1SG дом-OBL
aŋgo-j bi-či-ni / *aŋgo-xa-ni.
строить-NPST быть-PST-3SG строить-PST-3SG
'Когда я приехал в Найхин, мой старший брат {в это время} строил дом'. *ПРОЦЕСС
- в. *Mi ag-bi Najxen-či ži-žu-mi žoo-go-i aŋgo-xa-ni.*
1SG старший_брат-1SG Найхин-DIR приходить-REP-CVB.SIM.SG дом-DEST-P.REFL.SG строить-PST-3SG
'Когда мой старший брат приехал в Найхин, он построил себе дом'. ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ

(6) НЕПРЕДЕЛЬНЫЙ <P; P>

- a. *Okčemži asi nuči piktə-wə okči-ni.*
врач сейчас маленький ребенок-OBL лечить.NPST-3SG
'Врач сейчас лечит ребенка'. ПРОЦЕСС
- б. *Mi okčemže-či zvonila-j-do-e-wa n'oani nuči piktə-wə okče-xa-ni.*
1SG врач-DIR звонить-NPST-DAT-1SG-OBL 3SG маленький ребенок-OBL лечить-PST-3SG
'Когда я позвонил врачу, он {в это время} лечил ребенка'. ПРОЦЕСС
- в. *Okčemži žobon-či-i ži-žu-mi gəsə nuuči piktə-wə*
врач работа-DIR-P.REFL.SG приходить-REP-CVB.SIM.SG вместе маленький ребенок-OBL
okči-mi dəruu-xə-ni / *okče-xa-ni.
лечить-CVB.SIM.SG начинать-PST-3SG лечить-PST-3SG
'Когда врач пришел на работу, он стал лечить ребенка'. *ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС
- г. *Okčemži žobon-či-i ži-žu-mi (gəsə) nuuči piktə-wə*
врач работа-DIR-P.REFL.SG приходить-REP-CVB.SIM.SG вместе маленький ребенок-OBL
xore-xa-ni / *okče-xa-ni.
спасать-PST-3SG лечить-PST-3SG
'Когда врач пришел на работу, он вылечил ребенка'. *ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ

(7) СЛАБЫЙ ИНЦЕПТИВНО-СТАТИВНЫЙ <ES, S; S>

- a. *Arčoka təuksə-kəm-bə ičə-j-ni.*
девочка облако-DIM-OBL видеть-NPST-3SG
'Девочка видит облачко'. СОСТОЯНИЕ
- б. *Arčoka təuksə-kəm-bə ičə-xə-ni.*
девочка облако-DIM-OBL видеть-PST-3SG
i. 'Девочка увидела облачко'. ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ
ii. 'Девочка видела облачко'. СОСТОЯНИЕ

(8) ИНЦЕПТИВНЫЙ (ПУНКТИВНЫЙ) <ES; — (ES)>

- a. *Alosemži uroka-wa ələ xože-ža-ra / *xoži-ni.*
учитель урок-OBL скоро кончать-FUT-ASSERT.NPST кончать.NPST-3SG
'Учитель скоро закончит урок'. ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ
Стимул: '{Где учитель? — Учитель скоро придет.} Он еще заканчивает урок'. *ПРОЦЕСС
- б. *Koŋgeri koŋgere-do-a-ni alosemži uroka-wa xože-xa-ni.*
звонок звенеть.NPST-DAT-OBL-3SG учитель урок-OBL кончать-PST-3SG
i. 'Когда прозвенел звонок, учитель закончил урок'. ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ
ii. *'Когда прозвенел звонок, учитель в это время заканчивал урок'. *ПРОЦЕСС

(9) СТАТИВНЫЙ <S; S>

- a. *Əjkə-si simbi-ə xalače-ni.*
старшая_сестра-2SG 2SG-OBL ждать.NPST-3SG
'{Иди скорее.} Твоя сестра ждет тебя'. СОСТОЯНИЕ

- б. *Mi ži-wuči-i-wə mi əjkə-i andaxa-sal-ba xalače-xa-ni.*
 1SG приходит-СВВ.СОНД2-1СГ-ОБЛ 1СГ старшая_сестра-1СГ гость-ПЛ-ОБЛ ждать-ПСТ-3СГ
 i. 'Когда я пришел, моя старшая сестра ждала гостей'. СОСТОЯНИЕ
 ii. *'Когда я пришел, моя старшая сестра стала ждать гостей'. *ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ

(10) СИЛЬНЫЙ ИНЦЕПТИВНО-СТАТИВНЫЙ <ES; S>

- а. *N'oani əj naj-wa saa-ri-ni.*
 3СГ этот человек-ОБЛ знать-НПСТ-3СГ
 'Он знает этого человека'. СОСТОЯНИЕ
- б. *Naonžokan uroka-či ənə-pi n'oani saa-xa-ni tərək bi otveta-wə.*
 мальчик урок-ДР идти-СВВ.СОНД.СГ 3СГ знать-ПСТ-3СГ правильный быть ответ-ОБЛ
 'Когда мальчик пришел на урок, он узнал / *знал правильные ответы'.
 ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ / *СОСТОЯНИЕ

(11) СИЛЬНЫЙ МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ <ES (Q); МР>

- а. *Əj daama siŋmusi-ni.*
 этот дед кашлять.НПСТ-3СГ
 'Кто там кашляет за дверью?' — 'Это дедушка кашляет'. МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС
- б. *Mi dama-či ži-uči-i-wə daama siŋmusi-xə-ni.*
 1СГ дед-ДР приходит-СВВ.СОНД2-1СГ-ОБЛ дед кашлять-ПСТ-3СГ
 'Когда я подошел к дедушке, он {в это время} кашлял'. МУЛЬТИПЛИКАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС
- в. *Daama rawa ni xəli-mi siŋmu-psiŋ-ki-ni.*
 дед окно открывать-СВВ.СИМ.СГ кашлять-ИНЧ2-ПСТ-3СГ
 'Когда дедушка открыл окно, он кашлянул'.
 ВХОЖДЕНИЕ В СОСТОЯНИЕ (КВАНТ МУЛЬТИПЛИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА)

(12) СЛАБЫЙ ИНГРЕССИВНО-НЕПРЕДЕЛЬНЫЙ <EP, P; P>

- а. *Mi škola-či ənə-j-i.*
 1СГ школа-ДР идти-НПСТ-1СГ
 'Мама звонит дочке по мобильному телефону и спрашивает ее: «Ты где сейчас?»}
 — 'Я иду в школу'. ПРОЦЕСС
- б. *Tugdə-lu-j-du-ə-ni mi duəntə-či ənə-xəm-bi.*
 идти(дождь)-ИНЧ1-НПСТ-ДАТ-ОБЛ-3СГ 1СГ лес-ДР идти-ПСТ-1СГ
 i. 'Когда начался дождь, я {в это время} шел в лес'. ПРОЦЕСС
 ii. 'Когда начался дождь, я пошел в лес'. ВХОЖДЕНИЕ В ПРОЦЕСС

Обсуждая полученные результаты, необходимо учитывать ряд методологических проблем. Прежде всего, как уже было сказано выше, основным источником были данные анкет, собранных у носителей нанайского языка. Естественно, даже при максимально тщательном и аккуратном сборе материала методом элицитации анкеты не могут учесть всех языковых нюансов. Кроме того, на результаты опроса могут повлиять и многие дополнительные факторы: например, носитель мог иначе интерпретировать предложение, а дополнительный контекст не помог этого избежать. Можно надеяться, что уточнение данных не сильно повлияет на верхнюю часть *Таблицы 3*, в которой перечислены более многочисленные акциональные классы. Однако это может повлиять на наличие / отсутствие таких акциональных классов, в которые попали только один или два глагола из выборки: так, не исключено, что после дополнительного изучения слабый инцептивный глагол можно будет отнести к группе слабых инцептивно-стативных⁵.

⁵ Необходимо заметить, что акциональная классификация нанайских глаголов представлена также в работе [Оскольская 2016], посвященной описанию аспектуальной системы нанайского языка. В связи с тем, что после написания этой работы некоторые данные были уточнены и дополнены, акциональная классификация в упомянутой работе и в настоящей статье различается (например, некоторые глаголы в итоге были отнесены к другому акциональному классу). Кроме того, в той работе не были представлены акциональные группы: все глаголы рассматривались по отдельности. Это связано прежде всего с тем, что в более ранней статье главной задачей было описание аспектуальной системы (и в частности, аспектуальных характеристик глаголов), а не составление акциональной классификации. Так или иначе, в целом данные в упомянутой работе не противоречат представленной в настоящей статье акциональной классификации, а отличаются от нее лишь в несущественных деталях.

Другая методологическая проблема касается того, какие глагольные дериваты необходимо включать в выборку. В выборку попали те глагольные дериваты, которые предлагались носителями в спрашиваемых контекстах. По методике С. Г. Татевосова, при описании акциональности в языке с деривационным видом в акциональные группы необходимо включать все дериваты, которые различаются между собой только акциональными значениями. В данном случае было принято решение не учитывать все дериваты, поскольку часть из них является, видимо, менее употребительной, а сбор информации по акциональным значениям этих дериватов был бы затруднен. Кроме того, общий результат, включающий малоупотребимые глаголы, как кажется, хуже отражал бы реальное состояние языка.

Помимо низкочастотных дериватов при анализе результатов не были учтены глаголы, содержащие инхоативный показатель *-lo / -lu*. Данный показатель имеет высокую продуктивность и образует глаголы с инхоативным значением по более или менее регулярной модели (подробнее об инхоативах в нанайском см. [Оскольская, Стойнова 2012]). В этом случае образование инхоатива в нанайском можно сравнить с какими-либо грамматическими показателями или конструкциями, которые также могут повлиять на акциональное значение словоформы, в языках со словоизменительным видом. При этом, если следовать методике С. Г. Татевосова, в языках со словоизменительным видом дериваты, содержащие такие показатели, не учитываются.

Еще одним спорным моментом стало определение акциональной характеристики для акциональных групп. Как уже было сказано выше, С. Г. Татевосов при описании акциональности в языках с деривационным видом предлагает определять акциональную характеристику на основании акциональных значений членов акциональной группы (т. е. глагольных лексем), а не глагольных словоформ. Это решение не кажется очевидным. Так, по предложенной методике акциональная группа предиката ‘бояться’ (*ηəɬə*- ‘испугаться’ и *ηəɬə-č̣i*- ‘бояться’) должна быть охарактеризована как сильная инцептивно-стативная. Тогда она окажется в одном классе с предикатом ‘мерзнуть’ *gəḳč̣i*-. С другой стороны, если учесть акциональные значения глаголов *ηəɬə*- и *ηəɬə-č̣i*- в прошедшем и непрошедшем времени, то данная акциональная группа будет охарактеризована как слабая инцептивно-стативная. И в этом случае она окажется в одном классе с предикатом *dolʒe*- ‘слышать’. Было принято решение приписывать акциональные характеристики акциональным группам следующим образом. Если каждый член акциональной группы ведет себя однозначно как перфективный или имперфективный, то группе приписывается характеристика на основании акциональных значений глаголов, а не словоформ. Так, глагол *ηəɬə*- ведет себя как перфективный (может иметь только значение ES), а глагол *ηəɬə-č̣i*- — как имперфективный (может иметь только значение S). Следовательно, предикат ‘бояться’ имеет акциональную характеристику <ES, S>, т. е. относится к классу сильных инцептивно-стативных предикатов. Если же какой-либо из членов акциональной группы имеет разные акциональные значения в разных формах и не может быть однозначно охарактеризован как перфективный или имперфективный, то в этом случае при определении акциональной характеристики учитываются все акциональные значения словоформ. Такое положение дел можно наблюдать, например, у предиката ‘верить’. Глагол *təʒiə*- в прошедшем времени имеет перфективное значение ES, а в непрошедшем времени — имперфективное значение S. А глагол *təʒiə-č̣i*- в прошедшем времени имеет имперфективное значение S, а актуально-длительного прочтения в настоящем не имеет. Для этого предиката приписывается характеристика <ES S, S>. Таким образом, акциональная группа ‘верить’ относится к классу слабых инцептивно-стативных.

3. Обсуждение результатов

Морфологический состав полученных акциональных классов нанайской глагольной лексики довольно разнообразен. Объектами акциональной классификации оказываются как отдельные глаголы, так и акциональные группы. Среди отдельных глаголов встречаются как непроизводные (см. *tutu*- ‘бежать’), так и производные. Производные глаголы могут содержать в себе показатели, несущие аспектуальное значение, что, по всей видимости, влияет на акциональную характеристику глагола. В этом плане интересна пара глаголов *pujsi*- ‘кипеть, вариться’ и *puju*- ‘варить’. Первый глагол морфологически отличается от второго наличием имперфективного суффикса *-si*, и перфективная интерпретация ES оказывается под вопросом, в отличие от второго глагола *puju*-⁶. Кроме того, некоторые глаголы содержат вербализатор *-la / -lə* (*damaxela*- ‘курить’), показатель рефактива *-go / -gu* (*baogo*- ‘находить потерянное’), а также имперфективный показатель *-č̣i / -si* (*ərdəŋgəsi*- ‘удивляться’). В акциональных группах один глагол мо-

⁶ Эти глаголы имеют семантическое различие, не выводимое из наличия имперфективного показателя и имеющее отношение к разной аргументной структуре глаголов. Поэтому эти глаголы не могут быть объединены в одну акциональную группу.

жет быть производным, а другой (или другие) — производным (например, *kaltaa-* ~ *kaltaanase-* ‘треснуть ~ трескаться’). В некоторых акциональных группах все глаголы (в большинстве случаев — два глагола) имеют деривационные показатели. Обычно это вербализатор *-la / -lə*, который в этом случае появляется на перфективном элементе, и имперфективатор *-či*, который появляется на имперфективном глаголе (см. *ajakta-la-* ~ *ajakta-či-* ‘рассердиться ~ сердиться’).

Основной результат настоящей статьи представлен в *Таблице 3*, в которой перечислены акциональные классы глаголов нанайского языка. Эти данные можно сопоставить с акциональными классификациями других языков. Например, если сравнить их с акциональными классами калмыцкого языка [Овсянникова 2009б: 101], который считается языком со словоизменительным видом, то можно обнаружить, что в калмыцком языке самыми многочисленными также оказываются классы слабых и сильных предельных предикатов. Но количество пунктивных, стативных и непредельных предикатов заметно выше в нанайском, чем в калмыцком языке.

Также можно отметить, что в нанайском языке засвидетельствованы все основные акциональные классы, которые, согласно [Татевосов *forthc.*], обнаруживаются в большинстве языков независимо от типа видовой системы: это классы сильный предельный, слабый предельный, пунктивный, непредельный, слабый ингессивно-непредельный, слабый инцептивно-стативный и мультипликативный. Помимо этого, в нанайском языке есть еще девять акциональных классов: сильный ингессивно-непредельный, стативный, сильный инцептивно-стативный, сильный стативно-процессный, сильный мультипликативный, слабый инцептивный, сильный мультипликативно-процессный, слабый стативно-процессный, ингессивно-стативный. Однако состав «периферийных» акциональных классов может поменяться при уточнении данных.

Сокращения

Глоссы

ASSERT — утвердительное наклонение	NPST — непрошедшее время
COND — условно-временное деепричастие <i>-pi</i>	OBL — косвенный падеж
COND2 — условно-временное деепричастие <i>-wiči</i>	P — посессивность
CVB — деепричастие	PFV — перфектив
CVB.SIM — одновременное деепричастие	PL — множественное число
DAT — датив	PST — прошедшее время
DEST — дестинатив	REFL — рефлексив
DIM — диминутив	REP — рефактив
DIR — директив	SG — единственное число
FUT — будущее время	1 — первое лицо
INCH1 — инхоатив <i>-lo / -lu</i>	2 — второе лицо
INCH2 — инхоатив <i>-psin</i>	3 — третье лицо
IPFV — имперфектив	

Общие

EP — вхождение в процесс	P — процесс
ES — вхождение в состояние	Q — квант мультипликативного процесса
MP — мультипликативный процесс	S — состояние

Литература

Аврорин 1961 — Аврорин В. А. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М.—Л., 1961. {*Avrorin V.A. The Nanai language grammar. Vol. 2. M.-L., 1961.*}

Лютикова и др. 2006 — Лютикова Е. А., Татевосов С. Г., Иванов М. Ю., Пазельская А. Г., Шлуинский А. Б. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М., 2006. {*Lyutikova E.A., Tatevosov S.G., Ivanov M.Yu., Pazelskaya A.G., Shluinski A.B. Structure of an event and the verb semantics in the Karachay-Balkar language. M., 2006.*}

Мищенко 2012 — Мищенко Д. Ф. Сложные глаголы и акциональные свойства глаголов в башкирском. Хэндаут доклада, представленного на Башкирском семинаре в СПбГУ 14-го ноября 2012 г. {*Mishchenko D.F. Complex verbs and actional verb properties in the Bashkir language. A hand-out of a report made on the Bashkir seminar in SPbU November 14th 2012.*}

Овсянникова 2009а — *Овсянникова М. А.* Приложение. Список глаголов // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. *Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В.* (= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 5. Ч. 2.) СПб., 2009. С. 857—865. {*Ovsyannikova M.A.* Appendix. List of verbs // Studies in grammar of the Kalmyk language / Ed. *Say S.S., Baranova V.V., Serdobolskaya N.V.* (= Acta Linguistica Petropolitana Vol. 5 part 2) SPb., 2009. P. 857-865.}

Овсянникова 2009б — *Овсянникова М. А.* Акциональные классы глаголов калмыцкого языка // Исследования по грамматике калмыцкого языка / Ред. *Сай С. С., Баранова В. В., Сердобольская Н. В.* (= Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. 5. Ч. 2.) СПб., 2009. С. 94—123. {*Ovsyannikova M.A.* Actional classes of the Kalmyk language verbs // Studies in grammar of the Kalmyk language / Ed. *Say S.S., Baranova V.V., Serdobolskaya N.V.* (= Acta Linguistica Petropolitana Vol. 5 part 2) SPb., 2009. P. 94-123.}

Оскольская 2016 — *Оскольская С. А.* К вопросу об аспектуальной системе нанайского языка // ВЯ. 2016, 1. С. 76—93. {*Oskolskaya S.A.* On account of aspectual system of the Nanai language // Issues in linguistics. 2016, 1. P. 76-93.}

Оскольская, Стойнова 2012 — *Оскольская С. А., Стойнова Н. М.* Способы выражения начальной фазы действия в нанайском языке // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Первой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» / Ред. *Девяткина Е. М. М.*, 2012. С. 213—230. {*Oskolskaya S.A., Stoynova N.M.* Modes of expressing the initial phase of action in the Nanai language // Language problems: A digest of scientific articles based on the First conference-school "Language problems: a young scientists' vision" / Ed. *Devyatkina E.M. M.*, 2012. P. 213-230.}

Петрова 1941 — *Петрова Т. И.* Очерк грамматики нанайского языка. Л., 1941. {*Petrova T.I.* An essay of the Nanai language grammar. L., 1941.}

Петрова 1960 — *Петрова Т. И.* Краткий очерк грамматики нанайского литературного языка // *Петрова Т. И.* Нанайско-русский словарь. Л., 1960. С. 168—228. {*Petrova T.I.* A short essay of the Nanai literary language grammar // *Petrova T.I.* Nanai-Russian dictionary. L., 1960. P. 168-228.}

Татевосов 2005 — *Татевосов С. Г.* Акциональность: типология и теория // ВЯ. 2005, 1. С. 108—141. {*Tatevosov S.G.* Actionality: typology and theory // Issues in linguistics. 2005, 1. P. 108-141.}

Татевосов 2010 — *Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 2010. {*Tatevosov S.G.* Actionality in vocabulary and grammar. D. Litt. thesis. M., 2010.}

Татевосов 2015 — *Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике: Глагол и структура события. М., 2015. {*Tatevosov S.G.* Actionality in vocabulary and grammar: the verb and structure of an event. M., 2015.}

Татевосов forthc. — *Татевосов С. Г.* Акциональность в лексике и грамматике: Эмпирические исследования. В печати. {*Tatevosov S.G.* Actionality in vocabulary and grammar: Empirical studies. In print.}

Bennett, Partee 1978 — *Bennett M., Partee B.* Toward the Logic of Tense and Aspect in English. Bloomington, 1978.

Comrie 1976 — *Comrie B.* Aspect. Cambridge, 1976.

Krifka 1992 — *Krifka M.* Thematic Relations as Links between Nominal Reference and Temporal Constitution // Lexical Matters / Eds. *Sag I., Szabolsci A.* Stanford, 1992. P. 29—53.

Vendler 1957 — *Vendler Z.* Verbs and Times // The Philosophical Review. 1957. Vol. 66. No. 2. P. 143—160.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена описанию акциональных классов глаголов нанайского языка. В первой части статьи рассматриваются теоретическая база и методы, которые используются при исследовании акциональных классов. Во второй части статьи обсуждается применимость методики С. Г. Татевосова к материалу нанайского языка и связанные с этим методологические проблемы. Итогом работы является изложение полученных акциональных классов нанайского языка, обнаруженных с помощью проверки свойств ряда глаголов методом элицитации.

SUMMARY

This article deals with the description of verbal actionality classes in Nanai. First, theoretical ground and methods which are used to investigate actionality classes are discussed. The second part of the article is dedicated to the description of the Nanai verbal classes on the base of S. Tatevosov's methods. Problems connected with this procedure are also considered. A list of Nanai verbal actionality classes which were revealed with the help of elicitation is the main result of the article.

Ключевые слова: нанайский язык, акциональность, лексические классы, аспект, глагол

Keywords: Nanai, actionality, lexical groups, aspect, verb

Оскольская Софья Алексеевна, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург); sonypolik@mail.ru
Sofia A. Oskolskaya, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg); sonypolik@mail.ru

Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века¹

В настоящей работе представлен анализ орфографии и языковых особенностей одного из старописьменных памятников чувашского языка XIX в. — перевода на чувашский язык обширной проповеди митрополита Григория (Постникова) «День святой жизни, или ответ на вопрос: как мне жить свято?». Эта проповедь была издана в Санкт-Петербурге в 1856 г. [День 1856], а уже на следующий год чувашский перевод напечатали в Казани под названием «Конь святой бёрнызинь, а́ли ХорáвЪ идю́ синé: еплé мánЪ святой борна́сь?» [Конь 1857].

Данный памятник имеет объем около 170 страниц сплошного текста и очень богат языковым материалом. Он относится к довольно представительному корпусу чувашских текстов XVIII—XIX вв., авторы которых в отсутствие общепринятой орфографии (только в 1871 г. просветитель И. Я. Яковлев утвердил проект нового алфавита, с которым связывают начало современной чувашской письменности) опытным путем находили средства адаптации чувашской фонетики к графике на кириллической основе. В целом эти приемы являются общими для многих памятников, но в каждом из них есть и свои уникальные орфографические особенности. Кроме того, что еще более важно для чувашской исторической диалектологии, за отсутствием литературной нормы каждый памятник указанного периода хорошо отражает языковые особенности того говора, носителем которого был конкретный переводчик.

В случае с переводом «Дня святой жизни...» в самом издании содержится указание на то, какой чувашский говор мог лечь в его основу. Текст проповеди предваряет замечание о том, что данный перевод — «усерднейшее приношение» митрополиту Григорию от священников Евгения Акрамовского из села Акрамово Козьмодемьянского уезда Казанской губернии (ныне в Моргаушском районе Чувашии) и Георгия Аристовского из села Янгильдино (по-видимому, речь идет о селе Янгильдино в Чебоксарском районе Чувашии, находящемся в 16 км от Акрамово). Согласно существующим классификациям чувашских диалектов (см. [Канюкова 1965; Сергеев 1992]), оба населенных пункта лежат в пределах распространения верхового диалекта чувашского языка. Уже при поверхностном знакомстве с памятником ясно, что его язык действительно носит верховой характер: часто встречающаяся в первом слоге буква *o* отражает верховой гласный *-o-*, который регулярно соответствует низовому *-и-* (собственно, на этом распределении в первую очередь и строятся принятые классификации чувашских диалектов). Однако более точная географическая локализация говора-источника и общие задачи исторической диалектологии чувашского языка требуют детального анализа языка данного памятника.

Ниже приводится разбор орфографии и языковых особенностей чувашского перевода «Дня святой жизни...», выполненный на основании росписи примерно $\frac{2}{3}$ материала памятника. Основное внимание уделено фонетическим и морфологическим особенностям, также отмечены некоторые лексические диалектизмы. Обзор синтаксиса не входил в задачи данного исследования, поскольку при обращении к тексту становится ясно, что переводчик постоянно прибегал к пословному переводу русских синтаксических конструкций; таким образом, для изучения синтаксиса чувашских говоров XVIII в. рассматриваемый памятник не информативен.

Зафиксированные в памятнике формы даются в оригинальной кириллической записи в квадратных скобках (единственное изменение — написание прописного [З] для упрощения визуального различения с [ь]) и сопровождаются латинской транслитерацией. Библиографическая информация, касающаяся мест употребления той или иной формы в тексте памятника, в статье не приводится; она указана в Словаре чувашского перевода «Дня святой жизни...», который выполнен в программе LingvoDoc и в скором времени будет доступен по интернет-адресу: <http://lingvodoc.at.ispras.ru>. Стандартные «общечувашские» формы, с которыми сравниваются записи памятника, в общем следуют транскрипции, принятой в [СИГТЯ 1997, 2002, 2006]. Схема анализа материала, как правило, повторяет принятую в работе [Савельев 2013а] и в диссертации [Савельев 2014], посвященной отражению диалектных особенностей в чувашском материале Словаря Палласа.

При рассмотрении особенностей орфографии данного старописьменного источника по возможности даются релевантные сопоставления из других памятников чувашского языка XVIII—XIX вв.

¹ Работа велась по гранту РГНФ № 15-04-00361 «Первые памятники письменности на уральских и алтайских языках». Автор выражает большую признательность О. А. Мудраку, с которым обсуждался ряд положений настоящей работы.

1. Фонетика

Как будет показано ниже, языковые данные отражаются в переводе «Дня святой жизни...» на очень высоком уровне, особенно в плане передачи фонетики говора-источника. Опечаток в переводе крайне мало, так что фонетическая система говора-источника может быть восстановлена вполне надежно.

1.1. Консонантизм

Шумные согласные

Как известно, в современном чувашском языке шумные согласные имеют глухие и полувзвонкие варианты. Фонотактически они распределены таким образом, что полувзвонкие представлены в положении между гласными и после сонанта перед гласным (интервокальная позиция), а глухие — во всех остальных случаях. В старописьменных памятниках, однако, распределение глухих и полувзвонких (в нашей транскрипции отражаются аналогично звонким) вариантов далеко не всегда соответствует современному, и «День святой жизни...» в этом отношении не является исключением.

Для шумных согласных в данном памятнике оказалось целесообразным выделять следующие позиции: 1) начало слова; 2) интервокальная позиция (независимо от положения относительно границ основы или аффикса); 3) кластер внутри словоизменительной основы; 4) конец основы; 5) начальное положение в составе аффикса; 6) конечное положение в составе аффикса. Ниже приводятся результаты исследования того, как тот или иной шумный согласный ведет себя в указанных позициях.

1.1.1. *p*

1.1.1.1. Один из наиболее сложных вопросов, возникающих при анализе старописьменных памятников чувашского языка, связан с глухими и звонкими отражениями ожидаемого *p*- в анлауте. Уже с самых ранних источников XVIII в. (Ф. Страленберг) и вплоть до середины XIX в. в памятниках наблюдается «непоследовательная» передача начального *p*-, в части случаев как будто указывающая на звонкость. На письме она отражается в колебании [*n*-] и [б-] или, соответственно, [*p*-] и [b-] в латинографических памятниках. Доля неожиданно звонких отражений *p*- в анлауте, как правило, значительно выше, чем у других шумных (для последних она обычно не превышает статистической погрешности). Выписывание [б-] не может отражать синхронное фразовое озвончение в контексте после гласного или сонанта в исходе предыдущего слова, поскольку оно столь же часто имеет место в абсолютном начале фонетического периода или после глухого согласного.

Ниже приводится полный список (за исключением неадаптированных русизмов) чувашских основ с ожидаемым анлаутным *p*-, зафиксированных в расписанной части перевода «Дня святой жизни...».

Основы с [*n*-]:

- puz*- [пуз-] ‘портиться’ ~ чув. *p̣s*- тж.;
- pida* [пыда-] ‘гвоздь’ ~ чув. *p̣da* тж.;
- putran*- [путран-] ‘волноваться’ ~ чув. *p̣tran*- тж.;
- piy*’ [пыгЪ] ‘смотреть’ ~ чув. *p̣y*- тж.;
- pižrgan*- [пыжыргган-] ‘огорчаться’ ~ чув. *p̣žrygan*- тж.;
- p’ült*’ [пюльт] ‘небо’ ~ чув. *p̣lät* тж.;
- p’er*’ [перь] ‘один’ ~ чув. *p̣r* тж.;
- p’id*- [пидь-] ‘кончаться; умирать’ ~ чув. *p̣t*- тж.;
- p’ičik*- [пичик-] ‘маленький’ ~ чув. *p̣žək* тж.;
- p’ül’üks*’ [пюлюксъ] ‘ангел-хранитель’ ~ чув. *p̣üləxşə* ‘дух-покровитель’;
- porn’i*-_{3sg} [порни-] ‘палец’ ~ чув. *p̣irne*, диал. *porne* тж.;
- pad’áx*’ [падяхЪ] ‘много’ ~ чув. *p̣ajda* тж.;
- pargá*- [паргá-] ‘крепкий’ ~ чув. *p̣arga* тж.;
- paṽá* [пагá] ‘важный’ ~ чув. *p̣aṽa* тж.;
- paṽčá* [пахчá] ‘сад’ ~ чув. *p̣aṽča* тж.;
- paján*’ [паянЪ] ‘сегодня’ ~ чув. *p̣ajan* тж.;
- p’er’eg’et*’ [перегетЪ] ‘успех’ ~ чув. *p̣ereget* ‘изобилие’;
- p’iz*- [пизь-] ‘зреть’ ~ чув. *p̣iṽ*- тж.;
- p’ír*- [пир-] ‘мы (косв.)’ ~ чув. *p̣ir*- тж.;
- p’it*’ [питъ] ‘лицо’ ~ чув. *p̣it* тж.;

p'id' [пидь] 'очень' ~ чув. *pidə* тж.;
poz' [позь] 'голова' ~ чув. *poʒ* тж.;
pos'-n'è [пось-нè] 'кроме' ~ чув. *poʒ-ne* тж.;
post'är- [постяр-] 'собирать' ~ чув. *poʒtar-* тж.;
roj- [пой-] 'богатеть' ~ чув. *roj-* тж.;
polž- [полж-] 'помогать' ~ чув. *polʒš-* тж.;
popl'è [поллè] 'разговаривать' ~ чув. *pople-* тж.;
roz- [роз-] 'ступать' ~ чув. *ros-* тж.;
posk'il' [поскиль] 'сосед' ~ чув. *poskil* тж.;
podt- [подт-] 'тонуть' ~ чув. *pot-* тж.;
pizik' [пизыкЪ] 'большой' ~ чув. *pizək* тж.

Случаи отражения [б-]:

braγ- [браг-] 'бросать' ~ чув. *pʁaγ-* тж.;
bar- [бар-] 'дать' ~ чув. *par-* тж.;
bad' [бад(ь)-] 'сторона' ~ чув. *pat* тж.;
bak' [бакЪ] 'как, подобно' ~ чув. *pek*, диал. *pak* тж.;
b'ič- [бич-] 'старший брат' ~ чув. *pičč-* тж.;
bol- [бол-] 'быть' ~ чув. *pol-* тж.

Выписывание соответственно [п-] или [б-] в данных словах совершенно регулярно. Колебания наблюдаются только в следующих немногочисленных основах:

чув. *palla-* 'знать, узнавать' — многократно [п(л)ла-], но один раз употреблено с [б-]: *ballamán'*^{neg. prf.-part.} [балламáнь];

чув. *pír-* 'идти' — чаще [пыр-], реже [быр-];

чув. *por* 'есть, имеется' в предикатном употреблении, но 'весь' в атрибутивном — в памятнике регулярно (!) [борЪ] 'есть, имеется', но [порь] 'весь';

чув. *pəl-* 'знать' и его производные: сама основа регулярно дается в виде [бил'-], но дериват чув. *pələš* 'знакомый' с одинаковой частотностью встречается в вариантах [билижЪ] и [пилижЪ].

Для выяснения причин колебания [п-] ~ [б-] в чувашском переводе «Дня святой жизни...» оказалось нецелесообразно значимым сравнение с данными других старописьменных памятников чувашского языка (Таблица 1). Для сопоставления были выбраны Словарь Палласа [СС 1787, 1789] и Словарь Миллера [Müller 1759] (оба XVIII в.), по которым была сделана полная роспись, а также «Начертание правил чувашского языка...» В. П. Вишневого [Вишневикий 1836], где бо́льшая часть языкового материала удобно скомпонована в виде словаря. Как выяснилось, во всех этих памятниках, во-первых, в одних основах обычно строго отражается звонкий анлаут, а в других — глухой; колебания достаточно редки. Во-вторых, показания разных памятников в плане отражения звонкого или глухого анлаута в конкретной основе также, по большому счету, согласуются друг с другом. Все это позволяет предположить, что частично звонкое отражение анлаутного *p-* в источниках XVIII—XIX вв. неслучайно и должно найти объяснение в рамках исторической фонетики.

Таблица 1

Основы с ожидаемым анлаутным *p-* в «Дне святой жизни...»
и их параллели в других старописьменных памятниках²

Основа	Словарь Палласа	Словарь Миллера	«День...»	«Начертание...»
<i>pʁaγ-</i> 'бросать'	—	—	<i>браг-</i>	<i>брэг-</i>
<i>pʁs-</i> 'портить'	—	<i>-puʒs-</i>	<i>пуз-</i>	<i>пуз-</i>
<i>pʁda</i> 'гвоздь'	<i>пута, пода</i>	—	<i>пыда</i>	<i>пуда</i>
<i>pʁʒi</i> ^{3sg.} 'дети'	—	—	<i>пучи</i>	<i>пучи</i>
<i>pʁʁan-</i> 'волноваться'	—	—	<i>путран</i>	<i>путран-</i>
<i>pʁx-</i> 'смотреть'	<i>бых-</i>	—	<i>пыгЪ</i>	<i>пыг-</i>
<i>pʁʒʒʁan-</i> 'огорчаться'	—	—	<i>пыжыргган-</i>	<i>пужурган-</i>
<i>pəl-</i> 'знать' > <i>pələš</i> 'знакомый'	—	—	<i>бил'-</i> > <i>пилижЪ</i> , <i>билижЪ</i>	<i>бил-</i> > <i>пилижЪ</i>

² Подчеркнуты формы из «Дня...» и их эквиваленты в прочих источниках, если они одинаковым образом отражают начальный шумный.

Основа	Словарь Палласа	Словарь Миллера	«День...»	«Начертание...»
<i>pälät</i> 'небо'	<i>пюлтБ</i>	<i>püllüt</i>	<i>пюльт</i>	<i>пюльть</i>
<i>pär</i> 'один' > <i>pärle</i> 'вместе'	<i>пря</i>	<i>bär</i>	<i>перь > пирьле</i>	<i>перь > перьле</i>
<i>pät-</i> 'заканчивать'	<i>пим'-</i>	—	<i>пидьт'-</i>	<i>пид'-</i>
<i>päžäk</i> 'маленький'	<i>питик-</i>	—	<i>пичикь</i>	<i>пичик-</i>
<i>päččen</i> 'одинокий'	—	—	<i>пичинь</i>	<i>пичень</i>
<i>püläxšä</i> 'дух-покровитель'	—	—	<i>пюлюксь</i>	<i>пюлюхси</i>
<i>pürne</i> 'палец'	<i>пурня, борня</i>	<i>bornja</i>	<i>порня, борня</i>	<i>порне</i>
<i>pajdaḥ</i> 'очень много'	—	—	<i>падяхБ</i>	<i>падяхБ</i>
<i>palla-</i> 'знать, узнавать'	—	—	<i>балла-, палла-</i>	<i>палла</i>
<i>par-</i> 'давать'	<i>барь</i>	<i>bar</i>	<i>бар-</i>	<i>бар-</i>
<i>parga</i> 'крепкий'	—	—	<i>паргга</i>	<i>паргга</i>
<i>pat</i> 'сторона'	—	—	<i>бад-</i>	<i>бад-</i>
<i>paḥa</i> 'ценный'	—	—	<i>пага</i>	<i>пага</i>
<i>paḥša</i> 'сад'	—	—	<i>пахча</i>	<i>пакча</i>
<i>pajan</i> 'сегодня'	—	<i>pajagan</i>	<i>паянБ</i>	<i>паяганБ</i>
<i>pek</i> 'как, подобно'	—	—	<i>бакБ</i>	<i>бекБ</i>
<i>pereget</i> 'успех'	—	—	<i>переггеть</i>	<i>переггеть</i>
<i>piš-</i> 'зреть, вариться'	<i>пс'-</i>	—	<i>пизь-</i>	<i>пизь-</i>
<i>pir-</i> 'мы (косв.)'	—	—	<i>пир-</i>	—
<i>pit</i> 'лицо'	<i>пим-</i>	<i>pit</i>	<i>пимь</i>	<i>пимь</i>
<i>pidä</i> 'очень'	—	—	<i>пидь</i>	<i>пимь</i>
<i>pičč-</i> 'старший брат'	<i>бич-, пич-</i>	<i>bitsch, pitsch</i>	<i>бич-</i>	<i>пич-</i>
<i>poḥ</i> 'голова'	<i>босБ, пусБ</i>	<i>bos, poss</i>	<i>позь</i>	<i>пось</i>
<i>poḥ-ne</i> 'кроме'	<i>босня</i>	—	<i>посьне</i>	<i>посне</i>
<i>poštär-</i> 'собирать'	—	—	<i>постяр-</i>	<i>постяр-</i>
<i>poj-</i> 'богатеть'	—	—	<i>пой</i>	<i>пуй-</i>
<i>pol-</i> 'быть' > <i>poldar-</i> 'мочь'	<i>поль-</i>	<i>-pol-</i>	<i>бол- > болдар-</i>	<i>бол- > полдар-</i>
<i>polš-</i> 'помогать'	—	—	<i>полж-</i>	<i>полж-</i>
<i>porple-</i> 'разговаривать'	—	—	<i>попле-</i>	<i>попля-</i>
<i>por</i> 'есть, имеется (1); весь (2)' > <i>porḥn-</i> 'жить'	<i>борБ (1), бурн-</i>	<i>burn-</i>	<i>борБ (1), порь (2), борн-</i>	<i>порь (2), борн-</i>
<i>pos-</i> 'наступать'	—	—	<i>поз-</i>	<i>поз-</i>
<i>poskil</i> 'сосед'	—	—	<i>поскиль</i>	<i>поскиль</i>
<i>pot-</i> 'тонуть'	—	—	<i>подт-</i>	<i>под-</i>
<i>pir-</i> 'идти'	—	—	<i>быр-, пыр-</i>	<i>быр-</i>
<i>pizäk</i> 'большой'	<i>бызыкБ</i>	—	<i>пызыкБ</i>	<i>пызыкБ</i>

Как видно из таблицы, в плане отражения ожидаемого *p-* перевод «Дня святой жизни...» особенно близок к «Начертанию...». Тожественность проявляется даже в записи таких нетривиальных случаев, как двоякая передача чув. *päläš* 'знакомый' (звонкое отражение в части случаев — под влиянием [б-] в производящей основе). При этом, судя по многим другим признакам, перевод «Дня...», хотя и ориентируется на «Начертание...» в плане орфографии, но с точки зрения отражаемых языковых реалий является вполне самостоятельным памятником. Этот факт служит лишним подтверждением тому, что частотное употребление начального [б-] в старописьменных памятниках чувашского языка следует объяснять не орфографической традицией, тянувшейся еще с записей первой половины XVIII в. в латинской графике, а отражением реальной фонетики соответствующих говоров.

Судя по данной таблице, нужно выделять следующие основные случаи, в которых перевод «Дня святой жизни...», а равно и другие памятники, чаще всего отражают неожиданно звонкий анлаут.

1) Случаи, где начальный губной непосредственно предшествует сонанту, т. е. имеет место озвончение, объясняемое ассимиляцией: ср. *braḥ-* [браг-] 'бросать' ~ чув. *pḥraḥ-* тж. (в форме из «Дня святой жизни...») согласные стали соседствовать после выпадения редуцированного). Ср. форму из Словаря Палласа [борня-] наряду с [пурня] 'палец' [Савельев 2015], где следует предполагать историческое оз-

вончение перед сонантным элементом: чув. *pürne*, диал. *porŋe* < ПТю **bjarnaq* [СИГТЯ 2006: 216] с реконструируемым дифтонгом.

2) Послелого и прочие служебные слова, обычно находящиеся в постпозиции к полнозначному слову и фонетически приближающиеся к энклитикам. Ср. формы *bad(ʹ)* [бад(ь)-] ‘сторона’ ~ чув. *pat* тж.; *bakʹ* [бакʹ] ‘как, подобно’ ~ чув. *pek*, диал. *pak* тж. Если отнести сюда же случай двойного отражения чув. *por* ‘есть, имеется (1); весь (2)’, то получает объяснение написание [борʹ] (1) именно в постпозитивном (предикатном) употреблении, в то время как вариант [порʹ] (2) регулярно обнаруживается в препозиции к полнозначному слову. Данные случаи следует интерпретировать как историческое озвончение шумного в позиции фразового инлаута, которое только во второй половине XIX в. было стерто в чувашских говорах в результате фонотактического выравнивания. Эта изоглосса является, по-видимому, общей для нескольких тюркских групп, ср. распространенное в огузских языках ослабление **b- > v-* часто в тех же категориях слов, где происходит озвончение в старочувашском (например, тур., азерб. *var* ‘есть, имеется’)³.

3) Частотные глаголы, для которых характерно употребление в роли модальных и, аналогично предыдущему пункту, слияние с предшествующим именем в единое фонетическое слово. Ср. *bar-* [бар-] ‘дать’ ~ чув. *par-* тж.; *bol-* [бол-] ‘быть’ ~ чув. *pol-* тж. в переводе «Дня святой жизни...» и аналогичные формы в других исследованных памятниках. Здесь же следует рассматривать отражение основы *pəl-* ‘знать’ как [бил-] в глагольных формах, притом что отглагольное имя имеет вариант с [п-]: [пильжʹ]. В указанных случаях речь идет опять же об историческом озвончении шумного, которое находит параллели в огузских, ср. тур., азерб. *ol-* < **vol-* ‘быть’, *ver-* ‘давать’ и т. д.

Очерченные тенденции не всегда одинаково проявляются во всех указанных памятниках, но общие тенденции очевидны.

1.1.1.2. В позиции между гласными или после сонанта перед гласным *-b-* ожидаемо передается через [-б-], ср.:

ʹibildatnɨ _{prf.-part. nom.} [ьибылдатны] ‘льстить’ ~ чув. *jʹbʹldat-* тж.;

kábirʹ [кабырʹ] ‘красивый, нарядный’ ~ чув. *kabʹr* тж.;

tʹübʹè [тюбè] ‘часть’ ~ чув. *tübe* ‘верхушка’;

olbúdʹ ranʹ _{abl.} [олбүдʹ ранʹ] ‘господин’ ~ чув. *olbʹt* тж.;

iumbʹü [йумбю] ‘царь’ ~ чув. *əmbü* тж.

Геминированный *-pp-* отражается как глухой с необязательной передачей геминации:

errʹinʹ [эппинь] ‘итак, таким образом’ ~ чув. *errin* тж.;

ápiž` _{3sg.} [áпыжʹ] ‘старшая сестра’ ~ чув. *appʹžə* тж.;

karajäs(s)a _{inf. dat./acc.} [капаяс(с)а], *karajássinʹ* _{inf. gen.} [капаяссынь], *karajäsʹ ranʹ* _{inf. abl.} [капаясʹ ранʹ] ‘гордиться, важничать’ ~ чув. *kabaj-*, диал. *kappaj-* тж.

В кластерах с шумными или типа «р + сонант», находящихся внутри словоизменительной основы, практически регулярно отражение через [п-]. Ср.:

aptra- [антра-] ‘мучиться’ ~ чув. *apt(ʹ)ra-* ‘тушеваться, впадать в ступор’;

üpkʹédʹ- [юпкédʹ-] ‘обижать’ ~ чув. незафиксированное **üpkə-t-* _{caus.} при *üpkə-le-* тж.

Исключением является случай *tabta-* [табта-] ‘топтать’ ~ чув. *tapta-* тж. Вероятно, [-б-] выписан здесь под влиянием семантически близкого чув. *tap-* ‘нападать’, которое записывалось бы в орфографии данного памятника как [таб-], см. следующий пункт.

Ср. также примеры, где корню предшествует полуредупликационный префикс на *-p-* с усилительным значением:

táptazà [тáптазà] ‘чистейший’ ~ чув. *tap-taza* тж. при *taza* ‘чистый’;

toptóli [топтóлы] ‘преисполненный’ ~ чув. *top-tolli* при *tolli* ‘полный’.

1.1.1.3. Уникальной особенностью чувашского перевода «Дня святой жизни...» является частотное звонкое отражение конечных шумных. Детальный анализ материала показывает, что выписывание глухого или звонкого вариантов на конце основы зависит не столько от фонетического окружения (исключение составляют только тривиальные случаи звонкого отражения перед аффиксальным гласным), сколько от грамматического класса слова. В этом отношении оказываются противопоставленными исходы глагольных и именных основ.

³ В [СИГТЯ 2002: 45] предлагается считать, что переход происходит «в односложных корнях с *-r, -l*», однако ср. показания саларского языка, где **b- > v-* не только в этой позиции [там же: 66].

Для позиции конца глагольной основы регулярна звонкая передача шумного, ср.:

tob' [тобЪ] 'найти' ~ чув. *top-* тж.;
s'äb- [сяб-] 'бить' ~ чув. *šap-* тж.;
χib- [хыб-] 'разгораться' ~ чув. *χip-* тж.

Как будто в нарушение чувашской фонотактики, [-б] на конце глагольной основы выписывается даже перед глухим согласным аффикса, ср. деепричастные формы от приведенных основ: *s'äbsà* [сябсà], *tobsà* [тобсà], *χibsà* [хыбсà].

Эту особенность орфографии «Дня святой жизни...», вероятно, следует объяснять следующим образом. Разрабатывая орфографию, создатели памятника остановились на морфологическом принципе, который предусматривает неизменность написания морфемы и игнорирование возможных фонетических вариантов. В качестве инвариантов были генерализованы очень частотные сегменты со звонким исходом, которые были вычленены из большого числа форм глагольной парадигмы, где конечный согласный основы озвончается в позиции перед гласным аффикса (ср. чув. *pot-* 'тонуть' > *pod-adьp* 'я тону').

Что касается исхода именных основ, то в целом по памятнику в данной позиции обычны глухие варианты. Однако *p* в этом смысле представляет собой исключение, поскольку по не вполне ясным причинам в ауслауте преимущественно записывается [-б]:

χ'iz'éb' [хизэбЪ] 'время' (наряду с *χ'izép'* [хизэпЪ]) ~ чув. *χizer* 'число';

s'ir'ib' [сүрибЪ] 'крепкий' (наряду с *s'ir'ip'* [сүрипЪ]) ~ чув. *širəp* тж.;

t'üb' [тюбЪ] 'дно; основной' ~ чув. *təp* тж.;

aib' [аибЪ] 'вина' ~ чув. *aьp* тж.;

eb' [эбЪ] 'я' ~ чув. *eb(ə)* тж. (в данном случае звонкое отражение в принципе может быть объяснено влиянием отпавшего редуцированного).

Среди редких отражений через [-n], помимо указанных, отмечены только *χaláp'* [χалánЪ] 'сплетня' ~ чув. *χalap* 'басня', а также *áip' ran'* abl. [áunЪ ranЪ] 'вина' ~ чув. *aьp* тж., где перед энклитикой -*p* фактически находится в позиции ауслаута. Примечательно, что часть представленных здесь слов с -*p* на конце основы — заимствования (чув. *χizer* 'число', *aьp* 'вина', *χalap* 'басня'), и на них же приходится большая часть отражений через [-nЪ]; для корпуса исконных основ звонкие отражения почти регулярны.

1.1.1.4. В начале аффиксов, даже после шумного (в т. ч. глухого) исхода предыдущей морфемы, генерализована передача звонкого [б-]. Ср.:

-*bir'* [-бырЪ] (аффикс 1-го лица множественного числа глаголов)

boládbir' pres. 1pl. [болáдбырЪ] 'быть' ~ чув. *polat-pьr* тж.;

turmástbir' pres. 1pl. [турмáстбырЪ] 'стоять' ~ чув. *təmast-pьr* тж.;

-*ba* [-ба] (аффикс инструменталиса)

is'b'e instr. [úсьбе] 'дело' ~ чув. *aь-pe* тж.;

sivl'izba instr. [сýвлижба] 'дух' ~ чув. *sivl'ьš-pa* тж.

Частотный аффикс с исходом на -*p* — показатель 1-го лица единственного числа настоящего и будущего времени (~ чув. -*ьp* / -*əp*). Он также регулярно записывается через [-б], ср.:

χvarádib' pres. 1sg. [χварáдыбЪ] 'оставлять' ~ чув. *χ'varad-ьp* тж.;

sist'ér'ib' fut. 1sg. [сыстéрибЪ] 'предупреждать' ~ чув. *sister-əp* тж.

С одной стороны, подобную запись можно объяснить характерной для данного памятника общей тенденцией к выписыванию -*b* в конечной позиции (ср. случаи в исходе глагольной и именной основы). Но, с другой стороны, здесь может идти речь об отражении реальной фонетики чувашских говоров — ср., например, показания более ранних Словарей Миллера и Палласа, где применяются совершенно иные орфографические принципы, но рассматриваемый аффикс регулярно имеет звонкий исход. Возможно, что схожее явление удастся обнаружить и в современных чувашских говорах по итогам их фонетического обследования.

1.1.2. t

1.1.2.1. В анлауте *t* ожидаемо отражается при помощи [m-]:

támik' [тáмыкЪ] 'ад' ~ чув. *tamьk* тж.;

taprán' [тапрánЪ] 'двигаться' ~ чув. *tapran-* тж.;

t'úr'üs' [түрюсЪ] 'правильно' ~ чув. *tärəs* тж. и др.

Исключение составляют частица [da] / [de] < рус. да (~ та / те в современном чувашском), а также регулярная передача через [de-] основы te- ‘сказать’. В последнем случае речь идет о том же историческом озвончении в позиции фразового инлаута, которое рассмотрено в пункте 1.1.1.1; чув. te- подпал под этот процесс, будучи частотным глаголом с модальными функциями. Ср. кыпч. *de-, являющееся этимологическим соответствием для рассматриваемой чувашской основы: здесь также отмечается звонкий d- в инлауте при общей его нехарактерности для кыпчакских языков.

1.1.2.2. В интервокальной позиции ожидаемо регулярен [-d-], ср.:

id'ü [идү] ‘вопрос’ ~ чув. *ijdu* тж.;

tadà [мадà] ‘еще’ ~ чув. *tada* тж.;

tuduž [тудужБ] ‘постоянно’ ~ чув. *tǎdǎš* тж.;

in'd'è [иньдè] ‘уже’ ~ чув. *ǎndǎ* тж.;

maldán^{abl.} [малдánБ] ‘сначала’ ~ чув. *maldan* тж. и др.

Гемината -tt- только в одном случае — в основе *ittì* [имтì] ‘другой’ ~ чув. *itti* тж. — ожидаемо отражается как [-mm-]. Во всех остальных употреблениях на месте -tt- записывается [-dm-], что, вероятно, передает реальное произношение этого сочетания как полувзвонкой геминаты (со звонким приступом и глухим исходом). Ср. *s'üdtì*^{3sg.} [сюдтì] ‘свет’ ~ чув. *šutti* тж., а также регулярно следующие аффиксы:

— показатель каузатива -*dtar*^r [-дтарБ] ~ чув. -*ttar* (присоединяется к основам на гласный);

— показатель 2-го лица множественного числа настоящего времени -*dtir*^r [-дтырБ] ~ чув. -*dǎr*, верх. -*ttǎr*;

— показатели сослагательного наклонения -*dtim*^r_{1sg.} [-дтымБ] ~ чув. -*ttǎm* и -*dtin*^r_{2sg.} [-дтынБ] ~ чув. -*ttǎn*.

После сонантов ожидаемый -tt- передается через одинарный [-m-], что отражает хорошо известное и в современном языке сокращение геминаты в этой позиции, ср.:

šojtán^r [шойтánБ] ‘дьявол’ ~ чув. *šojt(t)an* тж.;

bolǎtǎb'e^{part. instr.} [болтǎбе] ‘с наступлением’ ~ чув. *polt(t)ibe* тж.

В кластерах внутри основы *t* регулярно передается как [-m-], ср. *putranmázir*^r_{sup. car.} [путранмáзырБ] ‘волноваться’ ~ чув. *pǎtran-* тж.

1.1.2.3. На конце глагольных основ орфография памятника отражает звонкий -d:

tíd^r [тыдБ] ‘держат’ ~ чув. *tít-* тж.;

kidárd^r [кыдáрдБ] ‘показать’ ~ чув. *kǎdart-* тж.;

aslád^r [аслáдБ] ‘славить’ ~ чув. *aslat-* ‘расширять’;

kard^r [кардБ] ‘почитать, уважать’ ~ чув. *kart-* тж. и др.

Случаи перед аффиксальным согласным:

s'id'na^{prf.-part.} [сидьна] ‘достич’ ~ чув. *šit-nǎ* тж.;

k'ürd'rin^r_{pret. 2sg.} [күрдьрынБ] ‘ввести’ ~ чув. *kǎrt-rǎn* тж.;

lárdr'e^{pret. 3sg.} [лáрдре] ‘посадить’ ~ чув. *lart-rǎ* тж.;

tídmás^{neg. pres. 3sg.} [тыдмáсь] ‘держат’ ~ чув. *tít-mast'* тж.;

tordmá^{sup.} [тордмá] ‘тянуть’ ~ чув. *tort-ma* тж.

Особым образом в памятнике отражается последовательность -ts-, часто возникающая при спряжении глаголов. Практически всегда она записывается как [-dmc-] (с вариантами), т. е. отражается как бы полувзвонкая гемината:

χidtsà^{conv.} [хыдтсà] ‘огрубеть’ ~ чув. *χit-sa* тж.;

podtsà^{conv.} [подтсà] ‘тонуть’ ~ чув. *pot-sa* тж.;

irdítsésin^{cond.-part.} [ирдытсэсынБ] ‘пройти’ ~ чув. *irt-sessǎn* тж., отражается вариант типа *"irdǎtsésǎn* с разбивкой геминаты редуцированным гласным;

s'ioradtsásin^{cond.-part.} [сiorадтсáсынБ] ‘создавать’ ~ чув. *šorat-sassǎn* ‘рожать’.

В исходе именных основ регулярно отражается глухой [-m], ср.:

jät^r [ятБ] ‘имя’ ~ чув. *jat* тж.;

torát^r [торáтБ] ‘ветка’ ~ чув. *torat* тж.;

p'it^r [питБ] ‘лицо’ ~ чув. *pit* тж.;

kart^r [картБ] ‘заповедь’ ~ чув. *kart* ‘зарубка’ — данная запись составляет наглядную минимальную пару к приведенному выше [кардБ] ‘почитать, уважать’.

Исход на *-d* крайне редок. Он встречается, во-первых, в заимствованиях, в том числе ныне освоенных: *sud'* [судЪ], *sódna* _{2sg. dat./acc.} [содна] < рус. суд; *abád'* [абáдЪ] 'еда' < рус. обед при современном чувашском *abat* и др.

Во-вторых, *-d* возможен в служебных словах, ср. *badn'è* _{3sg. dat./acc.} [баднè] 'к (чему-л.)' ~ чув. *patne* тж. (букв. 'в сторону'). В данном случае основа послелога генерализовалась в варианте со звонким, поскольку она значительно чаще употребляется с вызывающими озвончение аффиксами, а не изолированно.

1.1.2.4. В позиции начала аффикса регулярно написание [-ð], ср. отражение показателей местного падежа *-da / -de* [-ða] / [-ðe] и сравнительной степени прилагательных *-daraχ / -dereχ* [-дараχЪ] / [-дереχЪ]. Такое отражение совершенно ожидаемо, поскольку *t* в начале аффикса всегда находится в позиции озвончения (соответствующие варианты аффиксов употребляются только после сонантов).

Что касается позиции в исходе аффикса, то заслуживает внимания отражение показателя настоящего времени 3-го лица единственного числа *-at' / -et*. Наряду с более частотным отражением при помощи [-*m*] в памятнике встречается и написание [-*адъ*] / [-*едъ*]. Такая запись может быть объяснена с точки зрения исторической грамматики: звонкость отражаемого *-d* обусловлена отпавшим *-ə*, который, кроме того, привел к палатализации предшествующего согласного. Ср. зафиксированные у Н. И. Ашмарина [Ашмарин 1898: 35—36] диалектные формы типа *čobadə* '(он) бежит' наряду с *čobat'*.

1.1.3. k

1.1.3.1. Согласный *k*- в анлаутной позиции регулярно передается при помощи буквы [к-], ср.:

k'ürd'és' _{inf.} [кюрдэсЪ] 'ввести' ~ чув. *kärt-* тж.;

kornat' _{pres. 3sg.} [корнатъ] 'виднеться' ~ чув. *korъn-* тж.;

kalà [калà] 'говорить' ~ чув. *kala-* тж.;

iōzamáškin' _{sup.} [iōзамáшкынЪ] 'исправлять' ~ чув. *jozamaškъn* тж.;

ūpk'ed'èss'e _{pres. 3pl.} [ūпкедэссе] 'обижать' ~ чув. **ūpket-* тж. и др.

1.1.3.2. Одна из характернейших черт орфографии рассматриваемого памятника — это регулярное отражение инлаутного *-g-* (полузвонкого аллофона *k*) через двойное [-*гг-*], в то время как при помощи более ожидаемого [-*г-*] передается фрикативный *-γ-* (см. примеры в пункте 1.1.4.2). Помимо «Дня святой жизни...», такое же распределение обнаружено пока еще только для одного чувашского памятника — «Начертания...» В. П. Вишневого [Вишневецкий 1836]. Сразу отметим, что эту орфограмму нельзя считать отражением южнорусской нормы в идиолекте писца, поскольку предполагаемый первопроходец данного приема в чувашской орфографии, В. П. Вишневецкий, имел чувашское происхождение [Родионов 2004], как и, естественно, переводчики «Дня святой жизни...». Схожая в содержательной части орфограмма присутствует в одном из чувашских памятников XVIII в.: см. [Сочинения 1769], где через [-*г-*], опять же, передается чувашский *-γ-*, а взятый из латиницы [-*g-*] записывается на месте ожидаемого смычного *-g-* [Мудрак 2011].

Приведенные орфографические правила представляют важный материал для истории русского языка, показывая, что еще в середине XIX в. фрикативный *-γ-* был орфоэпическим стандартом (по крайней мере, в ряде стилей) для русского (!) [г]. Ср. у Б. А. Успенского о норме XVIII в.: «В церковном чтении (т. е. в соответствии с церковнославянскими орфоэпическими нормами), равно как и в высоком стиле, буква *г* читалась как задненёбный фрикативный звонкий согласный [γ], между тем, в живой русской речи — иначе говоря, в «обыкновенных разговорах» — звучал обычно взрывной [g]». Процесс вытеснения фрикативного [г] взрывным вариантом, добавляет автор, «продолжался еще и в XIX в.» [Успенский 1994: 207].

Ср. примеры на отражение чувашского *-g-* через [-*гг-*] в «Дне святой жизни...»:

s'āga [с'ягга] 'вот этот' ~ чув. *šagъ* тж.;

ūg'en'és' _{inf.} [ūггенэсЪ] 'каяться' ~ чув. *ūgъn-* тж.;

v'il'er'eg'én' _{pres.-part.} [вилереггэнЪ] 'убивающий' ~ чув. *vālerēgen* тж.;

varganzà _{conv.} [варгганзà] 'мучиться' ~ чув. *vargan-* тж.;

irg'élle _{comit.} [ирггэлле] 'порядочный, нормальный' ~ чув. *jārgellə* тж. и др.

Ожидаемая гемината *-kk-* отражается как глухой [-*к-*] с необязательной передачей геминации:

s'ūkūra _{dat./acc.} [сюкүра] 'хлеб' ~ чув. *šǫgъr*, диал. *šǫkkъr* тж.;

išik'i _{3sg.} [ишүкү] 'нутро' ~ чув. *ǫš-čikkī* тж.;

p'ičik'e [пичүке] 'мало' ~ чув. *pǫžǫk*, диал. *pǫžikkə* 'маленький';

ikk'e [үккэ] 'два', *ikk'ell'e* _{adv.} [үккелле] 'вдвойне' ~ чув. *ikkə*, *ikkəlle* тж.

Ср. также случаи, где ожидалась бы передача полувзвонкого, но по неясным причинам передается как будто гемината:

ir'ika ^{dat./acc.} [*ирика*] ‘воля’ ~ чув. *irəge* тж.;
s'ákin' žin' ^{caus./fin.} [*сякинЪ жинЪ*] ‘этот’ ~ чув. *šagyn-žyn*, но ср. многократно *s'ägin-* [*сягын-*] тж.

В сочетаниях с другими согласными внутри словоизменительной основы регулярен [к], ср. *s'ekl'en'zè* ^{conv.} [*секленьзэ*] ‘возникать’ ~ чув. *šaklen-* ‘подниматься’.

1.1.3.3. В исходе глагольной основы *-k* почти всегда отражается как глухой [-к]:

ákrimir' ^{pret. 1pl.} [*акрымырЪ*] ‘сеять’ ~ чув. *ak-rəmtər* тж.;
tuksà ^{conv.} [*туксà*] ‘проливать’ ~ чув. *tə̀k-sa* тж.;
t'üksè ^{conv.} [*тюксэ*] ‘толкать’ ~ чув. *tə̀k-se* тж.

Такое отражение противоречит принятым в памятнике правилам, согласно которым в данной позиции ожидалась бы передача звонкого, ср. пункты 1.1.1.3 и 1.1.2.3. Возможно, здесь на выбор в пользу [-к] повлияла экзотичность сочетания [-гг-], ожидаемого в противном случае, для русской графики. Впрочем, последняя из приведенных выше форм все же встречается в тексте в виде *t'ügsè* [*тюггсэ*], ср. также *sugsà* ^{conv.} [*суггсà*] ‘креститься’ ~ чув. *sə̀x-sa*, диал. *sə̀k-sa* тж.

Для исхода именных основ также регулярен [-к], ср.:

s'ändalik' [*сяндáлыкЪ*] ‘мир, свет’ ~ чув. *šandalə̀k* тж.;
il'ik' [*иликЪ*] ‘прежде’ ~ чув. *ə̀lək* тж.;
šán'čikn'e ^{3sg. dat./acc.} [*шáньчикне*] ‘надежда’ ~ чув. *šanžə̀k-ne* тж.

1.1.3.4. Для позиции начала или исхода словоизменительного аффикса *-k-* не характерен.

1.1.4. χ

1.1.4.1. Согласный χ- в анлаутной позиции ожидаемо передается через [x-]:

χuruž' [*хуружЪ*] ‘боязливый’ ~ чув. *χə̀ružə̀* ‘страшный’;
χorlánín' ^{fut. 2sg.} [*хорлányнЪ*] ~ чув. *χorlan-* ‘огорчаться’;
χ'in'ba ^{instr.} [*хиньба*], *χ'in'zat'* ^{pl.} [*хиньзамЪ*] ‘мука’ ~ чув. *χə̀n* тж. и др.

1.1.4.2. В интервокальной позиции полувзвонкий -γ- регулярно отражается с помощью [-г-]:

s'ioγadmá ^{sup.} [*сиогадма́*] ‘терять’ ~ чув. *šoyat-* тж.;
kaγál' [*кагáль*] ‘ленивый’ ~ чув. *kaγal* тж.;
ir'y'i [*ирьйи́*] ‘утренний’ ~ чув. *iryi* тж.;
χolyájä ^{dat./acc.} [*холгáя*] ‘ухо’ ~ чув. *χə̀lyə*, диал. *χolyə* тж. и др.

В нескольких случаях, однако, на месте ожидаемого -γ- записано двойное [-гг-], как будто отражающее смычный -g-:

šógiš' [*шóггышЪ*] ‘дума, мысль’ ~ чув. *šoyə̀š* тж. — ср. также *šokláče* ^{pret.-mult. 3sg.} [*шокилáче*] с явным отражением взрывного;

ilganagán'-zan'è ^{pres.-part. dat./acc.} [*ылганагáнЪ-занè*] ‘проклинать’ ~ чув. *ilyan-* тж.;

súgu [*сүггү*] ‘крестное знамение’, *sugsà* ^{conv.} [*суггсà*] ‘креститься’ ~ чув. *sə̀yú < sə̀y-* тж.;

sagatráχ' ^{loc. emph.} [*саггагрáхЪ*] ‘час’ ~ чув. *seyet*, верх. *saγat* тж. — наряду с более редким *saγat-* [*сагам-*], отражающим спирант;

bornmálliga ^{part. dat./acc.} [*борнмáллыгга*] ‘жить’ ~ чув. *porə̀nmal'γə* тж. — наряду с вариантами *-málliya* [-мáллыга] и *-mállixa* [-мáллыха], отражающими спирант;

pağà [*паггà*] ‘ценный’ ~ чув. *paγa* тж. — наряду с *paγà* [*пагà*], отражающим спирант;

pižirgan- [*пыжыргган-*] ‘огорчаться’ ~ чув. *pə̀žə̀rγan-* тж.;

vúgut' [*вүггүтЪ*] ‘время’ ~ чув. *və̀yút* тж.

Не исключено, что в части случаев выписывание [-гг-] ошибочно, но в целом оно вполне может отражать фонетику говора-источника. Ср. зафиксированные в Словаре Н. И. Ашмарина [СЧЯ] варианты некоторых из приведенных слов с отражением смычного в инлауте: *шукáш* ~ *шокáш* ‘мысль’, *сáкá* ‘метка, знак; знамение’ и т. п.

Ожидаемая гемината -χχ- отражается как [-x-]: *vuraχ'i-b'el'e* ^{nom. instr.} [*вурáхи-беле*] ‘медленный’ ~ чув. *və̀raχixibe* тж.

В консонантных кластерах внутри основы также регулярен [-x-]:

mòx̣ṭiṛ^{imp.-2pl.} [мòх̣тыр̣Б] ‘хвалить’ ~ чув. *mox̣ta-* тж.;

seχṛ'e [сэх̣р̣е] ‘страх’ ~ чув. *seχre* тж. и др.

1.1.4.3. В исходе глагольной основы, как правило, имеет место звонкое отражение при помощи [-z] и значительно реже [x]:

piỵ [пы̣г̣Б], *piyṣà*^{conv.} [пы̣с̣à], *piyṃášḳiṇ*^{sup.} [пы̣г̣м̣áшк̣ын̣Б] ‘смотреть’ ~ чув. *p̣yχ-* тж.;

braỵ [бра̣г̣Б], *braỵṃár'e*^{neg. pret. 3sg.} [бра̣г̣м̣áре] ‘бросать’ ~ чув. *p̣ryaχ-* тж.;

s'irláỵ [сир̣л̣áг̣Б] наряду с однократным *s'irláχ̣* [сир̣л̣áх̣Б] ‘помиловать’ ~ чув. *širlaχ-* тж.

toyṃášḳiṇ^{sup.} [тог̣м̣áшк̣ын̣Б], *aṇ* *tóytiṛ*^{proh.-3sg.} [ан̣Б то̣г̣тыр̣Б], *tóyriṃ*^{pret. 1sg.} [то̣г̣рым̣Б] наряду с *toχṇi*^{prf.-part. nom.} [тох̣н̣и] ‘выходить’ ~ чув. *toχ-* тж.;

iōgṣà^{conv.} [iōг̣с̣à] ‘течь’ ~ чув. *joχ-* тж.;

taryṣà^{conv.} [тар̣г̣с̣à] наряду с *taryṣà*^{conv.} [тар̣х̣с̣à], *tarχṇi*^{prf.-part. nom.} [тар̣х̣н̣и] и даже *tarχád'*^{pres. 3sg.} [тар̣х̣áдь] (глухой перед гласным!) ‘усердствовать’ ~ чув. *tarχ-* тж.

В неглагольном аусллауе -χ обычно отражается как [-x]:

sóriχ̣ [сóriх̣Б] ‘овца’ ~ чув. *sorχ* тж.;

òr'iχ̣ [òрих̣Б] ‘другой’ ~ чув. *orχ* тж.;

túruχ̣ [тúрух̣Б] ‘по, вдоль; согласно (послелог)’ ~ чув. *ṭṛṛχ̣* тж.;

vil'iχ̣-zen'^{pl.-gen.} [в̣и̣лих̣Б-зэнь] ‘скот’ ~ чув. *viχ̣-sen* тж. и др.

Однако в ряде случаев в именном аусллауе наряду с [-x] отмечаются дублетные записи с [-z]. Ср.:

îrliỵ [îр̣лы̣г̣Б], *irliỵ* [îр̣лы̣г̣Б] ‘благосостояние’ ~ чув. *iṛḷyχ̣* ‘благо’ — наряду с *'irliχ̣* [в̣и̣р̣лы̣х̣Б];

χórḷiỵ [χóр̣лы̣г̣Б] ‘горе, несчастье’ ~ чув. *χoṛḷyχ̣* тж. — наряду с *χórḷiχ̣* [χóр̣лы̣х̣Б];

χàliỵ [χàлы̣г̣Б] ‘народ’ ~ чув. *χaḷyχ̣* тж.;

sumáỵ [сум̣áг̣Б], *sumáỵ* [сум̣áг̣Б] ‘слово’ ~ чув. *ṣṃtaχ̣* тж. — наряду с *sumáχ̣* [сум̣áх̣Б];

s'iliỵ [с̣и̣лы̣г̣Б] ‘грех’ ~ чув. *šiḷyχ̣* тж. — наряду с *s'iliχ̣* [с̣и̣лы̣х̣Б].

Причины такого варьирования в записи пока не вполне ясны. Едва ли возможно объяснять его смешением в памятнике данных различных говоров, поскольку в целом с точки зрения представленных языковых реалий «День святой жизни...» достаточно единообразен. Скорее приходится говорить о нерегулярностях в орфографии, обусловленных отсутствием признанного к тому времени общечувашского стандарта.

1.1.4.4. Для позиции в начале словоизменительного аффикса χ- не характерен. В конечной позиции данный согласный представлен в энклитической частице -eχ, которая записывается с колебанием [-eχБ] ~ [-eгБ].

1.1.5. s

1.1.5.1. Согласный s в начальной позиции регулярно записывается через [c-]:

saṇ [сан̣Б] ‘твой’ ~ чув. *san* тж.;

sív'e [с̣ы̣ве] ‘холод’ ~ чув. *sivə* тж.;

s'ün'ét'^{pres. 3sg.} [с̣юн̣éть] ‘гаснуть’ ~ чув. *sün-* тж. и др.

1.1.5.2. В интервокальной позиции ожидаемый -z- регулярно передается при помощи [-z-]:

tazád'e^{fut. 3sg.} [та̣з̣áде] ‘очистить’ ~ чув. *tazat-* тж.;

s'ükl'ez'è^{conv.} [с̣ю̣кле̣з̣è] ‘поднять’ ~ чув. *šäkle-* тж.;

s'ülzà^{conv.} [с̣ю̣л̣з̣à], *s'ülzám'*^{emph.} [с̣ю̣л̣з̣áṃБ] ‘спасти’ ~ чув. *šül-* тж. и др.

Гемината -ss- (обычно встречается в аффиксах или на стыке основы и аффикса) записывается как глухой с необязательным отражением долготы, причем за определенными аффиксами довольно жестко закреплено написание через одинарную или двойную [c]. Ср., с одной стороны, склоняемые формы инфинитива на -as, где почти регулярно [-cc-]:

s'ulássa^{inf. dat./acc.} [с̣ю̣л̣áсса], *s'ülásṣi*^{inf. nom.} [с̣ю̣л̣áсс̣и] ‘спасать’ ~ чув. *ṣ̌ḷássa*, *ṣ̌ḷássi* тж.;

bornássa^{inf. dat./acc.} [бор̣н̣áсса], *bornásṣi*^{inf. nom.} [бор̣н̣áсс̣и] ‘жить’ ~ чув. *poṛṇássa*, *poṛṇássi* тж. и др.

С другой стороны, аффикс условно-временного причастия -sasṣən / -sesṣən генерализован в варианте с отражением одинарного согласного на месте геминаты:

vuranzásin^c cond.-part. [вуранз́асынЪ] ‘пробуждаться’ ~ чув. *vʹranzassɛn* тж.;
d'ezésin^c cond.-part. [дэзэ́сынЪ] ‘сказать’ ~ чув. *tezessɛn* тж. и др.

По неясным причинам ожидаемая гемината передается при помощи [-зс-] в ряде именных форм, где гемината появляется в результате присоединения показателя принадлежности 3-го лица к основе с исходом на гласный:

ozsì^{3sg.} [озс́ы] ‘польза’ ~ чув. *ossi* от *ozʹ* тж.;
azzsìzan'è^{pl.-dat./acc.} [азс́ызанè] ‘выродок, ублюдок’ ~ чув. *assi* (лексикализованная форма ^{3sg.} от *azʹ) тж.

Ср. форму *ózsilli*^{comit.} [óзсыллы] ‘полезный’ ~ чув. *ozʹllʹ*, где как [-зс-] и вовсе отражается ожидаемый -z-. В кластерах с другими согласными регулярен [с], ср. *osrà* [оср̀à] ‘хранить’ ~ чув. *osra-* тж.

1.1.5.3. В исходе глагольных основ чаще записывается [-з] и реже [-с], ср.:

puzsà^{conv.} [пузс̀à] ‘портить’ ~ чув. *pʹs-* тж.;
pozsa^{conv.} [позс̀à] наряду с *posmallì*^{debt. nom.} [посмаллы́] ‘давить’ ~ чув. *pos-* тж.;
sìz'sén^c cond.-part. [сызс́э́нЪ] наряду с *sìs'm'éskin*^{sup.} [сысьмэ́шкынЪ] ‘чувствовать’ ~ чув. *sìs-* тж.;
čuzsà^{conv.} [чузс̀à] ‘тянуть’ ~ чув. *čʹs-* тж. и др.

В исходе именных основ регулярно отражается -s:

us^c [ус̀Ъ], *usn'è*^{3sg. dat./acc.} [уснè] ‘ум’ ~ чув. *ʹs* тж.;
t'úr'üs^c [т́юрюс̀Ъ] ‘правильный’ ~ чув. *tʹrʹəs* тж. и др.

Однако в ряде случаев на месте ожидаемого -s в данной позиции отмечается как бы запись палатального -ʃ, что отражает диалектное развитие:

s'āramáz^c [с́арамáзь] ‘голый’ (со звонким отражением!) ~ чув. *šaramas*, диал. *šaramaš* тж.;
kr'es^c [крес̀Ъ] ‘крест’ ~ чув. *χərəs*, диал. *χərəš* тж. < рус. *крест*.

1.1.5.4. Аффиксы, начинающиеся на *s*, часто генерализованы в глухом или звонком написании независимо от контекста или при минимальном его влиянии, ср. именной показатель множественного числа *zam*^c pl. [зам̀Ъ] (даже после глухого исхода основы) и аффикс деепричастия *-sa* [-ca] (в т. ч. после звонкого шумного на конце основы; после гласных и сонантов выступает, однако, вариант *-za* [-za]). Для последнего встречается также вариант *-ša* [-ua] — результат ассимиляции после основ с исходом на -š ([-жс] в орфографии памятника): ср. *olž-šà*^{conv.} [олжш̀à] ‘меняться’ ~ чув. *olʹš-sa* тж.

В позиции на конце основы -s регулярно передается через [-с], ср. аффикс инфинитива *-as* / *-es*, который записывается как [-ас̀Ъ] / [-ес̀Ъ].

1.1.6. š

1.1.6.1. Согласный š- в анлаутной позиции регулярно передается как [ш-], ср.:

šušm'en^c [шушмэ́нь] ‘мгновение’ ~ чув. диал. *šüşmen* тж.;
šált^c [шáлтЪ] ‘совсем, окончательно’ ~ чув. *šalt* тж.;
šiklán^c [шшќлánЪ] ‘опасаться, остерегаться’ ~ чув. *šiklen-* тж. и др.

1.1.6.2. В интервокальной позиции регулярно выступает полувзвонкий -ž-, который отражается на письме как [-жс-]:

úžu [úжс̀у] ‘теплый’ ~ чув. *ʹžʹ* тж.;
pižirgánna^{prf.-part.} [пнжыргáнна] ‘огорчаться’ ~ чув. *pʹžʹryan-* тж.;
olžulla^{comit.} [олжс̀улла] ‘переменчивый’ ~ чув. *olʹžullʹ* тж. и др.

Гемината -šš- обычно передается через одинарный [-ш-]:

itlaši [итлаш́и] ‘слишком’ ~ чув. *itlašši* тж.;
ʹiši^{3sg.} [ʹиш́и] ‘разновидность’ ~ чув. *jišši* тж.

Интересно отражение ожидаемого -šš- как [-си-] в следующем случае: *ásše-* [áсие-] ‘его отец’, *aslásše-* [аслáсие-] ‘его дед, прародитель’ ~ чув. *aššə*, *aslaššə* тж. Возможно, здесь отражен некоторый диалектный вариант данной основы.

В кластерах с другими согласными внутри основы регулярен [-ш-]: *kštáχ*^c emph. [кш́тáхЪ] ‘немного’ ~ чув. *kʹštəχ* тж.

1.1.6.3. В исходе глагольных основ ожидаемый *-š* чаще отражается как звонкий [-ж] и значительно реже как [-ш]:

χοῡσὰ conv. [χοῡσὰ], *χοῡνα* prf.-part. [χοῡνα], *χοῡνῖ* prf.-part. nom. [χοῡνῖ] ‘велеть’ ~ чув. *χοῡ-sa*, *χοῡ-нь*, *χοῡ-ni* тж.;
χοῡσὰ conv. [χοῡσὰ] ‘добавлять’ ~ чув. *χοῡ-sa* тж.;
ποῡλμαῡσκῖν sup. [ποῡλμαῡшкынБ], *ποῡλmallῖ* debt. nom. [ποῡлжмаллы], *ποῡλkalás* iter. inf. [ποῡлжкаласБ],
ποῡλznaran prf.-part. abl. [ποῡлжнارانБ] ‘помогать’ ~ чув. *ποῡλš-maškῖn*, *ποῡλš-malli*, *ποῡλš-kalas*, *ποῡλš-nῖran* тж.;
οῡλš-à conv. [οῡлжш-а] наряду с *οῡлšmánnῖ* neg. prf.-part. nom. [οῡлшманны] ‘меняться’ ~ чув. *οῡлš-sa*, *οῡлš-manni* тж.;
p'erl'ežm'è sup. [перлежмè], *p'erl'ežm'ès'* neg. pres. 3sg. [перлежмèsь] ‘общаться’ ~ чув. *pərleš-me*, *pərleš-mest'* ‘объединяться’;
χοῡδžmà sup. [ходжмà] ‘смешиваться’ ~ чув. *χοῡδž-ma* тж.;
tanažmà sup. [танажмà] ‘сравниваться’ ~ чув. *tanaš-ma* тж.;
k'il'žna prf.-part. [кильжна] наряду с *k'il'žna* prf.-part. [кильшина], *k'il'žnin'e* prf.-part. nom. dat./acc. [кильшиныне] ‘сравниваться’ ~ чув. *kilš-nə*, *kilš-nine* тж.;
talášni prf.-part. nom. [талашны] ‘ссориться’ ~ чув. *tavlašni* тж.

Интересны частотные слова *k'il'šter-* [кильштер'-] ‘соглашаться’ и *tanaštar-* [танаштар-] ‘сравнивать’: оба с показателем каузатива *-ter / -tar* и с отражением последнего корневого согласного через [-ш-]. Их пример показывает, что тенденция к звонкому исходу глагольной основы не распространяется на случаи перед словообразовательным аффиксом (а каузатив в чувашском имеет черты такового), поскольку в таком случае формируется расширенная словоизменительная основа и согласный в указанной позиции ведет себя в соответствии с обычными правилами распределения звонких и глухих вариантов внутри основы.

Отражение в памятнике именных основ с исходом на *-š* составляет довольно сложную картину. По умолчанию для них ожидалась бы передача при помощи [-ш], и несколько таких случаев отмечаются в тексте:

er'èš [эрéшБ] ‘узор’ ~ чув. *ereš* тж.;
kanáš [канáшБ] ‘совет’ ~ чув. *kanaš* тж.;
šógiš [шóггышБ] наряду с *šógiž* [шóггыжБ] ‘мысль’ ~ чув. *šoužš* тж.;
tíduš [тýдушБ] наряду с *tíduž* [тýдужБ] ‘постоянно’ ~ чув. *tǔdǔš* тж.

Однако в большинстве случаев в исходе именных основ неожиданно появляется [-ж]:

íž [íжБ] ‘нутро’ ~ чув. *ǔž* тж.;
b'il'íž [бíлижБ] ‘знакомый’ ~ чув. *pələš* тж.;
íoldáž [íoldáжБ] ‘друг, товарищ’ ~ чув. *joldaš* тж.;
χuž - *χúž* [χужБ-хúжБ] ‘какой-либо’ ~ чув. *χǔš* ‘который’;
l'éž [лэжБ] ‘тот’ ~ чув. *leš* тж.;
čirž [чиржБ] ‘ель’ ~ чув. *čǔrǔš* тж.;
rólž [rólжБ] ‘помощь’ ~ чув. *polǔš* тж.;
sívl'íž [сывлижБ] ‘дух’, *sívl'íž* [сýвлижБ-] ‘воздух’ ~ чув. *sívlǔš* ‘дух, воздух’.

В первых трех случаях отражение звонкого может быть объяснено тем, что данные основы редко употребляются изолированно по сравнению с формами, снабженными аффиксом принадлежности, который вызывает озвончение последнего согласного основы. В примерах [χужБ-хúжБ] и [лэжБ] выписывание [ж] обусловлено тем, что здесь отражены субстантивированные формы *χǔžə* и *ležə*; ср. также [чиржБ], где отражен диалектный вариант с метатезой *čǔrǔž*. В случае [rólжБ], возможно, произошло смешение с омонимичным глаголом *polǔš-* ‘помогать’, который в орфографии памятника должен был бы отражаться именно со звонким на конце основы. Выписывание [ж] при отражении чув. *sívlǔš* неясно, здесь нельзя исключать действие аналогии.

1.1.6.4. Согласный *ž*- содержится в показателе причинно-целевого падежа *-šǔn / -šǔn*, который в данном памятнике генерализован в варианте [-жинБ].

1.1.7. *š*

1.1.7.1. Палатальный фрикативный *š*- в анлаутной позиции ожидаемо отражается как [c'-], т. е. его мягкость передается по правилам русской орфографии — за счет йотации последующего гласного. Ср.:

s'ávrtà sup. [с'яврмà] ‘обратиться’ ~ чув. *šavǔr-* тж.;
s'írlája dat./acc. [сирлájя] ‘ягода’ ~ чув. *širla* тж.;

s'üm'er'zè- ^{conv.} [сюмерьзэ-] 'ломать' ~ чув. *šätär-* тж.;
s'ïlim'ra ^{loc.} [сïлымЪра] 'пламя' ~ чув. *šol'm* тж. и др.

1.1.7.2. В интервокальной позиции полузвонкий *-z-* передается при помощи [з'-]:

hoz'in'e ^{3sg. dat./acc.} [хозине] 'хозяин' ~ чув. *hoza* тж.;
tärz'a zam' ^{pl.} [тärзя замЪ] 'слуга' ~ чув. *tarzъ* тж. и др.

Геминаты отражаются достаточно разнообразно. Примеры на ожидаемую запись при помощи [-cc'-]:
v'iss'e [ви́ссе] 'три' ~ чув. *viššä* тж. с производными,
 а также многочисленные глагольные формы на *-aššä* ^{pres. 3pl.} с регулярной записью через *-ass'e* [-acce].

Варианты [-zc'-] ~ [-zbc'-] отмечаются на морфемной границе при записи послелога *chišš-ən* ^{adv.} 'послед': *chiz()'s'in'* [хи́з(б)синЪ]. Ср. пункт 1.1.5.2, где приводятся случаи отражения геминаты *-ss-* с помощью [-zc-] в аналогичной позиции.

Запись [-сьс'-] при отражении глагола *poš-šap-* 'кланяться' обусловлена морфологическим принципом: поскольку записывающий сознавал составной характер этого слова (*poš* 'голова' + *šap-* 'бить'), то и отражается не цельная гемината, а каждый из *š* по отдельности.

Отдельный интерес представляет позиция ожидаемого *-z-* после *-n-*. В реконструируемом говоре-источнике памятника действует особое правило, согласно которому пратюркское сочетание **nc'* переходит в *-nz-*, в то время как в литературном чувашском и в большинстве прочих говоров данное сочетание упрощается в *-z-*. Ср.:

t'em'inzè [теминзэ] 'сколько-то' ~ чув. *temize* тж.;
hozè [хонзэ] 'когда' ~ чув. *χōzan* тж.

Ср. также развитие пратюркского сочетания **nc'*, также развивающегося в *-nz-* в говоре памятника, но дающего *-nz-* в других говорах: *inzè* [инзэ] 'далеко' ~ чув. *inze* тж.

В сочетаниях с другими шумными согласными внутри основы *-š-* в тексте памятника не обнаружен.

1.1.7.3. В исходе глагольной основы *-š* передается при помощи [-зъ], ср.:

s'ïdraz' [сïдразъ] 'мириться' ~ чув. *šoraš-* тж.;
an' s'ib'iz' ^{proh.} [анЪ сибизъ] 'пристать' ~ чув. *šibъš-* тж.

В формах с аффиксацией, однако, наряду с [зъ] появляется [сь]:

jatlaz'sà ^{conv.} [ятлазъсà] при *jatlas'nì* ^{prf.-part. nom.} [ятласъньи] 'браниться' ~ чув. *jatlaš-sa, jatlaš-ni* тж.;
oz'má ^{sup.} [озьмá], *oz'sà* ^{conv.} [озьсà] 'открывать' ~ чув. *oš-ma, oš-sa* тж.;
kalaz'mállix' ^{part.} [калазъмáллыxЪ] наряду с *kalašnizan'e* ^{prf.-part. nom. pl.-dat./acc.} [каласъньизане] 'разговаривать' ~ чув. *kalaš-malъx, kalaš-nizene* тж.;
kaz'mállix' ^{part.} [казъмáллыxЪ] наряду с *kas'mállix'* ^{part.} [касъмáллыxЪ] 'быть прощенным' ~ чув. *kaš-malъx* тж.;
vurz'ni-ran' ^{prf.-part. nom. abl.} [вурзьньи-ранЪ] 'ругаться' ~ чув. *v̆r̆š-nъ-ran* тж.;
iz'm'ell'i ^{debt. nom.} [изъмелли] наряду с *is'm'è* ^{sup.} [исъмè] 'пить' ~ чув. *aš-melli, aš-me* тж.;
s'ib'iz'na ^{prf.-part.} [сибизъна] 'пристать' ~ чув. *šibъš-nъ* тж. и др.

В исходе именных основ наблюдается колебание между [сь] и [зъ]:

s'üz' [сюзь] 'волосы' ~ чув. *šiiš* тж.;
v'is' [висъ] 'конец' ~ чув. *vəš* тж.;
kas' [касъ] наряду с *kaz'* [казъ] 'вечер, ночь' ~ чув. *kaš* тж.;
koz' [козь] 'глаза' ~ чув. *koš* тж.;
pos'- [пось-] наряду с *roz'ran'* ^{abl.} [розъ ранЪ] 'голова' ~ чув. *poš* тж.;
-s'im'is' [-сймисъ] 'еда' ~ чув. *šiməš* 'плод';
bórniz' [бóрнызь] 'жизнь' ~ чув. *porпъš* тж.;
χ'is' [хисъ] 'меч' ~ чув. *χəš* тж.;
iz' [изъ] 'труд, дело' ~ чув. *aš* тж. и др.

Причины такой двоякой передачи не вполне ясны. В принципе допустимо объяснение в рамках исторической фонетики, согласно которому вариант [-зъ] появляется на месте чув. *-š < ПТю *č'*, в то время как [-сь] ~ *-š* — из пратюркских сочетаний типа **č'*, **č's*. Ср. наблюдающееся в Словаре Палласа различие: [-сь] на месте ПТю **č'*, но [-сЪ] ~ *-š* из сочетаний [Савельев 2014: 76]. В «Дне святой жизни...» есть исключения из данного распределения: например, при отражении *šiməš* 'плод' ожидалась бы запись

через [-зь], поскольку в праторкском здесь имеет место сочетание *lč. Можно предположить, что историко-фонетическое распределение, действующее у Палласа и в «Дне святой жизни...», во втором случае вступило в конфликт с принятой орфографией (а именно с тенденцией к отражению глухого исхода в именных основах), результатом чего и стала некоторая непоследовательность.

1.1.7.4. Для позиции начала слога в составе словоизменительного аффикса *ɣ*- не характерен. В исходе аффиксов регулярен [-сь], ср. отражение показателя будущего и прошедших времен 3-го лица множественного числа -*əɣ*: [-есь] ~ [-ись].

1.1.8. ĉ

1.1.8.1. В анлаутной позиции ĉ- ожидаемо передается при помощи [ч-]:

čír' d'en' ^{abl.} [чирь день] 'болезнь' ~ чув. *čir* тж.;

čónn'e ^{3sg. dat./acc.} [чóнне] 'душа' ~ чув. *čon* тж.;

čarmà ^{sup.} [чармà] 'прекращать' ~ чув. *čar-* тж. и др.

1.1.8.2. В интервокальной позиции палатальная аффриката записывается как [-ч-]. Ср.:

ačám' ^{1sg.} [ачámБ] 'ребенок' ~ чув. *ažam* тж.;

jáče ^{3sg.} [яче] 'имя' ~ чув. *jažə* тж.;

šán'čikn'e ^{3sg. dat./acc.} [шáньчикне] 'надежда' ~ чув. *šanžьkne* тж.;

k'il'in'čen' ^{3sg. abl.} [кíлинчень] 'дом' ~ чув. *kilənžəp* тж. и др.

В целом в старописьменных памятниках чувашского языка русская буква [-ч-] используется для передачи как чувашской аффрикаты ĉ, так и ее полувзвонкого варианта -č̣-. В случае с «Днем святой жизни...» вероятны оба варианта. Если за [-ч-] кроется полувзвонкая аффриката, то это общечувашская ситуация (см. примеры выше). Однако нельзя исключать и того, что [-ч-] отражает интервокальный глухой (!) ĉ. Такая ситуация известна для малокарачинского наречия: ср. транскрипцию *ача* 'ребенок' с соответствующей географической пометой в [СЧЯ II: 156], где [ч] — именно глухая аффриката, а для полувзвонкого варианта в транскрипциях используются специфические значки.

Ожидаемая гемината -čč- регулярно передается при помощи одинарного [-ч-]:

p'ičen'z'i ^{adv.} [пиченьзи] 'одинокий' ~ чув. *pəččənzi* тж.;

b'ičiža ^{3sg. dat./acc.} [бичижа] 'брат' ~ чув. *piččəž-* тж. и др.

Одинарный [-ч-] регулярен при записи аффикса -ččə (-če [-че], употребляется при образовании сложных времен и наклонений), показателя 3-го лица множественного числа императива -ččər (-čir' [-чирБ]) и показателя формы предельности на -ččən (-čən' [-чень]). Однако в глагольных формах на -iččən (например, *vil-iččən* 'прежде чем умереть') последний сегмент записывается как [-дъчень]. По-видимому, дело в ложном морфологическом членении: записывающий счел, что данная форма образована путем сложения формы *vilet* ^{pres. 3sg.} '(он) умирает', которая по правилам памятника отражалась бы с исходом на [-едь], и упомянутого -ččən. На самом деле ее следует раскладывать следующим образом: *vil-* 'умирать' + показатель возможности -i- + показатель предельного квазипадежа -ččən тж.

В консонантных сочетаниях внутри основы -č- не отмечен.

1.1.8.3. В позиции начала или конца аффикса, кроме рассмотренных выше случаев с геминатой, -č- не отмечен.

1.1.9. Сонанты

Отражение сонантов в рассматриваемом памятнике вполне тривиально. Палатальный *j*- передается при помощи йотированных гласных в начале слога и как [й] в конечнослоговой позиции; согласные *v*, *r*, *l*, *n*, *m* отражаются при помощи [e], [p], [l], [n] и [m] соответственно.

Отдельного рассмотрения заслуживают некоторые фонетические процессы, которые нашли отражение в орфографии памятника. Прежде всего это отмечаемое в некоторых случаях стяжение сочетаний с йотом: *soll'ä-* [соля-] 'выбирать' ~ чув. *sojla-* тж. Ср. также формы с развитием сочетания *-*jr-*:

kajr'án' [кайрянБ] 'потом' ~ чув. *kajran* тж.;

sajr'ä [сайря] 'редкий' ~ чув. *sajra* тж. и др.

В современных верховых говорах чувашского языка хорошо известно стяжение -*jr-* > -*r-*; в памятнике же, судя по этим записям, зафиксирована промежуточная стадия этого развития в виде -*jr'*-.

Кроме того, в говоре-источнике наблюдается широко распространенное по чувашским говорам развитие $-vl- > -(l)l-$, ср. примеры:

jōrállin'e nom. dat./acc. [jōrállыне] ‘пригодный’ ~ чув. *joravlʔ* тж.;
talášni prf.-part. nom. [талáшны] ‘ссориться’ ~ чув. *tavlaš-* тж.

В целом отражение консонантизма в «Дне святой жизни...» представляет собой достаточно сложную картину. Особенно труден для разбора шумный консонантизм. Фонотактические распределения, известные по современному чувашскому языку, выдерживаются здесь лишь отчасти. На них накладываются явления историко-фонетического порядка, а также морфологический принцип, то есть тенденция к унифицированному написанию морфем независимо от других факторов.

В *Таблице 2* подсчитаны звонкие и глухие отражения шумных согласных в ауслатной позиции (как наиболее сложной для анализа). Сначала указывается число отмеченных словоформ с соответствующей реализацией, далее через косую черту приводится количество лексем, на которые приходятся эти словоформы.

Таблица 2

	б	п
глаголы	6 / 3	0 / 0
имена	6 / 5	5 / 4
	д	т
глаголы	21 / 16	0 / 0
имена	21 / 16	28 / 18
	гг	к
глаголы	0 / 0	0 / 0
имена	2 / 2	46 / 32
	з	с
глаголы	0 / 0	0 / 0
имена	3 / 3	23 / 14
	з'	с = с'
глаголы	2 / 2	0 / 0
имена	13 / 11	10 / 7
	ж	ш
глаголы	0 / 0	0 / 0
имена	30 / 15	5 / 2
	ч	х
глаголы	10 / 4	1 / 1
имена	20 / 14	24 / 16

Данная таблица наглядно демонстрирует, что отражение звонкого или глухого в исходе основы зависит от ее частеречной принадлежности. Чистых глагольных основ в памятнике мало, но среди имеющихся практически регулярны звонкие ауслаты. На конце именных основ, напротив, для 4 из 7 фонем преобладают — иногда в очень большой степени — глухие ауслаты; в двух случаях звонкие и глухие отражения сопоставимы. Только в одном случае, при отражении *ш*, звонких отражений значительно больше, чем глухих, но см. об этом пункт 1.1.6.3.

1.2. Вокализм

Гласные полного образования

1.2.1. -а-

1.2.1.1. Чувашский гласный *-а-* в большинстве случаев ожидаемо и регулярно отражается при помощи [a], ср.:

aptramázir' sup. car. [аптрамáзырʔ] ‘тушеваться’ ~ чув. *ap(ʔ)ramazʔr* тж.;
astù [асту] ‘помнить’ ~ чув. *astu* тж.;
onaškál' [онашкáлʔ] ‘такой’ ~ чув. *onaškal* тж.;

χoráv [χорáвБ] ‘ответ’ ~ чув. *χorav* тж.;
čorà [чорà] ‘раб’ ~ чув. *čora* тж.;
jolà [юлà] ‘обычай’ ~ чув. *jõla* тж. и др.

1.2.1.2. В положении после палатальных согласных *j*- и *ʒ*- (*z*-) по правилам русской орфографии *-a* записывается через [-я-]:

jäbalin'e ^{3sg. dat./acc.} [ябалы́не] ‘вещь’ ~ чув. *jabala* тж.;
tojändarmä ^{sup.} [тояндармá] ‘снабдить’ ~ чув. *tojandar-* тж.;
kajà ^{dat./acc.} [кая] ‘назад’ ~ чув. *kaja* тж.;
s'ävnbalà ^{instr.} [саявнбалà] ‘поэтому’ ~ чув. *šavñbala* тж.;
kaz'árčir ^{imp.-3pl.} [казя́рчирБ] ‘простить’ ~ чув. *kazar-* тж.;
bórniz'ä ^{dat./acc.} [бóрнызя] ‘жизнь’ ~ чув. *por(ь)ньза* тж. и др.

Аналогичное отражение *-a* в этой позиции характерно, по-видимому, для всех кириллических памятников чувашского языка старописьменной эпохи — по крайней мере, неизвестны памятники, где использовался бы иной орфографический прием. При этом в позиции после *č*-, также по правилам русской орфографии, в рассматриваемом источнике записывается [-a-] вместо [-я-]:

čartä ^{sup.} [чармá] ‘прекращать’ ~ чув. *čar-* тж.;
an'čáχ [аньчáхБ] ‘только; но, однако’ ~ чув. *anžax* тж. и др.

1.2.2. -e-

1.2.2.1. В абсолютном начале слова ожидаемый *e*- регулярно передается через [э-], ср.:

eb' [эбь], *eb'* [эбБ] ‘я’, *éb'er* ^{pl.} [эберБ] ‘мы’ ~ чув. *ebə, ebər* (верх. *ebər*) тж.;
ez' [эзБ] ‘ты’, *ézir* ^{pl.} [эзырБ] ‘вы’ ~ чув. *eza, ezir* (верх. *ezər*) тж.;
ed'ém [эдэмБ], *ed'émín* ^{gen.} [эдэмынБ], *ed'ém'ä* ^{dat./acc.} [эдэмя] ‘человек’ ~ чув. *edem* тж.;
el'ék [элэкБ] ‘клевета, навет’ ~ чув. *elek* тж.;
err'in' [эппинь] ‘итак’ ~ чув. *errin* тж.;
er'n'è [эрнэ], *ern'è* [эрнэ] ‘даже если’ ~ чув. *erne* тж.;
eχ [эхБ] ‘эх (межд.)’ ~ чув. *eχ* тж.

Кроме того, при консонантном исходе предыдущей морфемы как анлаутный записывается *-e-* в составе усилительной частицы *-eχ*:

us' in'čen'-èχ ^{3sg. abl. emph.} [усБ иньчень-эхБ] ‘ум’ ~ чув. *ǔzanžen-eχ* тж.;
s'ir'd'én'-eχ ^{abl. emph.} [сирьдэнь-эхБ] ‘земля’ ~ чув. *sərden-eχ* тж. и др.

Имеет смысл проследить историю отражения анлаутного *e*- в чувашских старописьменных памятниках. Так, в «Сочинениях, принадлежащих к грамматике чувашского языка» [Сочинения 1769] в этой функции регулярно используется [a-]. В Словаре Палласа [СС 1787, 1789] отмечается колебание [a-] и [э-], но первый вариант доминирует. Для «Краткого катехизиса» [Катехизис 1788], по предварительным выкладкам, регулярен [a-]. В «Начертании...» [Вишневский 1836] наблюдается интересное распределение, согласно которому в личных местоимениях 1-го и 2-го лица выписывается [a-], в то время как в заимствованиях регулярен [э-]. Чувашский перевод «Дня святой жизни...» с его регулярным [э-], таким образом, противопоставлен в данном отношении более ранним памятникам. Как известно, этот же способ отражения начального *e*- использовался также в орфографии И. Я. Яковлева и дошел в итоге до наших дней.

В связи со сказанным встает вопрос: является ли широкое использование [a-] на месте *e*- в более ранних памятниках отражением значимой фонетики, или же это только орфографический прием, обусловленный тем, что буква [э-] в тот период еще не была до конца освоена? С одной стороны, *e*- в чувашском имеет более открытую артикуляцию по сравнению с его русским эквивалентом, и особенно сильно это проявляется именно в анлауте [Сергеев 1992: 58—59]. Но, с другой стороны, нельзя не принимать во внимание фактор необычности [э-] (в русский алфавит эта буква введена только в 1708 г.) и неустойчивости ее значения: к примеру, в Словаре Палласа, согласно предписаниям редактора, данную букву следует читать как *-ö-*, хотя в чувашских записях она фактически используется в значении *e-*, см. [Савельев 2014: 121]. Для решения данного вопроса особое значение имеют показания латинографических памятников чувашского языка, не разделяющих орфографических трудностей кириллицы. Так, регулярная передача анлаутного *e*- через [a-] в Словаре Миллера (1740-е гг.), где чувашский материал записан на основе немецкой орфографии, может указывать на то, что в XVIII в. этот чувашский гласный действительно имел более открытый характер ("ä-), но к XIX в. произошло его сужение ("e-).

В «Дне святой жизни...», на первый взгляд, неожиданно выписывание [a-] в слове *amál'* [амáлЬ], *amála* dat./acc. [амáла], *amál'zam'* pl. [амáлЬзамЬ] 'средство' ~ чув. *emel* 'лекарство, снадобье'. Однако нет необходимости предполагать здесь уникальное отражение *e-* через [a-], поскольку в верховых говорах данная основа бытует как раз в заднерядном варианте *amal* ~ *amał*.

Среди отражений местоимения *ezir*, верх. *ezər* 'мы' — наряду с очень частотными формами типа *ézir'* [эзырЬ] — есть единожды употребленное *ser'* [сэрь]. Эта запись передает форму северо-западного (малокарачинского) наречия чувашского языка типа *ser*, т. е. без действительного *e-*. Об уникальном отражении в этом слове ПТю *ε см. отдельно в пункте 1.2.6.2.

1.2.2.2. При отражении неанлаутного *-e-* для старописьменных памятников характерны конкурирующие [e] ~ [я] с несколько различными закономерностями распределения. В «Сочинениях...» в инлауте чаще используется [e], реже — [я], а в абсолютном конце слова — только [я]. В Словаре Палласа наблюдается интересная система, в рамках которой внутри словоизменительной основы регулярен [e], в ауслауте — [я]; внутри флексий эти варианты распределены, по-видимому, диалектально. Предварительно можно сказать, что и другим кириллическим памятникам XVIII — начала XIX в. свойственно отражать через [e] инлаутный *-e-* и через [я] — ауслаутный.

Иная ситуация — в чувашском переводе «Дня святой жизни...». Буква [я] на месте ожидаемого *-e-* здесь тоже встречается, но таких форм в расписанной части памятника менее 50-ти при общем количестве уникальных форм с неначальным *-e-* примерно в 1300. Таким образом, орфография памятника приближается к яковлевской и современной, где [e] в данном фонетическом значении регулярен. Строгого распределения между [я] и [e] нет: почти все контексты с [я] имеют дублетные отражения с [e]. Случаи, где выписывается [я], можно сгруппировать следующим образом.

1) На конце основы, в т. ч. перед аффиксами, в словах *čir'à* [чиря] 'сердце' ~ чув. *čəre* тж., *čil'y'à-* [чильгя-] 'язык' ~ чув. *čəlye* тж. При этом оба слова имеют и графические варианты с [e], употребляемые в тех же контекстах: *čir'é* [чирэ], *čil'y'è-* [чильгэ-]. Любопытно, что открытый гласный *-e-*, который, по-видимому, скрывается за [я], фактически приводит к ломке сингармонизма, требуя после себя аффиксов в заднерядном варианте, ср. *čir'én'e* [чирэне] ~ *čir'ána* [чиряна] при чув. *čəre-ne* dat./acc. 'сердце', *čir'èren'* [чирэрень] ~ *čir'aran'* [чиряранЬ] при чув. *čəre-ren* abl. тж.

Едва ли сюда относятся случаи *barn'à* [барня] 'подарок' ~ чув. *parŋe* тж., *s'amz'à* [смязя] 'мягкий' ~ чув. *šetze* тж., *sojáz'e* [соязе] 'лжец' ~ чув. *sojeş* (< *soja* 'ложь' + аффикс имени деятеля *-zə*) тж., поскольку для верховых говоров обычны более архаичные заднерядные варианты *barŋa*, *šamza*, *sojaş*.

2) Внутри словообразовательных аффиксов: частотная основа *k'il'án-* med. [килян-] 'наслаждаться' ~ чув. *kil-en-* тж., где выписывание [я] регулярно, а также *s'ir'ipl'án-* dnv. [сириплян-] 'укрепляться' ~ чув. *širəp-len-* тж. и *v'iz'är'-* caus. [визарь-] 'отцеплять' ~ чув. *vəz-er-* тж. Однако последние аффиксы гораздо чаще встречаются в варианте с [-e-], т. е. [-лен(ь)-] и [-ер(ь)-] соответственно.

3) В части отражений переднерядных показателей датива-аккузатива *-(j)e* и *-ne*. При этом отождествление [я] с аффиксом *-(j)e* во многих случаях ненадежно. Например, регулярная запись *ad'ijä* dat./acc. [адия] 'отец' может отражать не только вариант типа *"ad'ije* (**adaj* > *"adi* с обычным для верховых говоров стяжением + *"-je* dat./acc.), но и более архаичное *"ad'ija*, где стяжение не привело к ломке сингармонизма. Ср. также запись *čil'y'ájä* dat./acc. [чильгяя] 'язык' ~ чув. *čəlyeje* тж. Как показано выше, восстанавливаемый для говора-источника памятника гласный типа "e, передаваемый при помощи [я], автоматически требует после себя заднерядных аффиксов. Поэтому в данном случае нужно восстанавливать фонетический прототип *"čəl'y'èja*, а не *"čəl'y'èje*.

Строго говоря, гласный типа "e может быть отражен также в записях *b'ičiža* 3sg. dat./acc. [бичижа] 'брат' ~ чув. *piččəže* тж. и *ir'ika* dat./acc. [ирика] 'воля' ~ чув. *irəge* тж. Данные записи могут передавать формы типа *"b'ičəže*, *"ir'ək'e*. Использование ожидаемого при их передаче [я] привело бы к появлению невозможных для русской орфографии сочетаний, соответственно *[жя] и *[кя], поэтому записывающий выбрал вариант с [жа] и [ка].

Аффикс *-ne*, синтетически выражающий граммы 3sg. и dat./acc., при присоединении непосредственно к основе записывается как [-ня] единственный раз: *kardášn'ä* 3sg. dat./acc. [кардашня] 'сад' ~ чув. *kardaš* 'двор'. После других морфем регулярен [-ne], за исключением посессивного склонения причастий настоящего времени на *-agan*, где последовательность флексий почти всегда записывается в виде [-агáння] ~ чув. *-aganne*. Также [-ня] довольно обычен после номинализатора *-i*, но в этом случае не менее употребителен и вариант [-не].

Колебание [e] и [я] в аффиксе датива-аккузатива в принципе могло бы указывать на старое различие дательного и винительного падежей; по крайней мере, в обследованных памятниках XVIII в. («Сочинениях...» и Словаре Палласа) обнаруживаются следы такового, хотя и очень ненадежные ввиду скудости

материала. Чувашский перевод «Дня святой жизни...» мог бы предоставить доказательства в пользу того, что вариативность действительно связана с указанным различием, поскольку формы в косвенных падежах здесь многочисленны и даны в контекстах, позволяющих вполне точно определить значение того или иного аффикса. Однако подробный анализ контекстов такое предположение не подтверждает.

Единичные появления [я] отмечаются и в других аффиксах с ожидаемым *-e-*, ср. *iz'ás'* inf. [из'я́сЪ] 'пить' ~ чув. *əz-es* тж., *m'in'äškáln'e* adv. 3sg. dat./acc. [миняшкálnе] 'подобный' ~ чув. *mən-eškel-ne, k'il'át'če* pret.-mult. 3sg. [килятьче] 'хотеться' ~ чув. *kil-etčə* тж.

Таким образом, условия появления [я], отражающего гласный типа открытого "е", ясны не до конца. По факту только в одном контексте, в составе показателя датива-аккузатива в посессивном склонении причастий настоящего времени, такая запись регулярна; в остальных случаях [я] появляется спорадически при регулярном [е] (а во многих не рассмотренных здесь аффиксах [е] — вообще единственно возможное отражение). При этом, однако, восстанавливаемый "е" явно имеет фонологический статус, поскольку его наличие влечет за собой ломку сингармонизма. Какой-то остаточный отражаемый архаизм?

Во всех остальных контекстах ожидаемый *-e-* регулярно передается через [-e-]. Аналогично, по правилам русской орфографии, отражается сочетание *je-*, ср. *jerđts'è* conv. [epđmčè] 'вести' ~ чув. *jert-* тж., *jepl'è* [енлè] 'как' ~ чув. *jeple* тж. и др. Сугубо консонантным окружением обусловлено распределение [е] и [э] в неанлаутной позиции: [э] регулярно употребляется в контексте после *s-* ~ *z-* (что указывает на хорошо известную «несмягчаемость» этого чувашского сибиланта) и лишь в качестве исключения после других согласных.

1.2.3. -о-, -и-

1.2.3.1. Реализация общечувашского *o (> верх. *-o-*, низ. *-и-*) традиционно считается ключевой характеристикой при отнесении того или иного чувашского говора к числу верховых или низовых. Говор — источник чувашского перевода «Дня святой жизни...» последовательно демонстрирует верховое развитие, ср.:

ozál' [озáль] 'злой' ~ чув. *ozal* тж.;

kon' [конЪ] 'день' ~ чув. *kon* тж.;

móln'e 3sg. dat./acc. [мóльне] 'богатство' ~ чув. *mol* тж.;

potaj [номай] 'много' ~ чув. *potaj* тж. и др.

1.2.3.2. В рассматриваемом памятнике последовательно различаются два звука, в современной орфографии одинаково записываемые через [y]: упомянутый верховой *-o-* из общечувашского *o и напряженный гласный *-и-*, который восходит к старым сочетаниям с глайдами [Мудрак 1993: 27—30; СИГТЯ 2002: 684; СИГТЯ 2006: 160] и является общим для верхового и низового диалектов чувашского языка (таким образом, в низовом диалекте противопоставлены ненапряженный *-и-* из *o и напряженный *-и-* из сочетаний, хотя в действительности картина, по-видимому, несколько сложнее, см. подробнее [Савельев 2013б]). Приходится считать упущением тот факт, что в синхронных описаниях чувашского вокализма это противопоставление отмечается далеко не всегда, хотя оно подтверждается экспедиционными данными и присутствует во всех старописьменных памятниках, причем не только кириллических (например, в Словаре Палласа 1780-х гг., см. [Савельев 2014: 139—141]), но и на основе латинской графики (в Словаре Миллера 1740-х гг.). В чувашском переводе «Дня святой жизни...» отмечены следующие примеры на отражение напряженного *-и-*:

χut' [хутЪ] 'раз' ~ чув. *χut* тж.;

χudà dat./acc. [худà] 'защита, покровительство' ~ чув. *χut* тж. — эти два случая противопоставлены *χot'* [хотЪ] 'бумага' ~ чув. *χot* тж.;

χи [χу] 'ты сам' с многочисленными производными ~ чув. *χи* тж.;

tu [ту] 'делать' с многочисленными производными ~ чув. *tu-* тж.;

tútla comit. [тúтла], *-tutlín'ä* comit. nom. dat./acc. [-тутл'иня] 'сладкий' ~ чув. *tudь* 'вкус' тж. — ср. в качестве минимальной пары *tóda* [тóда] 'сытый' ~ чув. *todь* тж.

Качество гласного первого слога в указанных основах подтверждается, например, отражающими диалектное варьирование формами из «Словаря чувашского языка» Н. И. Ашмарина [СЧЯ] — ни для одной из них в нем не дается вариант с [o]. В связи с этим не вполне ясно отражение как будто напряженного *-и-* в следующих основах, где у Н. И. Ашмарина приводятся верховые варианты с [-o-]:

uχtáχ' [уχмáхЪ], *uχtáχa* dat./acc. [уχмáга] 'глупец, дурак' ~ чув. *oχtáχ* тж.;

muχtanássa inf. dat./acc. [муχтанáсса], *muχtamallì* debt. nom. [муχтамаллы], *muχtadbir'* pres. 1pl. [муχтадбырЪ], *muχtánpčik'* dvn. [муχтáнчикЪ], *muχtánpni ran'* prf-part. abl. [муχтáнны ранЪ], *muχtáss'e* pres. 3pl. [муχтáссе], *an'* *muχtánp'* med. proh. [анЪ муχтáнЪ] 'хвалить' ~ чув. *moχta-* тж.

Можно было бы предположить, что в говоре-источнике данного памятника *-ц-* автоматически замещает *-о-* в позиции перед *-х-*. Однако, во-первых, в памятнике имеется достаточно основ, опровергающих данное распределение: ср. *šox'* [шохЪ] 'самонадеянный' ~ чув. *šoy(ь)* тж., *šógiš'* [шóггышЪ] 'мысль' ~ чув. *šoyuš'* тж., *šoxn'e'* ^{3sg. dat./acc.} [шохнэ] 'когда (отн.)' ~ чув. *šoxne* тж. и др. Во-вторых, обращает на себя внимание отмеченная в памятнике форма *mòx'tir'* ^{imp.-2pl.} [мòхтырЪ] 'хвалите'. Выписывание [о] в этом единственном для указанных основ-исключений случае под ударением наводит на мысль о том, что запись [у] может отражать определенную редукцию гласного первого слога в безударной позиции.

Еще один неясный случай — запись *tur'* [турЪ] 'икона' ~ чув. *torь* 'икона'. Этимологически это та же основа, что и чув. *torь* 'бог' (семантическая деривация, по-видимому, скалькирована из русских говоров). Однако последнее слово регулярно (примерно в 30 различных формах) записывается в памятнике через [о], ср. *tóra* [тóра], а также *tóranan'* ^{abl.} [тóрананЪ], *tóra zir'* ^{car.} [тóра зырЪ] и другие косвенные формы. Возможно, в данном случае речь идет о намеренном «разнесении» значений и о соотношении каждого из них с конкретным графическим обликом, поскольку для создателей было важно не допустить путаницы с такими важными для религиозного памятника понятиями.

1.2.3.3. Представляет интерес отражение в памятнике форм, сводимых к чув. *ko* ~ *ku* 'этот'. По-видимому, в говоре-источнике существовал запрет на ауслатный *-о-*, поэтому в прямой основе и ее производных имел место *-ц-*, отражаемый при помощи [у]: *ku* [кү], *kuzám'* ^{pl.} [кузámЪ], *kuzám'-bala* ^{pl. instr.} [кузámЪ-бала], *kuzan'e'* ^{pl. dat./acc.} [кузанэ]. При этом, поскольку в совпадающей с генитивом косвенной основе гласный оказался в закрытом слоге, то в косвенной основе и ее производных ожидаемо передан *-о-*: *kon'* ^{gen.} [конЪ], *konà* ^{dat./acc.} [конà], *kon'dán'* ^{abl.} [конЪдánЪ].

1.2.3.4. В следующих основах можно предполагать специфическое отражение напряженного чув *-ц-* через сочетание [уэ]:

ruv' [рувь] 'род' ~ чув. *řru* тж.;

tuv'e' ^{pret. 3sg.} [тувэ], *an' tívčir'* ^{proh.-3pl.} [анЪ тувчирЪ] 'делать' ~ чув. *turə*, *an tuččər* от основы *tu-* тж., а также *astív'* [астуэвЪ] 'помнить' ~ композит из чув. *as* 'память' + *tu-* 'делать'.

Как известно, в чувашском языке морфонологически чередуются *-ц-* в закрытых слогах, а также в ауслате, и *-řv-* — в открытых. Однако по говорам (особенно в средненизовой диалектной зоне) наблюдаются процессы выравнивания в пользу *-řv-*, и здесь отмечаются, например, такие формы, как *třv* 'гора' при литер. *tu* тж. В связи с этим выписывание [уэ] на месте ожидаемого *-ц-* в старописьменных памятниках можно интерпретировать двояко: 1) как отражение напряженного *-ц-*, логично воспринятого записывающим как сочетание типа *-u''*; 2) как передачу сочетания *-řv-*, опять же ожидаемую ввиду того, что *-ř-* в орфографии старописьменных памятников стандартно отражается как [у], см. п. 1.2.8.1. Для разрешения этой дилеммы применительно к рассматриваемому памятнику решающим является тот факт, что в нем многие формы с [уэ] имеют дублетные отражения через [у], ср.:

túre ^{pret. 3sg.} [турэ] 'делать' ~ чув. *turə* тж.;

astú [асту], *astù* [асту] 'помнить' ~ чув. *as-tu-* тж.

Факультативное отражение глайдового призвука после *-ц-* представляется предпочтительной интерпретацией в сравнении с сосуществованием в данном говоре *-řv-* и *-ц-*, никак не распределенных по контекстам. Таким образом, предлагается восстанавливать для указанных форм звуковые прототипы вида *"ru^w"* и *"tu^w"*. Подобная рефлексия старых сочетаний с глайдами восстанавливается в части случаев и для других источников XVIII—XIX вв. — ср. показания Словаря Палласа и данные чувашской топонимики [Савельев 2014: 140].

1.2.3.5. Как показано в [Мудрак 1993: 30—31], в части чувашских говоров верхового типа, а именно в курмышском и моргаушском, *-ц-* отмечается не только в исторических сочетаниях с глайдами, но и перед старой аффрикатой *č. В связи с этим для географической локализации говора-источника чувашского перевода «Дня святой жизни...» важен тот факт, что в указанном контексте здесь последовательно отражается *-о-*, ср.:

oz'mà ^{sup.} [озьмà], *oz'sà* ^{conv.} [озьсà], *oz'ăx'* ^{emph.} [озя́хЪ] 'открывать' ~ чув. *oš-*, диал. *uš-* тж.;

pos'-zám' ^{pl.} [пось-зámЪ], *poz' ran'* ^{abl.} [позь ранЪ], *roz'in'* ^{adv.} [рòзинЪ] 'голова' ~ чув. *poš*, диал. *puš* тж.

1.2.3.6. В непервых слогах *-о-* запрещен чувашской фонотактикой и отмечается только в заимствованных из русского языка или через его посредство:

prorók' [прорóкЪ] 'пророк' ~ чув. *prorok* тж.;

apóstol'-zam' ^{pl.} [апóстолЪ-замЪ] 'апостол' ~ чув. *apostol* тж.;

χristos ra loc. [ΧριστοςЪ pa] ‘Христос’ ~ чув. *χristos* тж.;
gospód' [Госпóдь] ‘Господь’ (в современном чувашском языке данное заимствование отсутствует, однако в разговорном регистре встречается адаптированное *vaspudi* ‘батюшки, господа’ < рус. *господи*).

Напряженный *-и-*, передаваемый как [-у-], под указанный запрет не подпадает и часто встречается в непервых слогах, ср.:

barú [бару́], *barù* [бару̀] ‘милостыня’ ~ чув. *paru* тж.;
iōradù [iōрадү], *iōradu* [iōраду] ‘любовь’ ~ чув. *joradu* тж.;
olbúd' ran' abl. [олбүдЪ ранЪ] ‘господин’ ~ чув. *olbut* ‘барин’;
χuruž [хуружЪ] ‘страшный’ ~ чув. *χ̄ruž* тж.

Через [-у-] последовательно отражается и *-и-* в заимствованиях, в том числе хорошо освоенных:

nižà [нужә̀], *nižázam'* pl. [нужә́замЪ], *nižà(-)ran'* abl. [нужә(-)ранЪ] ‘нужда’ ~ чув. *niža* тж.;
sud' [судЪ] ‘суд’ ~ чув. *sud* тж.;
jisús [ИисусЪ], *jisus'* [ИисусЪ] ‘Иисус’, *jisús'e* [Иисусе] ‘Иисусе’.

1.2.3.7. Старописьменные памятники чувашского языка, основанные на кириллической графике, по-разному решают проблему передачи *-о-* и *-и-* в контексте после палатальных *š-* и *j-*. Так, в «Сочинениях...» [Сочинения 1769] сочетания *šo-* и *jo-* отражаются, соответственно, при помощи графем [с̄бо] и [īо], а *-и-* после палатальных ожидаемо передается через [ю] [Мудрак 2011: III]. Для Словаря Палласа [СС 1787, 1789] после распознавания многочисленных ошибок при простановке диакритики стало возможным восстановить систему, в соответствии с которой *-о-* после палатальных записывается как [ю], а *-и-* и низовой *-и-* — как [jó] [Савельев 2014: 136—139]. Что касается орфографических средств чувашского перевода «Дня святой жизни...», то они идентичны и, возможно, заимствованы из «Начертания...» [Вишневицкий 1836]. В обоих источниках сочетания *šo-* и *jo-* передаются сочетаниями [с̄īo] и [īo] соответственно, а для отражения *-и-* после палатальных используется [ю].

Ср. отражение *-о-* после палатальных в переводе «Дня святой жизни...»:

s'ioḱ [с̄īoḱЪ], *s'ioḱ ba* instr. [с̄īoḱЪ ба] ‘отсутствующий’ ~ чув. *šok* тж.;
s'iol' [с̄īolЪ] ‘путь’ ~ чув. *šol* тж.;
s'ionmà sup. [с̄īonmà] ‘гореть’ ~ чув. *šon-* тж.;
iōrád' [iōра́дЪ] ‘любить’ ~ чув. *jorat-* тж.;
iōlás' inf. [iōlácЪ], *iōlmà* sup. [iōlmà] ‘остаться’ ~ чув. *jol-* тж.;
iōzamáškin' sup. [iōзамáшкынЪ], *iōzamalli* debt. nom. [iōзамалли] ‘исправлять’ ~ чув. *joza-* тж. и др.

Отражение *-и-* после палатальных:

s'ü [с̄ю] ‘мыть’ ~ чув. *šü-* тж.;
s'ü [с̄ю], *s'ülla* comit. [с̄ю́лла] ‘масло’ ~ чув. *šü* тж.;
s'üdti 3sg. [с̄юдты̀], *s'üdilla* comit. [с̄юдылла] ‘свет’ ~ чув. *šudъ* тж.;
χijülla comit. [х̄ю́лла] ‘смелость’ ~ чув. *χ̄ju* тж. и др.

Указанные орфографические приемы не распространяются на позицию после *č-*: его палатальный характер не влияет на отражение последующего *-о-*, и тот ожидаемо записывается через [o]. Ср.:

čon' [чонЪ] ‘душа’ ~ чув. *čon* тж.;
čoxlás' inf. [чохлácЪ], *čoxlazà* conv. [чохлазà] ‘чувствовать’ ~ чув. *čoxla-* ‘понимать’;
čorà [чорà], *čorázam'* pl. [чорáзамЪ] ‘раб’ ~ чув. *čora* тж. и др.

Примеров на контекст *čü-* в памятнике нет.

1.2.3.8. В одной основе на месте ожидаемого *-и-* второго слога записывается [ю]: *idü* [идю̀], *idü zan'e* pl.-dat./acc. [идю́ зане] ‘вопрос’ ~ чув. *ijdu* тж. На самом деле, [ю] ожидаемо передает здесь *-ü-* непервого слога (см. п. 1.2.4), поскольку в записи, видимо, отражена диалектная форма типа *"id'ü*. Ср. фиксацию у Н. И. Ашмарина эквивалентной формы *итү* с красночетайской и курмышской атрибуцией, а также варианта производящей основы *ит-* ‘спрашивать’ (~ литер. *ijt-*), зафиксированного в курмышском и сундырском говорах верхового диалекта [СЧЯ III: 154]. Переход основы в передний ряд произошел здесь под воздействием сочетания с йотом.

1.2.4. -й-

Гласный *-й-* регулярно передается в памятнике при помощи [ю]. Интересно, что такой способ отражения обычен и в анлауте, в то время как в более ранних памятниках в этой позиции чаще используется

[y-] — по-видимому, чтобы избежать неоднозначности в результате интерпретации начального [ю-] как *ju-*. Ср. примеры из «Дня святой жизни...»:

üt' [ютъ], *üt'è* dat./acc. [ютè], *üt'in'* gen. [ютинЪ] 'тело' ~ чув. *üt* тж.;
üpk'ed'ëss'e pres. 3pl. [юпкедэссе], *üpk'edr'is'* pret. 3pl. [юпкедрисъ] 'обижать' ~ чув. незафиксированное **upke-t-* при *üpkel-* тж.;
üger'er'zè conv. [юггерьзэ] 'спускать' ~ чув. *üger-* тж.

Только в одной основе, отражающей чув. *ügan-* 'каяться', начальный *ü-* передается через диграф [iŷ-], ср. *iŷgen'ës'* inf. [iŷгенэсЪ] и другие формы. По-видимому, это колебание не отражает фонетических различий, а [ю] и [iŷ] в орфографии данного памятника следует рассматривать как эквивалентные способы отражения *ü*.

Ср. примеры на *-ü-* в позиции после согласного:

s'ür'ës' inf. [сюрэсЪ], *s'ür'éna* prf-part. [сюрэна] 'ходить' ~ чув. *šüre-* тж.;
s'üz' [сюзь] 'волосы' ~ чув. *šüš* тж.;
p'ül'üks' [пюлюксъ] 'ангел-хранитель' ~ чув. *püləxşə* 'дух-покровитель';
χ'ib'er'd'ü [хиберьдö], *χ'ib'er'd'ü ba* instr. [хиберьдö ба] 'радость' ~ чув. *χəbərđü* тж.;
čirg'ü [чиргö], *čirg'ün'* gen. [чиргюнь] 'церковь' ~ чув. *čirgü* тж.

Отражение через [ю] употребительно во всех случаях, кроме позиции после *š-* ~ *-ž-*. Поскольку последовательности **[шю]*, **[жю]* запрещены в русской орфографии, то вместо них используются [шу] и [жу], ср.:

šüšm'én' [шушмэнь], *šüšm'én' ra* loc. [шушмэнь ра] 'мгновение' ~ чув. диал. *šüšmen* тж.;
k'il'žulla [кильжүлла] 'приличный, пригодный' ~ чув. *kiləžüllə* тж.

1.2.5. -i-

Способы отражения гласного *-i-* в памятнике зависят от того, находится ли он в анлауте или прикрытом слоге, а также от консонантного окружения.

1.2.5.1. В абсолютном начале слова *i-* передается двояко: через [ы-] (с факультативной диакритикой) и через [и-]. Такое колебание свойственно и для других старописьменных памятников чувашского языка, например, Словаря Палласа. Оно обусловлено, во-первых, запретом на начальный [ы-] в русском языке, орфография которого послужила основой для орфографии памятника, а во-вторых, упрежденным характером чувашского *i-* по сравнению с его русским эквивалентом.

Ср. примеры на отражение анлаутного *i-* через [и-]:

ira [ира], *irri* 3sg. [ирри] 'добрый' ~ чув. *irъ* тж.;
itti 3sg. [итти] 'другой', *itlä* adv. [итлә], *itläši* dan. [итлашй] 'слишком' ~ чув. *itti*, *itla*, *itläši* тж.

Некоторые случаи отражения анлаутного *i-* при помощи [ы-]:

ilganagán'-zan'è pres.-part. pl.-dat./acc. [ылганаганЪ-занэ] 'проклинать' ~ чув. *ilyan-* тж.;
irrin'e nom. dat./acc. [ирринэ] 'добро' ~ чув. *irъ* тж.;
irliŷ' zam' žin' pl. caus./fin. [ырлыгЪ замЪ жинЪ] 'благо' ~ чув. *irлъ* тж.

В части случаев в данной позиции выписывается [ы́-], что остаточно отражает восприятие этой буквы как диграфа, ср.:

ivilin' gen. [ы́вылынЪ], *ivil'e* 3sg. [ы́выле] 'сын' ~ чув. *ivъl* тж.;
iŷ' ran' abl. [ы́ихЪ ранЪ], *iŷ' zir'* car. [ы́ихЪ зырЪ] 'сон' ~ чув. *iŷъ*, *iŷъх* тж.;
irliŷ' [ырлыгЪ] 'благо' ~ чув. *irлъх* тж.

По-видимому, к [ы́-] следует приравнивать сочетание [ы́и-] в тех случаях, когда оно появляется на месте ожидаемого анлаутного *i-*, ср.:

ivil' [ы́ивылЪ], *ivil'e* 3sg. [ы́ивыле] 'сын' ~ чув. *ivъl* тж.;
irrin'ä 3sg. dat./acc. [ы́ирриня] 'добрый' ~ чув. *irъ* тж.;
irliŷin' gen. [ы́рлыхынЪ], *irliŷa* dat./acc. [ы́рлыга] 'благо' ~ чув. *irлъх* тж.

Использование [ы́и-] в данных записях можно было бы считать ошибочным, однако, во-первых, для этого памятника в целом описки и опечатки крайне не характерны, а во-вторых, обращает на себя внимание тот факт, что графическое оформление [ы́-] и [ы́и-] почти эквивалентно (*ь + i = ы́и*, *ь + u = ы́и*). Таким образом, этот диграф, возможно, нужно рассматривать как вариант [ы́], ср., однако, иное его значение в п. 1.2.5.5. По крайней мере, имеющийся материал, в т. ч. присутствие в одних и тех же основах,

не дает оснований полагать, что распределение [ɨ-] и [ɨ̃-] обусловлено контекстом, синхронно или исторически.

1.2.5.2. В прикрытом первом слого в нейтральном консонантном окружении *-i-* регулярно отражается как [ɨ], ср.:

víz'áran' ^{abl.} [вѳ́зьяранЪ] 'голод' ~ чув. *viz̃'ə* тж.;
víl'ix'zam' ^{pl.} [вѳ́лихЪзамЪ], *víl'ix'-zen'* ^{pl.-dat./acc.} [вѳ́лихЪ-зэнь] 'скот' ~ чув. *vil'ix̃* тж.;
vil'ámállixa ^{part. dat./acc.} [вѳ́лямáллыха] 'играть' ~ чув. *vil'a-* тж.;
vírín' [вѳ́рынЪ], *vírína* ^{dat./acc.} [вѳ́рына], *vírinda* ^{loc.} [вѳ́рында] 'место' ~ чув. *vír̃ən* тж.;
vírísarn'i [вѳ́рысарнѳ́], *vírzarn'i* [вѳ́рзарнѳ́] 'воскресенье' ~ чув. *vírzar̃ni(-kon)* тж.;
virdádbir' ^{pres. 1pl.} [вѳ́рдáдбырЪ], *virdát'* ^{pres. 3sg.} [вѳ́рдáть] 'лежать' ~ чув. *virt-* тж.;
pírágán' ^{pres.-part.} [пѳ́рагáнЪ], *pírát'* ^{pres. 3sg.} [пѳ́рáть] 'идти' ~ чув. *pír-* тж.;
pírízik' [пѳ́рызыкЪ] 'большой' ~ чув. *pír̃yk* тж.;
síldim' [сѳ́лдымЪ] 'правый' ~ чув. *sild̃əm* тж.;
síxlamar' zan'è ^{neg. pl.-dat./acc.} [сѳ́хламарЪ занѳ́] ~ чув. *síx̃'ə, síx̃'ə* 'бдительный';
tíd' [тыдЪ], *tídás'* ^{inf.} [тыдáсЪ], *tídtsà* ^{conv.} [тыдтсá] 'держать' ~ чув. *tít-* тж.;
xíz's'in' [хѳ́зысѳ́нЪ] 'после' ~ чув. *xíz̃'s̃ən* тж.;
xíbna ^{prf.-part.} [хѳ́бна], *xíbcsà* ^{conv.} [хѳ́бсá] 'разгораться' ~ чув. *xír-* тж.;
xírím' [хѳ́рымЪ], *xírímín'* ^{gen.} [хѳ́рымынЪ] 'живот' ~ чув. *xír̃əm* тж.;
xída [хѳ́да], *xídírax'* ^{comp.} [хѳ́дырáхЪ] 'твердый; сильный' ~ чув. *xíd̃'ə* тж. и др.

1.2.5.3. После палатального *ɟ-* [c'-] чув. *-i-* ожидаемо передается при помощи [u]. Это исключительно орфографический прием, поскольку сочетание *[сѳы] чуждо русской орфографии. Ср.:

s'ílíy' [сѳ́лыгЪ], *s'ílíya* ^{dat./acc.} [сѳ́лыга], *s'ílíy' ra* ^{loc.} [сѳ́лыгЪ ра] 'грех' ~ чув. *šil'əx̃* тж.;
s'in' [сѳ́нЪ], *s'inín'* ^{gen.} [сѳ́нынЪ], *s'inzám'* ^{pl.} [сѳ́нзámЪ] 'человек' ~ чув. *šín* тж.;
s'ibz'át' ^{pres. 3sg.} [сѳ́бзáть], *s'ib'iz'na* ^{prf.-part.} [сѳ́бизьна], *s'ib'iz'tarmà* ^{caus. sup.} [сѳ́бизьтáрма] 'приставать' ~ чув. *šibz̃'ə-* тж.;
s'írláy' [сѳ́рлáгЪ] 'помиловать' ~ чув. *širlax̃-* тж.;
s'írlì ^{3sg.} [сѳ́рлѳ́] 'ягода' ~ чув. *širla* тж.;
s'írzà ^{conv.} [сѳ́рзá] 'писать' ~ чув. *šír-* тж. и др.

1.2.5.4. В ряде случаев [-u-] на месте ожидаемого *-i-*, по-видимому, не является исключительно орфографическим приемом, а реально передает переднерядный вокализм. Ср.:

šir'ázà ^{conv.} [шѳ́рязá], *šir'ámás'* ^{neg. pres. 3sg.} [шѳ́рямáсѳ́] 'искать' ~ чув. *šira-* тж.;
id'ù [идѳ́], *id'ù zan'e* ^{pl.-dat./acc.} [идѳ́ занѳ́] 'вопрос' ~ чув. *ijdu* тж.;
il'dimla ^{comit.} [ильдымла] 'золото' ~ чув. *ilt̃'ən*, верх. *ild̃'əm* тж.

Во всех этих примерах есть и другие указания на переднерядный вокализм основы: в первых двух случаях — запись гласного второго слога ([я] и [ю] соответственно), а в третьем — отражение мягкого *-l'* [-л̃-] после [u]. В Словаре Н. И. Ашмарина зафиксированы соотносимые с данными записями варианты *шѳре* 'искать', *итѳ* 'вопрос'. Что касается передачи чув. *ilt̃'ən* 'золото', то не вполне понятно отражение как бы заднерядного вокализма во втором и третьем слогах: фонетический прототип восстанавливается в виде *"il'd̃'əm-la*. Возможно, во втором слоге представлен нейтральный редуцированный гласный, требующий после себя заднерядной аффиксации.

1.2.5.5. Интересной особенностью чувашского перевода «Дня святой жизни...» является использование диграфа [ɨ̃-] для обозначения анлаутных сочетаний типа «йот + узкий неогубленный гласный». Речь идет о сочетании *ji-* (но не *ji-*, которое запрещено чувашской фонотактикой), а также *j̃-* и *j̃ə-*, где редуцированные, находясь в позиции первого слога, представлены закрытыми аллофонами, см. подробнее пп. 1.2.7.2 и 1.2.9.1. Как и некоторые другие орфограммы, этот прием видится заимствованным из «Начертания...» [Вишневский 1836], либо же оба этих памятника ориентировались на третий — более ранний и еще не обследованный.

Примеры на использование [ɨ̃-] в значении *ji-* (не следует путать с [ɨ̃-], обозначающим анлаутный *i-*, см. п. 1.2.3.1):

an' 'ízindár' ^{caus. proh.} [анЪ ѳ́йжѳ́ндáрЪ], 'ízindímí' ^{če} ^{cond.-1pl.} [ѳ́йжѳ́ндымырЪче] 'принять' ~ чув. *již̃'ən-* тж.;
'ídazan'è ^{pl.-dat./acc.} [ѳ́йдазанѳ́] 'собака' ~ чув. *jid̃'ə* тж.;
'iši ^{3sg.} [ѳ́ишѳ́], 'išizám' ^{3sg. pl.} [ѳ́ишѳ́замЪ] 'окружение; подобие' ~ чув. *jiš̃* тж.

1.2.5.6. Орфография памятника факультативно отражает позиционное огубление ожидаемого *-i-* в позиции после губного согласного, ср.:

vurmalla ^{debt.} [вурмалла] ‘жать’ ~ чув. *vîr-* тж.;
púzuk ran ^{abl.} [пúзукЪ ранЪ] ‘большой’ ~ чув. *pizъk* тж.

С одной стороны, за такой записью может скрываться *-u-*. Ср. форму *вур-* ‘жать’ в [СЧЯ V: 273] с северо-западной атрибуцией, но вообще данная изоглосса характерна и для ряда других чувашских говоров верхового типа. С другой стороны, не исключено, что таким образом в памятнике передается гласный типа *-î-* (огубленного *-i-*), также возникающий под воздействием соседних губных согласных и отмечаемый как в верховых, так и в низовых чувашских говорах, см. [Савельев 2013б].

Лабиялизация *-i-* рядом с губным согласным отражается и в ряде других старописьменных памятников чувашского языка. Один из наиболее последовательных в этом отношении памятников — Словарь Миллера, где на месте ожидаемого *-i-* после губных *p, v, m* регулярно записывается *[-u-]*.

1.2.5.7. Отдельно следует рассмотреть отражение в памятнике сочетания *-iv(ь)-*. С одной стороны, в части случаев гласный в нем ожидаемо передается как [ы], ср.:

sívlîya ^{dat./acc.} [сывлыга], *sívlîyn'e* ^{3sg. dat./acc.} [сывлыгне] ~ чув. *sívlъx* ‘здоровье’;
sívl'iz' [сывлижЪ], *sívl'izin'* ^{gen.} [сывлижинЪ] ‘дух’ ~ чув. *sívlъš* тж.

Ср. также пример *s'ivirmáškin'* ^{sup.} [сивирмáшкынЪ] ‘спать’ ~ чув. *šivъr-* тж., где по правилам пункта 1.2.3.3 с помощью [u] передан *-i-* (неогубленный!) в позиции после палатального *š-*.

В части случаев орфография памятника отражает лабиализацию *-i-* в позиции перед губным *-v-*:

sívlîxra ^{loc.} [сывлыхра] ‘здоровье’ ~ чув. *sívlъx* тж.;
sívl'iz' [сывлижЪ] ‘воздух’ ~ чув. *sívlъš* тж.;
s'üvrádč'én' ^{term.} [сюврадчэнь] ‘спать’ ~ чув. *šivъr-* тж.;
júvîr' [ювырЪ], *júvîršn'e* ^{dan. 3sg. dat./acc.} [ювыршне] ‘тяжелый’ ~ чув. *jivъr* тж.

Наконец, в памятнике имеются записи, в которых на месте всего сочетания *iv(ь)* записаны буква [y] или ее эквивалент после палатальных [jo]:

sù [сy] ‘здоровый’ ~ чув. *siv(ь)* тж.;
šú [шy], *šuda* ^{loc.} [шуда] ‘вода’ ~ чув. *šiv* тж.;
ul' [улЪ] ‘сын’ ~ чув. *ivъl* тж.;
udtsà- ^{conv.} [удтсà-] ‘бросить’ ~ чув. *ivъt-* тж.;
s'üiráss'e ^{pres. 3pl.} [сюрácce], *s'üiráś'* ^{inf.} [сюрácЪ], *s'ürmà* ^{sup.} [сюрмà], *s'ürna* ^{prf.-part.} [сюрна], *s'ürzà* ^{conv.} [сюрzà] ‘спать’ ~ чув. *šivъr-* тж.;
s'üx' [сyoхЪ], *s'üxri* ^{loc. nom.} [сyoхрi], *s'üxrizan'e* ^{loc. nom. pl.-dat./acc.} [сyoхрызане] ‘близко’ ~ чув. *šivъx* тж.

Ср. также случай *sull'ámma* ^{sup.} [суллямма], *sull'ádbir'* ^{pres. 1pl.} [суллядбырЪ] ‘дышать’ ~ чув. *sivla*, верх. *sulla-* тж., где геминация *-l-* — явный след старого сочетания.

Таким образом, в памятнике как будто отражаются три типа развития сочетания *-iv(ь)-*: без стяжения с записью неогубленного *-i-*; без стяжения с передачей огубленного *-î-* на месте ожидаемого *-i-*; со стяжением *-ivъ- > -u-*. При этом бо́льшая часть примеров из второй группы не вполне надежна, поскольку: 1) случай *sívl'iz'* [сывлижЪ] ‘воздух’ этимологически тождествен *sívl'iz'* [сывлижЪ] ‘дух’ — оба отражают чув. *sívlъš* ‘воздух; дух’. Эти формы употребляются в памятнике многократно, причем всякий раз значения ‘воздух’ и ‘дух’ жестко соответствуют записям с отражением, соответственно, огубленного и неогубленного гласного в первом слоге. По-видимому, записывающий искусственно «разделил» многозначное слово во избежание путаницы, ср. рассмотренный выше случай [тóра] ‘бог’ ~ [тyрЪ] ‘икона’; 2) случаи *s'üvrádč'én'* ^{term.} [сюврадчэнь] ‘спать’ и *júvîr'* [ювырЪ], *júvîršn'e* ^{dan. 3sg. dat./acc.} [ювыршне] ‘тяжелый’ в принципе могут отражать формы с сокращением первого гласного до стадии редуцированного. Варианты типа *šivъr-* и *jivъr* реально зафиксированы в чувашских говорах, в т. ч. верхового типа (об отражении *-ъ-* в памятнике см. п. 1.2.8).

Для сложившейся картины можно предложить следующий сценарий. Сочетание *-iv-* в позиции перед согласным в говоре-источнике сохраняется, а в позиции ауслота или в варианте *-ivъ-*, как правило, происходит стяжение в *-u-*. В вариантах без стяжения следует восстанавливать фонетический прототип *-iv(ь)-*, причем отражение огубленности *-î-* факультативно ввиду нетривиального характера этого звука для русской орфографии. Нерегулярный характер стяжения *-iv(ь)- > -u-*, которое является признаком северо-западного (малокарачинского) диалекта, может быть объяснен его субстратным характером по отношению к говору-источнику памятника. Такой сценарий согласуется с данными о том, что северо-

западный идиом действительно послужил субстратом для части верховых (прежде всего, сундырских) говоров чувашского языка, см. [Мудрак 1993: 10—11].

1.2.6. -i-

1.2.6.1. Чувашский гласный *-i-* в составе основы, чаще в первом слоге, регулярно передается через [u], ср.:

čir'le comit. [чирьле], *čir'-zám'-bala* pl. instr. [чирь-зámБ-бала] 'болезнь' ~ чув. *čir* тж.;

s'ir'ib' [сүрибБ] 'крепкий' ~ чув. *širəp* тж.;

tomd'ir' [томдүрБ] 'одежда' ~ чув. *tom-dir* тж.;

erp'in' [эпнинь] 'итак' ~ чув. *erpin* тж.

Фонетическим равнозначным [u] является обозначение через [i]. Данная буква употребляется в некоторых русизмах (напр., *m'ir'* [мирБ]), а также по правилам русской орфографии в основах любого происхождения в позиции перед гласным или йотом: *s'ijäs'* inf. [сйясБ] 'есть, кушать' ~ чув. *ši-* тж.

В позиции после *s-* ~ *-z-* ожидаемый *-i-* обычно передается через [ы], ср.:

siv'e [сыве], *siv'id'na* dnv. prf-part. [сывидьна] наряду с *s'iv'e* [сыве] 'холодный' ~ чув. *sivə* тж.;

sikt'er'm'ézir' sup. car. [сыктерьмэзырБ] 'двигаться' ~ чув. *sikter-* 'проскакивать';

sipl'e [сипле] 'полезный' ~ чув. *siplə* тж.;

sizédin' pres. 2sg [сызэдынБ], *sis'm'éškin'* sup. [сысьмэшкынБ] 'чувствовать, осязать' ~ чув. *sis-* тж. и др.

Такое отражение указывает как на неспособность чув. *s-* к смягчению, так и, по-видимому, на более заднюю артикуляцию *-i-* в позиции после этого согласного.

Один раз на месте ожидаемого *-i-* записан [ю]: *čürg'ù* [чюрггю] 'церковь' ~ чув. *čirgü* тж. Вероятно, такая запись отражает лабиализацию гласного первого слога под влиянием огубленного во втором; для формы восстанавливается прототип вида "*čirg'ù* или "*čürg'ù*."

1.2.6.2. В нескольких случаях ожидаемый *-i-* записан через [-э-] ~ [-е-]. По-видимому, в говоре — источнике памятника сохраняется ПТю *ɛ, который отмечается также в малокарачинском наречии, а во всех остальных чувашских говорах перешел в *-i-*.

Ср., прежде всего, очень характерную и совпадающую с малокарачинской форму местоимения 'вы' *ser'* [сэрь], *s'er'* [серь] ~ чув. *ezir*, верх. *ezər*, МК *ser*. Помимо характера корневого гласного, обращает на себя внимание отсутствие в отражаемой в памятнике форме дейктического *e-* (как и в малокарачинском, в отличие от остальных говоров). Впрочем, подобная запись встречается лишь в двух указанных случаях, в остальном тексте фигурирует приближенная к верховому стандарту форма [эзырБ] с вариантами.

Другие примеры из памятника на сохранение ПТю *ɛ:

k'ér'l'e [кэрле] 'нужно, надо' ~ чув. *kirlə* тж.;

t'erg'ez'è conv. [мерггезэ] 'гнушаться, придираяться' ~ чув. *tirge-* тж.

Ср. также два заимствования с *-e-* в русском источнике:

čerg'ù [черггю], *čerg'ù-zám'* pl. [черггю-замБ] < рус. *церковь* (но в памятнике чаще встречаются записи типа *čirg'ù* [чирггю], а также единожды *čürg'ù* [чюрггю]), о котором см. предыдущий пункт);

p'erv'éj [первэй], *p'erv'ejy'i* [первэйгү] < рус. *первый*.

Для последних форм из памятника восстанавливаются прототипы "*čerg'ù*", "*p'erv'éj*", идентичные ожидаемым малокарачинским. В литературном чувашском оба слова имеют *-i-* в первом слоге: *čirgü*, *pirvaj*.

Судя по малому числу зафиксированных в тексте форм с предполагаемым *-ɛ-* и по наличию многочисленных дублетных записей с отражением *-i-*, в этом вопросе говор-источник памятника все же развивался по общечувашскому пути. Редкие формы с *-ɛ-*, прежде всего фиксация варианта *ser'* для местоимения 'вы', могут быть объяснены субстратным влиянием на говор верхового типа со стороны ассимилированного идиома типа малокарачинского.

1.2.6.3. В чувашском языке *-i-* встречается не только в основах, но и в аффиксах — прежде всего, в показателе принадлежности 3-го лица *-i*, который к тому же часто выступает в функции номинализатора. Будучи нейтральным к сингармонизму, в литературном языке аффиксальный *-i-* инвариантен. Однако по говорам (в первую очередь, в верховой зоне) наблюдаются процессы выравнивания, в результате которых аффиксальный *-i-* обретает сингармонистическую пару в виде *-i-*. Судя по всему, эта изоглосса охватывает и говор-источник рассматриваемого памятника, поскольку после переднерядных основ в аффиксах здесь записывается [u], а после заднерядных — регулярно [ы]. Ср.:

-čik'i^{3sg.} [чикй̆] 'внутренности' ~ чув. čikki тж.,
но olmi^{3sg.} [олмы̆] 'яблоко' ~ чув. olmi тж.;

χ'irz'sl'in'e^{comit. nom. dat./acc.} [χирзьслине] 'нечто противное' ~ чув. χiraşline тж.,
но tutlîn'e^{comit. nom. dat./acc.} [тутлыне] 'нечто вкусное' ~ чув. tutline тж.;

iz'm'ell'i^{debt. nom.} [изъмеллй] 'питье' ~ чув. aştelli тж.,
но polžmalli^{debt. nom.} [полжмаллы̆] 'помощь' ~ чув. polžšmalli тж.

При этом, как и в случае с ожидаемым *-i-* первого слога, здесь соблюдается правило жи ~ ши, см., например, 'iši^{3sg.} [б̆иши] 'окружение; разновидность' ~ чув. jišši тж., bólni-ži^{prf.-part. int.} [б̆олны-жи] 'было ли?' ~ poln-ži тж. и др. Несмотря на отражение как бы переднерядного гласного, в этих случаях после š- ~ -ž- также следует восстанавливать *"-i-*.

1.2.7. -ь-

1.2.7.1. В первом слоге неогубленный заднерядный редуцированный гласный *-ь-* в общем случае отражается аналогично *-i-*, см. п. 1.2.5. Это свидетельствует в пользу того, что в говоре-источнике в данной позиции был представлен закрытый аллофон типа *"ь*.

Ср. отражение через [ы] в нейтральном консонантном окружении:
kidardás^{inf.} [кыдардас̆ь], kidardmā^{sup.} [кыдардмӑ] 'показать' ~ чув. kьdart- тж.;
piymáss'e^{neg. pres. 3pl.} [пыгмас̆е], piysát^{emph.} [пыгсам̆ь] 'смотреть' ~ чув. рьу- тж.;
sínla^{comit.} [сынла], sín'zir^{car.} [сынъзыр̆ь] 'образ' ~ чув. sьn тж. и др.

Примеры на [ы-], [ы̆-], [ы̄-], [у-], отражающие анлаутный *ь-*:

ižin'čè^{3sg. loc.} [ыжиньч̆è], 'ižin'čè^{3sg. loc.} [ы̄жиньч̆è] 'внутри', ižin'čè^{3sg. loc.} [ужиньч̆è] ~ чув. ъžəŋʒe тж.;
îvindaragán^{pres.-part.} [ы̄вындараг̆ан̆ь] 'манить, привлекать' ~ чув. ьvьndar- тж.

Примеры на отражение через [ы̄-] контекста *ь-*:

'ilt^{comit.} [ы̄лт̆ь] 'целиком' ~ чув. ьлт тж.;
-'imik^{pl.} zam^{pl.} [-ы̄мык̆ь зам̆ь] 'младшая сестра' ~ чув. ьтък тж.

Контекст *ь-*, для которого ожидалась бы передача *[cu], в первом слоге в расписанной части памятника не представлен. Последовательность *ь-* ~ *-žь-* отражается аналогично š- ~ -ž-, т. е. при помощи [ш-] ~ [-жи-] по правилам русской орфографии, ср. -šilim^{1sg. pl.} zam^{pl.} [-ш̆ылым̆ь зам̆ь] 'младший брат' ~ чув. šьllьm тж.

1.2.7.2. В непервых слогах *-ь-* в целом отражается так же, как и в первых, т. е. через [ы], но [у] в палатализующем контексте. Однако с узкими отражениями в этой позиции конкурируют широкие — через [а] ([я] после палатальных). Строгого распределения нет, но есть позиции, в которых [а] ~ [я] предпочтительны: это открытый слог на конце основы, а также в ряде аффиксов, например, комитатива *-(l)ь* [(л)ла] и перфектного причастия *-нъ* [-на]. В остальных позициях употребляется [ы], который при этом не запрещен и в тех контекстах, где доминирует [а]. Ср.:

ira [úra] наряду с iri [уры] 'добрый' ~ чув. irь тж.;
χákla^{comit.} [хакла] наряду с χákli^{comit.} [хаклы] 'дорогой' ~ чув. χакль тж.;
χijúlla^{comit.} [хыюлла] 'дерзкий', но ózsilli^{comit.} [óзсыллы] 'полезный' ~ чув. χьjullь, озьllь тж.;
s'iorádna^{prf.-part.} [с̆iorádна] наряду с s'iorádni^{prf.-part.} [с̆iorádны] 'родить' ~ чув. šoratnь тж.

1.2.7.3. В нескольких случаях ожидаемый *-ь-* в непервых слогах отражается как переднерядный гласный, хотя речь и не идет о контексте после палатального:

sivl'iz̆^{comit.} [с̆ывлиӂь] 'дух', sivl'iz̆^{comit.} [с̆увлиӂь-] 'воздух' ~ чув. sivl'ьš 'дух; воздух';
s'ib'iz̆^{comit.} [с̆ыбиз̆ь-] 'приставать, привязываться' ~ чув. šibьš- тж.

При передаче чув. sivl'ьš отражение как бы переднерядного гласного во втором слоге может указывать на палатальный характер предшествующего *-l-* в говоре-источнике. Ср. производящую основу sivila- 'дышать', которая в некоторых верховых говорах имеет вид sullа-, отраженный, к слову, и в данном источнике: sull'ádbir^{pres. 1pl.} [суллядбыр̆ь].

Запись чув. šibьš-, вероятно, отражает упережденную артикуляцию гласных в контексте между двумя палатальными: *"šibьš*. При этом, однако, едва ли можно считать свершившимся переход основы в передний ряд, поскольку она регулярно принимает после себя заднерядные аффиксы, см. s'ib'iz̆'sā^{conv.} [сибиз̆ьс̆а] и другие формы.

1.2.7.4. В некоторых случаях орфография памятника отражает лабиализацию исторически неогубленного *-ь-* в позиции рядом с губными согласными, ср.:

vugut' rã loc. [вугут'рã], *vugutrì* loc. nom. [вугутрì] 'время' ~ чув. *vũyũt* тж.;
ãmuže 3sg. [ãмуже] 'мать' ~ чув. *amъžã* тж. и др.

1.2.8. ъ

1.2.8.1. Огубленный заднерядный редуцированный гласный *-ъ-* в общем случае отражается аналогично *-и-* (см. пункт 1.2.3.2). Такая передача обусловлена тем, что в говоре-источника памятника, особенно в первом слоге, данный гласный реализуется в закрытом варианте типа "ъ".

Ср. отражения при помощи [y] в анлауте и в нейтральном консонантном окружении:

us' [ycB], *úsła* comit. [ýсла] 'ум' ~ чув. *ũs* тж.;
úžu [ýжу], *užudãdbir'* dnv. pres. 1pl. [ужудãдбырB] 'теплый' ~ чув. *ũžũ* тж.;
vul' [вулB], *vul' zãm'* pl. [вулB зãmB] 'он' ~ чув. *vũl* тж.;
kúluχ' [кúлуχB] 'напрасно' ~ чув. *kũlũχ* тж.

Примеры после палатальных, где *-ъ-* записывается через [ю]:

s'úkúra dat./acc. [сюкúра] 'хлеб' ~ чув. *šũgũr* тж.;
s'úlãs' inf. [сюлãсB], *s'ülzãm'* emph. [сюлзãmB] 'спасти' ~ чув. *šũl-* тж.;
júlã [юлã], *júlãna* dat./acc. [юлãна] 'вера' ~ чув. *jũla* 'обычай';
jũnuš'-zam' balã pl. instr. [юнушB-замB балã] 'ошибка' ~ чув. *jũnũš'* тж.

1.2.8.2. Передача ожидаемого *-ъ-* при помощи [o] наблюдается в следующих случаях:

χobarzã conv. [хобарзã], *χobarzãsin'* cond.-part. [хобарзãсынB] 'подняться' ~ чув. *χũbar-* тж.;
χobãrd'e fut. 3sg. [хобãрдe], *χobarđtsã* conv. [хобардтсã] 'поднять' ~ чув. *χũbart-* тж.;
χonz'è [хонзè], *χonzé* [хонзè], *χon'zè* [хоньзè] 'когда' ~ чув. *χũzan* тж.;
χoramallã debt. [хорамаллã] 'бояться' ~ чув. *χũra-* тж.;
χorãdmallì debt. nom. [хорãдмаллì], *χorãdtsã* conv. [хорãдтсã] 'пугать' ~ чув. *χũrat-* тж.;
χobassin'e inf. nom. dat./acc. [хобассине], *χobmallì* debt. nom. [хобмаллì], *χobnì* prf.-part. nom. [хобнì] 'поразить (об испуге)' ~ чув. *χũp-* тж.;
χolýájã dat./acc. [холгãя] 'ухо' ~ чув. *χũlýa* тж.;
konã dat./acc. [конã] 'этот' ~ чув. *kũna* тж. (но запись в памятнике может отражать и широко распространенный вариант *kona*);
konturlay'ì [контурлагì] 'дневной' ~ чув. *kũndũrlay'ì* тж.

Во всех этих примерах ожидаемый *-ъ-* находится в контексте после велярного *χ-* или *k-* в предударной позиции (хотя в редких случаях в этих контекстах появляется и [y], ср. [χудлãсB] 'защищаться' и [кумулB] 'милость' — ошибочное ударение во втором случае?). Фонетически интерпретировать такую запись можно двояко: 1) как расширение "ъ" > "ũ" в специфическом консонантном окружении; 2) как прояснение "ũ" > o опять же под влиянием предшествующего велярного. В пользу второго варианта свидетельствует то, что формы типа *χolýa* 'ухо' при литер. *χũlýa* хорошо известны в чувашской диалектологии, см., например, [Канюкова 1965: 32]. Первый вариант не становится ввиду этого менее вероятным, просто вопрос о распределении закрытых и открытых вариантов редуцированных гласных в синхронной чувашской диалектологии никем еще не был изучен (см., однако, попытку выявить распределение этих вариантов в говорах-источниках чувашского материала для Словаря Палласа в [Савельев 2014]).

1.2.9. ə

1.2.9.1. В первом слоге неогубленный переднерядный редуцированный гласный *-ə-* в общем случае отражается аналогично *-и-*, см. п. 1.2.6.1. Ср. отражения через [u]:

il'ik' [úликB] 'прежде' ~ чув. *alæk* тж.;
in'n'en'in' prf.-part. nom. gen. [иньненинB] 'верить' ~ чув. *enep-* тж.;
iz'e dat./acc. [úze], *iz'b'e* instr. [úзьбе] 'труд, дело' ~ чув. *əš* тж.;
č'ir'ãna dat./acc. [чирãна] 'сердце' ~ чув. *čãre* тж.;
m'isk'in'-zam' pl. [мискинь-замB] 'бедняга' ~ чув. *mãskãp* тж.;
s'ir' [сирь] 'земля, место' ~ чув. *šãr* тж.

Аналогично сочетаниям йота с другими узкими неогубленными гласными, анлаутное сочетание *jə*- записывается при помощи диграфа [b̄u]. Ср.:

'ir'g'ib'è 3sg. instr. [b̄ir'g'ib'è], *'ir'g'ezam'* pl. [b̄ir'g'ezam'ʙ] 'порядок' ~ чув. *jərge* тж.;
'ir' [b̄ir'] 'путь' ~ чув. *jər* 'след'.

1.2.9.2. В непервых слогах при отражении ожидаемого *-ə*- конкурируют [u] и [e]. В открытом слоге почти всегда употребляется [e], а в закрытом частотны оба варианта. Строгого распределения между ними нет, часто [u] и [e] встречаются в одних и тех же морфемах.

Ср. примеры с [e] в открытом слоге:

mól'e 3sg. [móle] 'богатство' ~ чув. *molə* тж.;
ból'iče cond.-3sg. [bóliche] 'быть' ~ чув. *poláččə* тж.;
s'id'imár'e pot. neg. pret. 3sg. [sidimápe] 'достигать' ~ чув. *šidejmerə* тж.;
bár'e fut. 3sg. [bápe] 'дать' ~ чув. *parə* тж. и др.

Примеры с колебанием [e] ~ [u] в закрытых слогах:

účín' 3sg. gen. [lúčin'ʙ] 'тело', но *rív'en'* 3sg. gen. [rúven'ʙ] 'род' ~ чув. *üž-ən, ər'əv-ən* тж.;
s'ür'er'is' pret. 3pl. [süreris'] 'ходить', но *kalár'es'* pret. 3pl. [kaláres'] 'говорить' ~ чув. *šüre-rəš, kala-rəš* тж.

Последовательность [сы-] ~ [-зы-], через которую в «Дне святой жизни...» записывается *si-* ~ *-zi-*, аналогичным образом используется и для записи сочетания *sə-* ~ *-zə-*, которое встречается в памятнике в непервых слогах. См. отражение местоимения *ezir*, верх. *ezər* 'мы' как [эзырʙ], а также запись передне-рядных вариантов показателей лишительного падежа *-zər* и условно-временного причастия *-zessən* как [-зырʙ] и [-зэсынʙ] соответственно.

1.2.10. ə̇

1.2.10.1. Переднерядный огубленный редуцированный гласный *-ə̇-* в общем случае отражается в памятнике аналогично *-ü-* (см. п. 1.2.4).

В анлаутной позиции *ə̇-* передается при помощи диграфа [t̄y-], ср.:

ĩumb'ü [t̄ymb'ü] 'царь' ~ чув. *ə̇mbü* тж.;
ĩum'üry'i [t̄um'ory'i] 'вечный' ~ чув. *ə̇m'oryi* тж.

В инлауте регулярным является отражение через [ю]:

k'üsk'è- [кюскè-] 'короткий' ~ чув. *kəske* тж.;
p'ül't' [пюльт'] 'небо' ~ чув. *pəlät* тж.;
t'üz' [тюзь] 'свойство, натура' ~ чув. *təs* тж. и др.

Ср. случаи, где *-ə̇-* вторично появляется во втором слоге после огубленного гласного в первом слоге:

p'ül'üks' [пюлюкс'] 'ангел-хранитель' ~ чув. *püləxšə* 'дух-покровитель';
t'üt'üm' [тютюмʙ] 'тьма' ~ чув. *tättəm* тж.

1.2.10.2. В нескольких формах имеет место делябиализация этимологического *-ə̇-*. Необходимыми для этого условиями являются соседство с губным согласным и безударная позиция. Примеры:

v'ir'én' [вирéнь] 'учиться' ~ чув. *və̇ren-* тж.;

p'id'er'- [пидерь-] 'заканчивать; истреблять' ~ чув. *pə̇der-* тж. — ср. однокоренное *p'üd'üm'* [пюдюмʙ] 'целый' ~ чув. *pə̇dät* тж., где *-ə̇-* в первом слоге находится под ударением и поэтому не подвергается делябиализации.

2. Морфология

2.1. Именная морфология

2.1.1. Падеж

Традиционно в чувашском языке выделяются восемь падежей: основной (номинатив), притяжательный (генитив), дательно-винительный (датель-аккузатив), местный (локатив), исходный (аблатив), лишительный (каритив) и причинно-целевой (каузалис-финалис) [Андреев 1961]. Существуют и другие формы, в разной степени претендующие на статус падежных, но в данной статье они не рассматриваются.

Форма основного падежа в чувашском языке совпадает с именной основой.

Притяжательный падеж на *-ьн / -эн / -н* имеет в памятнике несколько вариантов, что обусловлено как законами морфологии, так и спецификой орфографии. Ср.:

choráin' gen. [choráынБ] 'котел' ~ чув. *choran-ьн* тж. — [-ынБ] после заднерядной основы с исходом на непалатальный согласный;

út'in' gen. [útинБ] 'тело' ~ чув. *üt-эн* тж. — [-инБ] после переднерядной основы на согласный;

bórniz'in' gen. [bóрнызинБ] 'жизнь' ~ чув. *pornъz-ьн* тж. — [-инБ] после любых основ с исходом на палатальный согласный;

orán' gen. [oránБ] 'нога' ~ чув. *ora-n* тж. — [-нБ] после заднерядной основы на гласный;

čir'én' gen. [чирэнь], *čir'én'* gen. [чирэньБ] 'сердце' ~ чув. *čäre-n* тж. — [-нь] ~ [-нБ] после переднерядной основы на гласный.

Дательно-винительный падеж также отражается в памятнике очень разнообразно, ср.:

jätä dat./acc. [ятä] 'имя' ~ чув. *jad-a* тж. — [-a] после заднерядных основ на согласный;

čójuana dat./acc. [чóйгана] 'несчастье' ~ чув. *čójuъ-na* тж. — [-на] после большинства заднерядных основ на гласный;

čorájä dat./acc. [чорая] 'раб' ~ чув. верх. *čora-ja* тж. — [-я] после некоторых заднерядных основ на -a;

t'en'è dat./acc. [тенè] 'вера, религия' ~ чув. *tän-e* тж. — [-e] после переднерядных основ на согласный;

čir'éne dat./acc. [чирэне], *čir'ána* dat./acc. [чиряна] 'сердце' ~ чув. *čäre-ne* тж. — обычно [-не] после переднерядной основы на гласный, но [-на], если орфографически ему предшествует [-я-];

čil'y'ájä dat./acc. [чильгяя] 'язык' ~ чув. верх. *čälye-je* тж. — [-я] после некоторых переднерядных основ на -e;

čir'y'è dat./acc. [чирьгè], *čirg'è* dat./acc. [чирггè] 'церковь' ~ чув. *čirgäv-e* — [-e] после основ на -ü (в данном случае *čirgü*); поведение заднерядных основ на -и остается неясным ввиду отсутствия примеров.

Особый интерес здесь представляет колебание вариантов *-na / -ne ~ -ja / -je* после основ на гласный полного образования. По Н. И. Ашмарину, вариант данного падежного показателя с *-j-* присоединяется к чувашским именным основам на *-i-* [Ашмарин 1898: 119]. Согласно Л. С. Левитской, показатель *-ja / -je* встречается в верховых говорах после основ на *-a / -e* [Левитская 1976: 18]. Однако, что касается данного памятника, то строгого распределения в зависимости от типа основы не наблюдается: если после редуцированных возможен только вариант *-na / -ne*, то после гласных полного образования бывают оба варианта. Возможно, в памятнике зафиксирован тот момент в истории говора-источника, когда сугубо диалектный вариант *-ja / -je* начал замещаться вариантом *-na / -ne* под влиянием соседних говоров.

Местный падеж в чувашском языке имеет варианты *-da / -de* после сонантов *-l-, -n-, -r-* и *-ra / -re* во всех остальных случаях. Ср. примеры из памятника:

ozálda loc. [ozáлда] 'зло' ~ чув. *ozál-da* тж.;

ūm'ür'd'è loc. [ūмюрьдè] 'вечность' ~ чув. *ātār-de* тж.;

s'iliy' ra loc. [сильгь pa] 'грех' ~ чув. *šilъx-ra* тж.;

v'iz'é-r'e loc. [визé-pe] 'мера' ~ чув. *vize-re* тж.

Наряду с [-pe] после переднерядных основ встречается и вариант [-pa]:

šušm'en' ra loc. [шушмэнь pa] 'мгновение' ~ чув. *šüşmen-re* тж.;

ir'ik' ra loc. [үрикБ pa] 'воля' ~ чув. *iräk-re* тж.

Что примечательно, в таких случаях [pa] всегда пишется отдельно от основы. Можно предположить, что все подобные записи суть попытка генерализации данного показателя в статусе послелога, что выражается и в его инвариантности с точки зрения сингармонизма, и в орфографическом оформлении.

Аналогичная ситуация — с показателем исходного падежа *-ran / -ren, -dan / -den*. Если в заднерядных основах распределены в зависимости от предыдущего согласного варианты [-ранБ] и [-данБ] (могут записываться как слитно, так и раздельно), то после переднерядных основ отмечается колебание переднерядных и заднерядных вариантов данного показателя, причем переднерядные варианты обычно записываются слитно или через дефис, а заднерядные — всегда раздельно. Ср.:

tórarán' abl. [tóраранБ], *tóra rán'* abl. [tóra ранБ] 'бог' ~ чув. *torъ-ran* тж.;

il'ikr'en' abl. [иликрэнь] 'исстари' ~ чув. *äläk-ren* тж.;

ir'ik' rán' abl. [үрикБ ранБ] 'воля' ~ чув. *iräk-ren* тж.;

kúmul' dan' abl. [күмүлБ данБ] 'милость' ~ чув. *kъмъл-dan* 'настроение';

p'ir'in'-d'en' abl. [пүринБ-день] 'мы' ~ чув. *pirän-den* тж.;

m'isk'in' dan' abl. [мүскинь данБ] 'бедность' ~ чув. *mәskән-den* 'бедняга'.

Совместный падеж в чувашском языке имеет варианты *-pa / -pe* и *-pala / -pele*, находящиеся в отношениях свободного варьирования. В памятнике все они генерализованы в варианте с [б-], даже если основа оканчивается на шумный согласный. Ср.:

- sívl'iz' ba* instr. [сывлижБ ба] 'дух' ~ чув. *sívl'š-pa* тж.;
t'ús'b'e instr. [т'усьбе] 'качество' ~ чув. *t'ús-pe* тж.;
oldáv' balà instr. [олдавБ балà] 'обман' ~ чув. *oldav-bala* тж.;
iz'-b'el'e instr. [изь-беле] 'труд; дело' ~ чув. *əş-pele* тж.

Лишительный падеж на *-sər / -sər* генерализован в варианте [-зырБ] и зафиксирован, например, в следующих формах:

- tádikzír' car.* [тáдыкзырБ] 'отрезок' ~ чув. *tadək-sər* тж.;
v'il'imzír' car. [в'илимзырБ] 'смерть' ~ чув. *viləm-zər* тж. и др.

Показатель причинно-целевого падежа *-šən / -šən* имеет в памятнике единственный вариант [-жинБ]. Возможные различия по сингармонизму в данном случае нивелированы орфографией, поскольку фонетически ожидаемая для заднерядного варианта запись *[жынБ] противоречит русскому правилу о жи-ши. Ср.:

- mól'-žin' caus./fin.* [мóль-жинБ] 'богатство' ~ чув. *mol-žən* тж.;
s'ír' žin' caus./fin. [с'ирь жинБ] 'земля' ~ чув. *šər-žən* тж. и др.

2.1.2. Число

Показателем множественного числа имени в современном чувашском языке является аффикс *-sem*, который в верховых говорах имеет вариант *-sam* после заднерядных основ. В языке памятника, однако, *-zam'* [-замБ] выступает в роли единственного варианта данного показателя как в заднерядном, так и переднерядном контексте. Ср.:

- pos'-zám' pl.* [пось-зámБ] 'голова' ~ чув. *poş-sem* тж.;
χójyazam' pl. [χóйгазамБ] 'забота' ~ чув. *χójyű-zem* тж.;
k'il'zam' pl. [к'ильзамБ] 'молитва' ~ чув. *kälə-zem* тж.;
iz'zám' pl. [изьзámБ] 'дело' ~ чув. *əş-sem* тж.

В косвенных падежах древнего происхождения (притяжательном, дательном-винительном, местном и исходном) в чувашском представлен вариант показателя множественного числа *-sen* (в диалектах также *-san*). В языке памятника находим, соответственно, варианты *-zen'* [-зэнь] ~ *-sen* притяжательного падежа и *-zan'e* [-зане] ~ *-sene* дательного-винительного падежа, но в пространственных падежах в части случаев неожиданно представлен основной вариант *-zam'* [-замБ]. Ср.:

- kon'-zen' pl.-gen.* [конБ-зэнь] 'день' ~ чув. *kon-zen* тж.;
kuzan'è pl. dat./acc. [кузанè] 'этот' ~ чув. *ko-zene* тж.;
χójyazam' ra pl. loc. [χóйгазамБ ра] 'печаль' ~ чув. *χójyű-zenže* тж.;
áib' zan'č'én' pl. abl. [áибБ заньчэнь] 'вина' наряду с *atál' zam' ran' pl. abl.* [амáльзамБ ранБ] 'средство' ~ чув. *ajər-senžen, etel-zenžen* тж.

Встречающиеся в памятнике формы, выражающие категории падежа и числа, можно обобщить в Табл. 3.

2.1.3. Принадлежность

Показатели принадлежности 1-го, а тем более 2-го лица малоупотребительны в чувашском языке. В рассматриваемом памятнике они вообще не встречаются во множественном числе, а в единственном отмечаются следующие варианты.

Для 1-го лица:

- ázim' ra 1sg. loc.* [áзымБ ра] 'память' ~ чув. *azym-ra* тж. — [-ымБ] после заднерядных основ на согласный;
íoldážim' 1sg. [íолдáжимБ] 'товарищ' ~ чув. *joldaž-ym* тж. — [-имБ] после палатальных согласных и ж-ш; этот вариант ожидался и бы после переднерядных основ на согласный, но в таком контексте данный показатель не встречается;

ačám' 1sg. [ačámБ] 'ребенок' ~ чув. *ača-m* тж. — [-мБ] после основ на гласный.

Для 2-го лица найдена только форма *sódna 2sg. dat./acc.* [сódна] 'суд', где сам показатель принадлежности выпал, однако повлиял при этом на выбор падежного показателя: ср. чув. *sot-na* < "sod-ь-na, но *sod-a* без принадлежности.

Таблица 3

**Отражение показателей падежа и числа
в переводе «Дня святой жизни...»⁴**

падеж / число	ед. ч.	мн. ч.
основной	—	-замБ -set
притяжательный	-ынБ / -инБ / -нБ ~ -нь -ьп / -эп / -п	-зэнь -sen
дательно-винительный	-а / -е, -на / -не, -я -а / -е, -на / -не, -ја / -је	-зане -sene
местный	-да / -де, -ра / -ре -da / -de, -ra / -re	-замБ ра -senže
исходный	-данБ / -день, -ранБ / -рень -dan / -den, -ran / -ren	-замБ ранБ ~ -заньчэнь -senžen
творительный	-ба / -бе, -бала / -беле -pa(la) / -pe(le)	-замБ ба, -замБ бала / -замБ беле -sembe(le)
лишительный	-зырБ -сьр / -сьр	-замБ зырБ -semzər
причинно-целевой	-жинБ -сьп / -сьп	-замБ жинБ -semžən

Наибольший интерес представляет отражение показателя принадлежности 3-го лица, поскольку он очень частотен, будучи употребительным не только для выражения собственно отношений владения, но и в семантически разнородных изафетных конструкциях. В чистых основах на согласный регулярно записывается [-e] ~ чув. -ə. К основам на гласный в литературном чувашском присоединяется -i, а в языке памятника — -i [-u] или -i [-ы] в зависимости от сингармонистического ряда основы. Ср.:

mól'e 3sg. [мóле] 'богатство' ~ чув. *mol-ə* тж.;

s'ill'i 3sg. [силлй] 'гнев' ~ чув. *şill-i* тж.;

todì 3sg. [тоды] 'губа' ~ чув. *tod-i* тж. и др.

2.2. Глагольная морфология

2.2.1. Форма возможности

Категория возможности в чувашском языке выражается аффиксом -aj / -ej, который стягивается в -i- в ряде верхних говоров [Левитская 1976: 54]. К последним относится и говор-источник рассматриваемого памятника, причем в заднем ряду здесь представлен вариант -i- [-ы-], ср.:

toyimín' pot. neg. fut. 2sg. [тогымынБ] 'выйти' ~ чув. *toy-aj-tən* тж.;

s'id'imár'e pot. neg. pret. 3sg. [сидимаре] 'достичь' ~ чув. *şid-ej-merə* тж.

2.2.2. Императив

Таблица 4

**Показатели повелительного наклонения,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»**

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-амБ / ? -am / -em	не зафиксировано -ar / -er
2	совпадает с основой	-ырБ / -ерБ -ьр / -эр
3	-дырБ -дыр / -дэр	-чирБ / ? -чсьр / -чсьр

⁴ Здесь и далее под формами из памятника даны общечувашские эквиваленты.

Формы 1-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа отмечены только в заднерядном варианте; в переднем ряду ожидалось бы отражения *[емЪ] и *[черЪ] ~ *[чирЪ] соответственно. Примечательна генерализация формы 3-го лица единственного числа в варианте [дырЪ] независимо от сингармонизма. Ср. примеры:

polžám^s imp.-1sg. [полжámЪ] ‘помогать’ ~ чув. *polž-am* тж.;
túvir^s imp.-2pl. [ту́вырЪ] ‘делать’ ~ чув. *tõv-õr* тж.;
k'il'k'il'er^s imp.-2pl. [килькíлерЪ] ‘молиться’ ~ чув. *käl käl-ar* тж.;
k'il'dir^s imp.-3sg. [кíльдырЪ] ‘приходить’ ~ чув. *kil-dar* тж.;
kaz'árčir^s imp.-3pl. [казя́рчирЪ] ‘прощать’ ~ чув. *kažar-čšyr* тж.

2.2.3. Настоящее время

Таблица 5

Показатели настоящего времени,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-адыбЪ / -едыбЪ -адър / -едәр	-адбырЪ / -едбырЪ -атрър / -етрәр
2	-адынЪ / -едынЪ -адън / -едән	-адтырЪ / ? -адър / -едәр
3	-ать ~ -адъ / -еть ~ -едь -ат' / -ет	-ассе / -ессе -аššә / -eššә

2.2.4. Простое прошедшее время

Таблица 6

Показатели простого прошедшего времени,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-рымЪ, -дымЪ -рът / -рәт, -дът / -дәт	-рымырЪ, -дымырЪ -рътър / -рәтәр, -дътър / -дәтәр
2	-дынЪ, -рынЪ -дън / -дән, -рън / -рән	-рырЪ -дър / -дәр, -рър / -рәр
3	-ре, -че -рә, -žә	-ресь ~ -рись / -чесь ~ -чись -рәš, -žәš

Среди форм 2-го лица множественного числа ожидался бы также вариант [-дырЪ], но реально он в памятнике не обнаружен. Интересно, что формы 1-го и 2-го лица генерализованы в заднерядных вариантах даже после переднерядных основ, см., например, *k'úd'rim*^s pret. 1sg. [кюдьрымЪ] ‘ждать’ ~ чув. *kät-rät* тж.

2.2.5. Прошедшее многократное время

Таблица 7

Показатели прошедшего многократного времени,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	не зафиксировано -attъм / -ettәм	не зафиксировано -attъмър / -ettәмәр
2	-адтынЪ / -едтынЪ -attън / -ettән	не зафиксировано -attър / -ettәр
3	-атьче ~ -адъче / -етьче ~ ятьче -atčә / -etčә	-атьчесь ~ адъчесь / -етьчесь -atčәš / -etčәš

2.2.6. Будущее время

Таблица 8

Показатели будущего времени,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-ыбЪ / -ибЪ -ър / -эр	-ыбырЪ / -ибырЪ -ьбрь / -эбрь
2	-ынЪ / -инЪ -ьп / -эп	не зафиксировано -ьг
3	-е -э	-есь ~ ись -эш

2.2.7. Сослагательное наклонение

Таблица 9

Показатели сослагательного наклонения,
отмеченные в переводе «Дня святой жизни...»

лицо / число	ед. ч.	мн. ч.
1	-дымЪ-че -ьтът / -этът(щэ)	-(ы / у)дымырЪ-че -ьттър / -эттар(щэ)
2	-(ы / у)дынЪ-че -ьтътп / -этътп(щэ)	не зафиксировано -ьттър / -эттар(щэ)
3	-иче -эщэ	-ичесь / -ичись -эщэш

Представленная в памятнике система показателей сослагательного наклонения достаточно своеобразна. Как видно из таблицы, формы 1-го и 2-го лица содержат полувзвонкий *-d-* [-*д-*] при геминированном *-tt-* в современном чувашском. При этом в памятнике часто опускается редуцированный в начале данного показателя, что в принципе ожидаемо для орфографий данного периода, однако в результате записи приобретают большое сходство с формами прошедшего времени, отличаясь только наличием последующего [-*че*] (факультативного в современном языке). Ср. *bóldim^c-če* cond.-1sg. [бóлдымЪ-че] ~ чув. *pol^hьтът(щэ)* при *bóldim^c* pret. 1sg. [бóлдымЪ] ~ чув. *pol^hьт* 'быть'.

2.2.8. Нефинитные формы глагола

В памятнике отмечаются следующие частотные нефинитные формы глагола:
супин на *-та / -те, -ташкп / -тешкп* (взаимозаменяемые варианты): [-*ма*] / [-*ме*], [-*маишкынЪ*] / [-*меишкынЪ*];
инфинитив (в традиционной грамматике — причастие будущего времени) на *-ас / -ес*: [-*асЪ*] / [-*есЪ*];
перфектное причастие на *-нь / -нэ*: [-*ны*] ~ [-*на*] (в том числе после переднерядных основ!);
причастие настоящего времени на *-аган / -еген*: [-*аганЪ*] / [-*еггенЪ*];
специфически верховая причастная форма с темпоральным значением на *-типе*: [-*тыбе*];
причастие долженствования на *-малла / -мелле*: [-*малла*] / [-*мелле*];
причастие возможности на *-и* (обычно употребляется в отрицательной форме): [-*и*];
деепричастие на *-са / -се*: [-*за*] ~ [-*са*] / [-*зэ*] ~ [-*сэ*]
и некоторые другие.

Выводы

Итак, чувашский перевод «Дня святой жизни...» представляет собой один из старописьменных памятников чувашского языка середины XIX в., интересных с точки зрения как орфографии, так и стоящих за ней языковых реалий.

Орфография данного памятника довольно сильно отличается от правил, принятых в большинстве других кириллических памятников XVIII—XIX вв., разделяя с ними только наиболее тривиальные

приемы. При этом ряд специфических средств, необходимых в трудных для адаптации к русской графике случаях, по-видимому, унаследован «Днем святой жизни...» от другого памятника — «Начертания...» В. П. Вишневого (1836). К таковым относится, в частности, передача полувзвонких -g- и -y-, соответственно, через [-z-] и [-z-], а также использование диграфа [би̇] для записи анлаутных сочетаний типа «j + неогубленный узкий гласный».

Особенности отражения шумного консонантизма в данном памятнике суммированы в следующей таблице.

Таблица 10

**Основные способы передачи шумных согласных
в чувашском переводе «Дня святой жизни...»**

	анлаут	простой интервокал	гемината	кластер внутри основы	исход глагол. основы	исход имен. основы	начало аффикса	исход аффикса
<i>p</i>	<i>n ~ б¹</i>	<i>б</i>	<i>n ~ nn²</i>	<i>n</i>	<i>б</i>	<i>б ~ n²</i>	<i>б</i>	<i>б</i>
<i>t</i>	<i>m (~ д¹)</i>	<i>д</i>	<i>dm / m³</i>	<i>m</i>	<i>д</i>	<i>m</i>	<i>д</i>	<i>m (~ д²)</i>
<i>k</i>	<i>к</i>	<i>z</i>	<i>к ~ kk²</i>	<i>к</i>	<i>к (~ z²)</i>	<i>к</i>	—	—
<i>χ</i>	<i>х</i>	<i>z</i>	<i>х</i>	<i>х</i>	<i>z (~ x²)</i>	<i>х (~ z²)</i>	—	<i>х (~ z²)</i>
<i>s</i>	<i>с</i>	<i>з</i>	<i>с ~ cc (~ зc⁴)</i>	<i>с</i>	<i>з</i>	<i>с</i>	<i>з</i>	<i>с</i>
<i>ʃ</i>	<i>ш</i>	<i>ж</i>	<i>ш</i>	<i>ш</i>	<i>ж (~ ш)</i>	<i>ш ~ ж</i>	<i>ж</i>	—
<i>ʒ</i>	<i>с'</i>	<i>з'</i>	<i>сс' (~ зс'⁴)</i>	—	<i>зб (~ сb²)</i>	<i>сб ~ зb²</i>	—	<i>сб</i>
<i>č</i>	<i>ч</i>	<i>ч</i>	<i>ч</i>	—	—	—	—	—

Комментарии:

¹ Историческое озвончение в позиции фразового инлаута.

² Взаимозаменяемые варианты.

³ Первый вариант — в позиции между гласными, второй — после сонанта перед гласным.

⁴ Только на стыке морфем.

Примечательная особенность орфографии данного памятника в части, касающейся шумного консонантизма, состоит в том, что здесь сосуществуют два принципа орфографии. С одной стороны, ограниченно используется фонетический принцип: в начале и внутри основы, а также внутри аффиксов отражаются глухие или звонкие варианты, вполне ожидаемые исходя из чувашской фонотактики. Правило озвончения в интервокальной позиции, как правило, действительно и для других позиций, но обратное — глухость шумного там, где это ожидается по фонотактике, — для них неверно. Иными словами, в позициях исхода основы, а также начала или исхода аффикса запись согласных генерализована в соответствии с морфологическим принципом. Общая закономерность такова, что в исходе глагольной основы записывается звонкий согласный, в исходе именной основы — как правило, глухой, в начале аффикса — звонкий, в исходе аффикса — глухой. Отмеченные в таблице колебания при отражении консонантизма («взаимозаменяемые варианты») отчасти могут быть объяснены конкуренцией между указанными орфографическими принципами. К примеру, по умолчанию — в соответствии с принятой орфографией — в исходе чистой глагольной основы записываются звонкие, однако в части случаев все же побеждают глухие отражения, фонетически естественные для данной позиции.

В следующей таблице в общем виде приводятся особенности записи вокализма в рассматриваемом памятнике.

Таблица 11

Основные способы передачи гласных в чувашском переводе «Дня святой жизни...»

	анлаут	прикрытый первый слог	непервые слоги
<i>a</i>	<i>a</i>	<i>a, я^{1,2}</i>	<i>a</i>
<i>e</i>	<i>э</i>	<i>e</i>	<i>e ~ я³</i>
<i>o</i>	<i>o</i>	<i>o, io^{1,2}</i>	—
<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y ~ yb⁴</i>	<i>y</i>
<i>ü</i>	<i>ю ~ iü⁴</i>	<i>ю</i>	<i>ю</i>
<i>i</i>	<i>и ~ би ~ бi̇ ~ би̇⁴</i>	<i>ы, и¹, би̇², y⁵</i>	<i>ы⁶</i>
<i>i</i>	<i>и, i⁷</i>	<i>и, i⁷, би̇⁸, э ~ e⁹</i>	<i>и</i>
<i>ь</i>	<i>и ~ би ~ бi̇ ~ би̇⁴</i>	<i>ы, би̇², y⁵</i>	<i>ы ~ а³</i>

	анлаут	прикрытый первый слог	непервые слоги
ĭ	у	у, о ¹⁰	у
ə	и	и, ъи ² , ъи ⁸	и ~ е ³
ǫ	йу	ю, и ⁵	ю

Комментарии:

¹ После *ʒ*-.

² После *j*-.

³ В ауслaute предпочтителен более открытый гласный, в закрытых слогах употребительны оба варианта.

⁴ Часто взаимозаменяемые варианты, не связанные с фонетическими распределениями.

⁵ Рядом с губными согласными.

⁶ Результат воздействия сингармонистического выравнивания на *-i-* в составе аффиксов.

⁷ Графический вариант перед гласным или йотом.

⁸ После *s*-.

⁹ Возможный архаизм.

¹⁰ После велярных согласных в предударных слогах.

Как видно из таблицы, на отражение гласных влияют, прежде всего, позиция соответствующего слога и консонантное окружение. В части, касающейся вокализма, орфография «Дня святой жизни...» не так сильно отличается от орфографий кириллических памятников XVIII в. Однако в отдельных моментах здесь уже прослеживается путь к яковлевской орфографии (например, [э-] нормализован в качестве регулярного отражения анлаутного *e*-). В сложных случаях здесь использованы орфографические находки из «Начертания...» В. П. Вишневого, которые позднее вышли из употребления.

Благодаря анализу правил орфографии становится возможным вести речь непосредственно об особенностях говора-источника рассматриваемого памятника. Этот говор несет в себе ряд черт, которые традиционно выступают как классифицирующие признаки верхового диалекта чувашского языка: помимо сохранения общечувашского *o, это, например, показатель 2-го лица множественного числа настоящего времени *-attər / -ettər* при стандартно-чувашском *-adər / -edər*.

По совокупности признаков больше всего оснований атрибутировать говор-источник памятника как сундырский, он же «северо-западный» в терминологии А. С. Канюковой. Он занимает северо-запад и юго-запад Чебоксарского района, северо-восток Ядринского района и север Моргаушского района Чувашии [Канюкова 1965: 81]. По современным представлениям, это говор верхового диалекта, лежащий на серьезном субстрате малокарачинского диалекта. Среди признаков сундырского говора, которые позволяют в общем отождествлять его с говором-источником чувашского перевода «Дня святой жизни...», можно назвать следующие:

- 1) стяжение *-iv(ь) > -и-* в тех же словах, что и в памятнике, — например, *су* ‘здоровый’, *џуух* ‘близкий’ (здесь и далее сундырские данные приводятся в кириллической транскрипции А. С. Канюковой);
- 2) появление *-и-* (!) на месте *-i-* после губных согласных: *вур-* ‘жать’;
- 3) развитие *-ĭ- > -o-* после велярных: *холха* ‘ухо’;
- 4) распространенность заднерядных вариантов у тех основ, которые в большинстве говоров имеют переднерядную огласовку: *амал(ь)* ‘лекарство’, *каллях* ‘снава’, *сахат* ‘часы’ и т. п.;
- 5) невыпадение *-r-* на конце основы в тех глаголах, которые в большинстве говоров теряют его при спряжении: *партӓм* ‘(я) дал’ — ср. в памятнике [бӓрче] наряду с [бӓче] ‘(он) дал’;
- 6) сохранение носового сонанта при развитии ПТю *ŋč: *хӓнча* ‘когда’, *минче* ‘сколько’;
- 7) наличие формы дательного-винительного падежа на *-ja / -je*;
- 8) наличие варианта местоимения ‘вы’ *сэр* (= *ser*) наряду с общечувашской формой с дейктическим *e-*;
- 9) местоимение ‘они’ имеет характерный вид *вӓлсам* — ср. запись [вуль зӓмь] в памятнике при литер. *vazet* тж.;
- 10) наличие специфических форм в системе возвратных местоимений: *хусамӓр* ~ литер. *хӓвӓр* ‘вы сами’, *хун* ~ литер. *хӓжӓн* ‘его собственный’, ср. записи из памятника [хузӓмырӓ], [хунӓ].

Отождествление говора-источника памятника с сундырским говором замечательно согласуется с приводимыми в книге указаниями на места, откуда были родом священники, преподнесшие перевод митрополиту. Судя по описаниям, село Акрамово находится непосредственно в зоне распространения сундырского говора, в то время как для более восточного Янгильдино уже нельзя исключать распространения чебоксарского говора. В связи с этим можно сделать обоснованное предположение относительно авторства чувашского перевода «Дня святой жизни...» или, по крайней мере, расписанной его части: из двух кандидатов больше оснований считать главным переводчиком священника Евгения Акрамовского.

Сокращения

Языки и диалекты

азер. — азербайджанский язык	низ. — низовой диалект чувашского языка
верх. — верховой диалект чувашского языка	ПТю — пратюркский язык
диал. — диалектная форма	рус. — русский язык
кыпч. — язык кыпчакской группы	тур. — турецкий язык
литер. — литературный язык	чув. — чувашский язык
МК — малокарачинский говор (диалект) чувашского языка	

Общие

abl — исходный падеж (аблатив)	iter — учащательная форма (итератив)
adv — наречная форма	loc — местный падеж (локатив)
car — лишительный падеж (каритив)	med — медиальный залог
caus — понудительный залог (каузатив)	neg — отрицательная форма
caus./fin. — причинно-целевой падеж (каузалис-финалис)	nom — номинализатор
comit — форма обладания	part — причастие
comp — сравнительная степень	pl — множественное число
cond — сослагательное наклонение	pot — форма возможности
cond.-part. — условно-временное причастие	pres — настоящее время
conv — соединительное деепричастие	pres.-part — причастие настоящего времени
dan — имя, образованное от наречия	pret — простое прошедшее время
dat./acc — дательно-винительный падеж (датов-аккузатив)	pret.-mult — прошедшее многократное время
debt — форма долженствования	prf.-part — перфектное причастие
dnv — отыменный глагол	proh — прохибитив
dvn — отглагольное имя	sg — единственное число
emph — эмфатическая частица	sup — супин
fut — будущее время	term — предельный квазипадеж (терминатив)
gen — притяжательный падеж (генитив)	1 — первое лицо
imp — повелительное наклонение (императив)	2 — второе лицо
inf — инфинитив	3 — третье лицо
instr — совместный падеж (инструменталис)	" — реконструкция фонетического прототипа формы из памятника
int — вопросительная частица	

Литература

- Андреев 1961 — Андреев Н. А. Краткий грамматический очерк чувашского языка // Чувашско-русский словарь / Под ред. Сироткина М. Я. М., 1961. С. 599—630. {*Andreev N.A. A concise grammatical survey of the Chuvash language // Chuvash-Russian dictionary / Ed. Sirotkin M.Ya. M., 1961. P. 599-630.*}
- Ашмарин 1898 — Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань, 1898. {*Ashmarin N.I. Materials for researching the Chuvash language. Kazan, 1898.*}
- Вишневский 1836 — Вишневский В. П. Начертание правил чувашского языка и Словарь, составленные для духовных училищ Казанской епархии. Казань, 1836. {*Vishnevski V.P. An inscription of the Chuvash language rules and a Dictionary, compiled for religious schools of the Kazan diocese. Kazan, 1898.*}
- День 1856 — Постников Г. П. День святой жизни, или ответ на вопрос: как мне жить свято? СПб., 1856. {*Postnikov G.P. A day of a holy life, or an answer to the question of how I can live holy? SPb, 1856.*}
- Канюкова 1965 — Канюкова А. С. Чувашская диалектология. Чебоксары, 1965. {*Kanyukova A.S. Chuvash dialectology. Cheboksary, 1965.*}
- Катехизис 1788 — Краткий катехизис с переводом на чувашский язык. СПб., 1788. A short catechism with the Chuvash language translation. SPb, 1788.
- Конь 1857 — Постников Г. П. Конь святой борнызинь, али Хоравъ идю синэ: еплэ манъ святой борнась? Казань, 1857. {*Postnikov G.P. Конь святой борнызинь, али Хоравъ идю синэ: еплэ манъ святой борнась. Kazan, 1857.*}
- Левитская 1976 — Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. {*Levitskaya L.S. Historical morphology of the Chuvash language. M., 1976.*}

Мудрак 1993 — *Мудрак О. А.* Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. М., 1993. {*Mudrak O.A.* Historical correspondences of Chuvash and Turkic vowels: an attempt of reconstruction and interpretation. M., 1993.}

Мудрак 2011 — *Мудрак О. А.* Некоторые заметки по орфографии и фонетике памятника «Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка» // Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Чебоксары, 2011. С. I—XIV. {*Mudrak O.A.* Some notes on orthography and phonetics of the “Works concerning the Chuvash language grammar” // Works concerning the Chuvash language grammar. Cheboksary, 2011. P. I-XIV.}

Родионов 2004 — *Родионов В. Г.* Виктор Вишневецкий и этапы становления чувашской письменной культуры. Чебоксары, 2004. {*Rodionov V.G.* Victor Vishnevski and stages of development of the Chuvash written culture. Cheboksary, 2004.}

Савельев 2013а — *Савельев А. В.* Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013, 1 (8). С. 34—54. {*Savelyev A.V.* Reflection of the Chuvash dialects vocalism in the “Comparative dictionary” by P.S. Pallas // Ural-Altai studies. 2013, 1 (8). P. 34-54.}

Савельев 2013б — *Савельев А. В.* Фонетические особенности низового диалекта чувашского языка (по данным говоров Нурлатского района Татарстана) // Материалы XIII международной конференции «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа, 2013. С. 105—111. {*Savelyev A.V.* Phonetic features of the Lower dialect of the Chuvash language (based on patois of the Nurlat district in Tatarstan) // Proceedings of the 13th international conference “Current problems of dialectology of the peoples of Russia”. Ufa, 2013. P. 105-111.}

Савельев 2014 — *Савельев А. В.* Отражение диалектных особенностей в старописьменных памятниках чувашского языка XVIII века (на материале Словаря Палласа). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2014. {*Savelyev A.V.* Reflection of the dialect features in early written monuments of the 18th century Chuvash language (based on the Pallas Dictionary). Ph.D. thesis. M., 2014.}

Савельев 2015 — Диалектная основа чувашских материалов в Словаре Палласа // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России. Материалы XV Всероссийской научной конференции. Уфа, 2015. С. 229—233. {*Savelyev A.V.* Dialectal base for the Chuvash material in the Pallas Dictionary // Current problems of dialectology of the peoples of Russia. Proceedings of the 15th national scientific conference. Ufa, 2015. P. 229-233.}

Сергеев 1992 — *Сергеев Л. П.* Чăваш диалектологийĕ: Вĕренĕ пособийĕ. Шупашкар, 1992.

СИГТЯ 1997 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 1997. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Vocabulary / Ed. *Tenishev E. R.* M., 1997.}

СИГТЯ 2002 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / Отв. ред. *Тенишев Э. Р.* М., 2002. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: Regional reconstructions / Ed. *Tenishev E. R.* M., 2002.}

СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / Отв. ред. *Тенишев Э. Р., Дыбо А. В.* М., 2006. {Comparative Historical Grammar of the Turkic Languages: The Proto-Turkic language ancestor language. The Proto-Turkic ethnos' worldview based on language data / Ed. *Tenishev E. R., Dybo A.V.* M., 2006.}

Сочинения 1769 — Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Казань, 1769. {Works concerning the Chuvash language grammar. Kazan, 1769.}

СС 1787 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы. Т. I. СПб., 1787. {*Pallas P.S.* Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the Highest Person. Vol. I. SPb., 1787.}

СС 1789 — *Паллас П. С.* Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницей Всевысочайшей особы. Т. II. СПб., 1789. {*Pallas P.S.* Comparative dictionaries of all languages and dialects, compiled by the right hand of the Highest Person. Vol. II. SPb., 1789.}

СЧЯ — *Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Т. I—XVII. Казань—Чебоксары, 1928—1950. {*Ashmarin N.I.* Dictionary of the Chuvash language. Vol. I-XVII. Kazan—Cheboksary, 1928-1950.}

Успенский 1994 — *Успенский Б. А.* Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд) // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. II. Язык и культура. С. 207—241. {*Uspenski B.A.* Phonetic structure of one of Lomonosov's poems (A historical-philological essay) // *Uspenski B.A.* Selected works. Vol. II. Language and culture. P. 207-241.}

Müller 1759 — *Müller G. F.* Nachricht von dreyen im Gebiete der Stadt Casan wohnhaften heidnischen Völkern, den Tscheremissen, Tschuwaschen und Wotjaken // Sammlung Russischer Geschichte. Bd. III, St. IV. St. Petersburg, 1759.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена крупному памятнику чувашского языка середины XIX в. — переводу проповеди митрополита Григория (Постникова) «День святой жизни, или ответ на вопрос: как мне жить свято?». Подробно разбирается сис-

тема орфографии памятника, которая отчасти наследует «Начертанию...» В. П. Вишневого, а отчасти уникальна для старописьменных памятников чувашского языка. Исследование фонетических и морфологических особенностей языка памятника позволяет произвести географическую локализацию говора, положенного в его основу, как сундырского, что хорошо согласуется с историческими данными (указаниями на места, откуда были родом священники — авторы перевода).

SUMMARY

The article is devoted to a major mid-19th-century text in Chuvash, a translation of a sermon by Metropolitan Gregory (Postnikov) named "A day of a holy life, or an answer to the question of how I can live holy?". The author considers in detail the monument's writing system, which partly comes from "An inscription of the Chuvash language rules and a Dictionary, compiled for religious schools of the Kazan diocese" by V. P. Vishnevsky and partly is unique among those of old-written records in Chuvash. Analysing the phonological and morphological features of the text's language allows to establish that it's based on the Sundyr dialect of Chuvash, which falls in line together with the historical data on where were the priests, authors of the translation, from.

Ключевые слова: чувашский язык, орфография, историческая фонетика, историческая морфология, диалектология

Keywords: Chuvash, orthography, historical phonology, historical morphology, dialectology

Савельев Александр Владиславович, Институт языкознания РАН (Москва); santor.jus@gmail.com

Alexandr V. Savelyev, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); santor.jus@gmail.com

Фонетика чулымско-тюркского языка по записям 70-х годов XX века

Чулымский язык (чулымско-тюркский, устаревшее название — язык чулымских / мелетских / мелецких татар) — язык хакасской подгруппы уйгуро-огузской группы языков, близкородственен хакасскому и шорскому языкам [ЯНР 2002: 250]. Диалекты чулымского языка определяются географически: по нижнему течению Чулыма — нижнечулымский, по среднему — среднечулымский.

Нижнечулымский диалект был распространен от Асиновского района на нижнем течении реки до д. Перевоз Зырянского района на среднем течении (Томская область). По фонетическим особенностям он сближался с говорами томского диалекта сибирских татар и с барабинским языком, в глагольных формах он имел ряд сходжений с кызыльским диалектом хакасского языка; было и своеобразие в лексике [ЯНР 2002: 252]. К настоящему времени диалект исчез [Лемская 2012].

Среднечулымский диалект (тутальский и мелетский говоры) распространен вверх по Чулыму от д. Перевоз Зырянского района Томской области и выше в пределах Красноярского края. В области фонетики в среднечулымском диалекте больше сходжений с шорским языком и с диалектами хакасского языка, в формах глагола и имени также заметны параллели с хакасским языком [ЯНР 2002: 252].

Чулымский этнос сложился на основе местных племен — самодийского (главным образом селькупского) в Томской области и кетского (в Красноярском крае) [Евстигнеев 2003: 130].

В архиве Лаборатории экспериментально-фонетических исследований (ЛЭФИ) им. В. М. Наделяева Института филологии (ИФЛ) СО РАН находятся 11 катушек с записями среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка, которые в 2015 г. были оцифрованы и нарезаны на отдельные слова и фразы А. А. Добрининой (к. ф. н., н. с. ИФЛ СО РАН) и Т. Р. Рыжиковой (к. ф. н., старшим преподавателем Кафедры иностранных языков ИФЛ СО РАН)¹. Всего было записано 11 аудиофайлов длительностью 211 минут 12 секунд. После этого материал по четырем дикторам был выборочно затранскрибирован в двух транскрипционных системах: Универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ) [Наделяев 1960] и Международном фонетическом алфавите (МФА) [Handbook 1999] (цит. по: [Кодзасов, Кривнова 2001]). Предварительно, однако, необходимо было провести сопоставительный анализ этих двух систем, чтобы была корректная передача. Если для консонантных звуков и диакритики такая работа уже проводилась ранее [Уртегешев, Селютина и др. 2009: 100—115], то для гласных это пришлось делать впервые (см. *Табл.*). На эту работу понадобилось немало времени и усилий: системы УУФТ и МФА базируются на разных фонетических характеристиках; первая — на артикуляционной, а вторая — на акустической. Насколько корректно сделано соответствие — покажут время и «несогласные».

УУФТ	МФА	УУФТ	МФА	УУФТ	МФА
i	i	ı̄	i	ш, ь, ı̄, ı̄	ш
y	y	ü	u	u, ü	u
ı	ı	ı̄, ı̄	ı̄	ı̄, ı̄	ı̄
γ	γ	ö	ö	γ, ı̄	γ
e	e	ə	ə	o, ı̄	o
ø	ø	ö	ø	λ, ı̄	λ
ε	ε	ə	ə	ɔ, ı̄	ɔ
œ, æ	œ	з	з	α, α, ı̄, ı̄	α
æ	æ	ö	e	λ, ı̄, v, ı̄	v
a	a	e	e		
ə	e				

К сожалению, для смешаннорядных места не нашлось, т. к. в МФА такого ряда не предусмотрено вообще.

Всего было сделано 750 транскрибов по четырем дикторам-носителям чулымско-тюркского языка.

¹ Эта работа была выполнена по гранту РФФИ № 15-18-00044 «Информационная система для описания малочисленных языков народов мира. Создание описаний алтайских и уральских языков России, находящихся на грани исчезновения».

Диктор № 1 — Тамычева Мария Андреевна, 1931 г. р., уроженка с. Старая Омычьева Шукинского района Красноярского края, с конца 1960-х гг. проживала в Томске. Неграмотная. Русским языком овладела, будучи взрослой.

Контрольная запись погирования программы по гласным среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка проводилась 10.04.1972 г. в ЛЭФИ ИИФ СО АН СССР. Программу составила и записала экспериментатор Р. М. Бирюкович под руководством заведующего ЛЭФИ В. М. Наделяева.

Экспериментатор: Бирюкович Римма Махмудовна.

Ассистенты: Селютина Ираида Яковлевна и Коняева Элеонора Ивановна.

Длительность звучания на первой катушке — 13 минут 57 секунд, на второй — 13 минут 22 секунды. Сделано всего 362 транскриба.

Диктор № 2 — Будеев Василий Михайлович, 1901 г. р., уроженец Старого Шумилова Томской области. Неграмотный. Русским языком овладел, будучи взрослым.

Контрольная запись погирования гласных среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка проводилась 13.04.1972 г. в ЛЭФИ ИИФ СО АН СССР. Программу составила и записала экспериментатор Р. М. Бирюкович под руководством заведующего ЛЭФИ В. М. Наделяева.

Экспериментатор: Бирюкович Римма Махмудовна.

Ассистенты: И. Я. Селютина, Э. И. Коняева.

Длительность звучания — 21 минута 11 секунд. Сделано всего 185 транскрибов.

Диктор № 3 — Будеева Варвара Ивановна, 1908 г. р., неграмотная, домохозяйка, чулымско-тюркским языком владеет с детства, русским — с 23 лет.

Первая запись проводилась в 1973 г.

Экспериментатор: Бирюкович Римма Махмудовна.

Ассистенты: В. М. Наделяев, И. Я. Селютина.

Запись на стометровой ленте. Контрольная запись производилась на магнитофоне «Комета 209» со скоростью 19 сантиметров в секунду.

На одной катушке длительность звучания — 10 минут 56 секунд, на второй — 32 минуты 17 секунд.

Вторая запись — 06.07.1976 г.

Экспериментатор: Бирюкович Римма Махмудовна.

Ассистенты: В. М. Наделяев, И. Я. Селютина.

Длительность звучания — 34 минуты 2 секунды. Сделано всего 11 транскрибов.

Диктор № 4 — Татынкина Анна Трофимовна, 1930 г. р., родом из с. Тарлаган Томской области.

Запись проводилась в июне 1976 г. в с. Тегульдэт Томской области. Контрольная запись производилась на магнитофоне «Комета 209» со скоростью 19 сантиметров в секунду на первой дорожке.

Программу составила и записала экспериментатор Р. М. Бирюкович под руководством заведующего ЛЭФИ В. М. Наделяева.

Значительная часть этих записей была расшифрована и использована для написания кандидатской диссертации «Звуковой строй среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка», защищенной в 1973 г. в Томске [Бирюкович 1973], методического пособия «Звуковой строй чулымско-тюркского языка» [Бирюкович 1979а], «Морфологии чулымско-тюркского языка» в двух частях [Бирюкович 1979б, 1981], а также «Лексики чулымско-тюркского языка. Пособия к спецкурсу» [Бирюкович 1984] и докторской диссертации «Строй чулымско-тюркского языка» [Бирюкович 1980].

После таких работ трудно еще что-то найти и описать в области фонетики, морфологии, грамматики и лексики чулымско-тюркского языка, однако на материале старых записей нами были зафиксированы два фонетических явления, которые не нашли своего отражения в работах Р. М. Бирюкович, — это фарингализация и прерывистость гласных.

1. Фарингализация

В то время, когда расшифровкой и анализом чулымского языка занималась Р. М. Бирюкович (70-е — начало 80-х гг. прошлого века), считалось, что из тюркских языков фарингализация есть только в тувинском языке, и то как реликтовое, отмирающее явление [Щербак 1970: 44; Janhunen 1980: 35]. Но, как показывают исследования последних лет, данное мнение является ошибочным. Фарингализация — это фонетическое явление, которое охватывает почти все тюркские языки [Селютина, Уртегешев и др. 2011, 2012, 2013, 2014].

Лингвистический статус дополнительной фарингализованной артикуляции гласных в тюркских языках Южной Сибири различается функционально: в одних языках в процессе исторического развития

произошла ее фонологизация, в других она реализуется на уровне аллофонного варьирования. Если в тувинском фарингализация — это основной конститутивно-дифференциальный признак гласных фонем, то в тубинском и шорском — релевантный параметр, сопутствующий непоследовательно выраженной долготе гласных. В тофском языке, где сильные согласные фонемы сохранились во всех позициях в слове, фарингализованные гласные являются аллофонами кратких фонем, позиционно-комбинаторно обусловленными соседством сильных консонантов; в кумандинском же, где фонологическая дифференциация кратких и вторичных долгих гласных фонем выражена достаточно контрастно, фарингализация долгих гласных факультативна. В южных диалектах алтайского языка, в том числе и в диалекте алтай-кижи, базовом для литературного языка, фарингализация фиксируется лишь эпизодически, непоследовательно. В барабинско-татарском языке шесть фарингализованных гласных звуков реализуются на уровне аллофонов — комбинаторных и факультативных [Селютина 2005, 2008].

Соматические исследования настроек тувинских фарингализованных гласных [Дамбыра 2005; Селютина, Дамбыра 2008] показали, что фарингализация гласных в тувинском языке осуществляется при сильном напряжении мускулатуры глотки и корня языка. В моносиллабах и в первых слогах полисиллабов реализуется нисходяще-восходящая фарингализация, в непервых слогах полисиллабов — ровная, последовательно ослабевающая к концу словоформы.

В моносиллабах процесс артикулирования тувинских фарингализованных гласных неоднороден — он делится на три фазы. Первая фаза характеризуется сильным сужением (иногда в два раза по сравнению с нефарингализованным коррелятом) и удлинением нижнеглоточного отдела резонатора вследствие сближения стенок фаринкса, оттянутости назад корня языка и отхода гортани вниз. Во второй фазе продуцирования фарингализованного гласного отмечается незначительное плавное расширение фаринкса, гортань слегка приподнимается. В третьей фазе следуют резкий толчок гортани вверх и существенное расширение нижнеглоточной полости. Артикуляция гласного заканчивается сильнонапряженной консонантной преградой (как правило, импловивной), претерпевающей существенное ослабление к концу фонации; изолированное или ауслатное произношение фарингализованного гласного невозможно.

При артикулировании трёхфазовых фарингализованных гласных дополнительная работа глоточного (фарингального) отдела речевого аппарата, заключающаяся на протяжении первых двух фаз в напряженном сближении стенок фаринкса при одновременной оттянутости корня языка назад, детерминирует уменьшение объема нижнего отдела ротово-глоточной полости с соответствующим изменением соотношения объемов переднего и заднего отделов резонатора и обуславливает акустический эффект более низкого напряженного резонирования.

Некоторые специалисты дифференцируют фарингализацию по ее локализации, выделяя нижнюю, среднюю и верхнюю [Мазепус 1994: 65].

Само фонетическое явление фарингализации пока не получило в научной литературе адекватной интерпретации: остается открытым вопрос о его генезисе (палеосибирское явление, сохранившееся в языках как остаточное, или ареальное, свидетельствующее о разновременных и разнохарактерных контактах этносов и их языков на территории Сибири), артикуляторно-акустической природе, функциях [Селютина, Уртегешев и др. 2014: 3].

В чулымско-тюркском языке нами были выявлены разные типы фарингализации: по типу тона, по длительности.

Все эти типы фарингализаций встречаются в сибирских языках, и не только в тюркских, только одни типы доминируют в одних языках, а другие — в других (ср., например, нисходяще-восходящий долгий в тувинском [Дамбыра 2005; Селютина, Уртегешев и др. 2014] и тубинском [Сарбашева 2004] или нисходяще-краткий в шорском [Уртегешев 2012: 41—43], похоже и в чулымском).

Спецификой некоторых типов является то, что они в определенных позиционно-комбинаторных условиях заменяются другими. Так, например, нисходящая краткая фарингализация, оказавшись в открытом слоге, заменяется нисходяще-восходящей долгой, иногда слабо выраженной. В чулымском языке хорошей иллюстрацией является слово ‘конь, мерин’ (здесь и далее: написание словоформы — УУФТ — МФА — значение): *а́ьт / аьт* — $\lambda^{\circ}t^{\prime}$ — $\lambda^{w\acute{s}t^h} / \lambda^{\grave{s}t^{\prime}}$ — $\lambda^{\acute{s}t^h}$, но *ааның аьды* — $\lambda:n\acute{n}\eta \acute{\alpha}:d^{\grave{s}}$ — $\lambda:n\eta\eta \acute{\alpha}:d^{\acute{s}}\eta / \lambda:n\acute{n}\eta \acute{\epsilon}:d^{\grave{s}}$ — $\lambda:n\eta\eta \acute{\alpha}:d^{\acute{s}}\eta$ — ‘конь=его’. Ранее подобное было выявлено для шорского языка [Уртегешев 2012: 41—43]. Нисходящая долгая фарингализация встречается крайне редко, чаще всего это факультативный вариант нисходящей краткой глоттализации. Примером может послужить следующая словоформа из чулымского языка: *сооьк* — $\text{ʒ}^{\circ}o:\acute{q}^{\prime}$ — $so:\acute{s}q^h \sim сооьк$ — $\text{ʒ}^{\circ}o:\acute{q}^{\prime}$ — $so^{\circ}q^h$ — ‘ударь’.

Ровная фарингализация отмечается в словах, в которых выпал в медиали один звук или группа. Данная фарингализация является компенсаторной. Чаще она констатируется в мягкорядных словоформах, характерна для звукотипов «э (е)», «и».

2. Прерывистость гласных

Прерывистость гласных — явление, которое почему-то не находит своего описания для тюркских языков. Исследователи прерывистые гласные описывают как долгие гласные, не выделяя в отдельную группу, хотя это в корне неверно.

Прерывистые гласные — сложные звуки, состоящие из двух однородных вокальных компонентов, разделенных гортанной смычкой [Уртегешев 2012: 41—43]. Они как аффрикаты, только в системе вокализма. Как и аффрикаты, они состоят из нескольких компонентов, которые не представляют из себя отдельные звуки.

Ранее прерывистые гласные на материале чулымско-тюркского языка не выделялись. Например: *тиш* — $tʃʃin$ — $tʃʃin$ — ‘белка’, *тишнар* — $tʃʃin, nar$ — $tʃʃinnar$ — ‘белки’, *тишнарды* — $tʃʃinn, ar, dʃ$ — $tʃʃinnar, dʃ$ — ‘к белкам’, *шурга* — $ʃʃrgʌ$ — $ʃʃrgʌ$ — ‘к вечеру’, *шур шалбоно* — $ʃʃr, ʃʃalbõno$ — $ʃʃrgʌ, ʃʃalbõno$ — ‘Венера, вечерняя звезда’, *со’оқ* — $sõ'õk$ — $so'ok$ — ‘холодный’, *а’ач* — $ʔá'áħç$ — $ʔá'atʃʰ$ — ‘дерево’, *о’ол* — $ʔõ'õl$ — $ʔõ'ol$ — ‘мальчик’, *қаат* — $qáqt$ — $qaat$ — ‘жена’, *сеек* — $s'e'ek$ — $sie'ek$ — ‘комар’, *сеектар* — $s'e'ektar$ — $sie'ektar$ — ‘комары’.

Все прерывистые гласные в чулымском языке вторичного происхождения, возникшего в результате выпадения звука или комбинации звуков в медиали слова, например: *о’ол* — $ʔõ'õl$ — $ʔõ'ol$ — ‘мальчик’ < *oyla* ‘юноша’ [ДТС 1969: 363] или шорское *огл* ‘сын (самостоятельно основа не используется)’; *а’ач* — $ʔá'áħç$ — $ʔá'atʃʰ$ < *агач* (телеутское), *агаиш* (шорское) — ‘дерево’.

Как показывают наши наблюдения, прерывистость гласного — первый этап в развитии вторичного долгого гласного. Второй этап — это переход в ровную фарингализацию, например: *о’ол* — $ʔõ'õl$ — $ʔõ'ol$ > *ооъл* — $õ:1^{\circ}$ — $õ:1 / ʔõ:1$ — $ʔõ:1$ — ‘парень; мальчик’; *сеек* — $s'e'ek$ — $sie'ek$ > *сееък* — $s'e:1^{\circ}$ — $s'e:1^{\circ}$ — ‘комар’. Следующий, третий этап — переход в чистую долготу; завершающий этап (четвертый) — краткость. Последние два этапа в чулымском языке на рассматриваемом материале зафиксированы не были, но их можно наблюдать в говорах других сибирских тюркских языков, например, в речи некоторых групп шорцев Таштагольского района Кемеровской области: *оол* — $ʔõ'õl$ — $ʔõ'ol$ — / — $õ:1^{\circ}$ — $õ:1$ (в большинстве говоров шорского языка) > *ол* — $õ1^{\circ}$ — ol (у небольшой группы) — ‘парень; сын’; *сеек* — $s'e'ek$ — $sie'ek$ / $s'e:1^{\circ}$ — $s'e:1^{\circ}$ (в большинстве говоров шорского языка) > *сек* — $s'e1^{\circ}$ — $siek^h$ (у небольшой группы) — ‘комар’.

Литература

- Бирюкович 1973 — Бирюкович Р. М. Звуковой строй среднечулымского диалекта чулымско-тюркского языка. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 1973. {Biryukovich R.M. Phonetic build of the Middle Chulyum dialect of the Chulyum-Turkic language. Author's abstract of Ph.D. thesis. Tomsk, 1973.}
- Бирюкович 1979а — Бирюкович Р. М. Звуковой строй чулымско-тюркского языка. М., 1979. {Biryukovich R.M. Phonetic build of the Chulyum-Turkic language. M., 1979.}
- Бирюкович 1979б — Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 1. Категория имени существительного (Учебно-методические материалы). М., 1979. {Biryukovich R.M. Morphology of the Chulyum-Turkic language. Part 1. The noun category (Learning and teaching aids). M., 1979.}
- Бирюкович 1980 — Бирюкович Р. М. Строй чулымско-тюркского языка. Дисс. ... докт. филол. наук. М., 1980. {Biryukovich R.M. Build of the Chulyum-Turkic language. D. Litt. thesis. M., 1980.}
- Бирюкович 1981 — Бирюкович Р. М. Морфология чулымско-тюркского языка. Ч. 2. Саратов, 1981. {Biryukovich R.M. Morphology of the Chulyum-Turkic language. Part 2. Saratov, 1981.}
- Бирюкович 1984 — Бирюкович Р. М. Лексика чулымско-тюркского языка. Пособие к спецкурсу. Саратов, 1984. {Biryukovich R.M. Vocabulary of the Chulyum-Turkic language. A guide to the special course. Saratov, 1984.}
- Дамбыра 2005 — Дамбыра И. Д. Вокализм каа-хемского говора в сопоставлении с другими говорами и диалектами тувинского языка. Новосибирск, 2005. {Dambyra I.D. Vocalism of Kaa-Khemsy patois in comparison with other dialects and patois of the Tuvan language. Novosibirsk, 2005.}
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / Ред. Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., Борковкова Т. А., Дмитриева Л. В., Зырин А. А., Кормушин И. В., Летыгина Н. И., Тугушева Л. Ю. Л., 1969. {Old Turkic dictionary / Ed. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M., Borovkova T.A., Dmitrieva L.V., Zyrin A.A., Kormushin I.V., Letyagina N.I., Tugusheva L.Yu. L., 1969.}
- Евстигнеев 2003 — Евстигнеев Ю. А. Российская Федерация. Народы и их подразделения: Краткий этнологический справочник. СПб., 2003. {Evstigneev Yu.A. Russian Federation. Peoples and their classifications: A short ethnological reference book. SPb., 2003.}

Кодзасов, Кривнова 2001 — *Кодзасов С. В., Кривнова О. Ф.* Общая фонетика. М., 2001. {*Kodzason Z.V., Krivnova O.F.* General phonetics. M., 2001.}

Лемская 2012 — *Лемская В. М.* Грамматикализация поливербальных конструкций в чулымско-тюркском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012, 1 (116). С. 60—63. {*Lemskaya V.M.* Grammaticalisation of the multiverbal constructions in the Chulym-Turkic language // Tomsk State Teachers' Training University Bulletin. 2012, 1 (116). P. 60-63.}

Мазепус 1994 — *Мазепус В. В.* Темброво-высотные инварианты теленгитского кая // Мелодии хоомея. Кызыл, 1994. С. 65—66. {*Mazepus V.V.* Timbre and pitch invariants of the Telengit kai // Sounds of Khoomei. Kyzyl, 1993. P. 65-66.}

Наделяев 1960 — *Наделяев В. М.* Проект универсальной унифицированной фонетической транскрипции (УУФТ). М.—Л., 1960. {*Nadelyaev V.M.* Project of the universal unified phonetical transcription (UUPT). M.-L., 1960.}

Сарбашева 2004 — *Сарбашева С. Б.* Фонологическая система туба-диалекта алтайского языка (в сопоставительном аспекте). Новосибирск, 2004. {*Sarbasheva S.B.* Phonological sistem of the Tuba dialect of the Altaic language (in comparative aspect). Novosibirsk, 2004.}

Селютина 2005 — *Селютина И. Я.* Фарингализация в тюркских языках Южной Сибири // Сравнительно-историческое и типологическое изучение языков и культур. Материалы международной конференции XXIV Дульзеновские чтения (22—26 июня 2005 г.). Томск, 2005. С. 163—165. {*Selyutina I.Ya.* Pharyngalization in Turkic languages of Southern Siberia // Comparative-historical and typological studies of languages and cultures. Proceedings of the Dulzon's Readings 24th international conference (22nd-26th of July, 2005). Tomsk, 2005. P. 163-165.}

Селютина 2008 — *Селютина И. Я.* Фарингализация как типологический признак звуковых систем в тюркских языках Южной Сибири // Вестник ВЭГУ: Научный журнал. Филология. 2008, 4 (36). С. 69—75. {*Selyutina I.Ya.* Pharyngalization as a typological quality of the phonetic systems in Turkic languages of Southern Siberia // VESU Bulletin: A scientific journal. Philology. 2008, 4 (36). P. 69-75.}

Селютина, Дамбыра 2008 — *Селютина И. Я., Дамбыра И. Д.* Артикуляторные параметры фарингализации гласных: к проблеме интерпретации // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири. Материалы Международной научно-практической конференции. Новокузнецк, 2008. С. 125—130. {*Selyutina I.Ya., Dambyra I.D.* Articulatory parametrs of the vowels pharyngalization: A problem of interpretation // Historical-cultural interaction of the peoples of Siberia. Proceedings of the International theoretical and practical conference. Novokuznetsk, 2008. P. 125-130.}

Селютина, Уртегешев и др. 2011 — *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летьягин А. Ю., Шевела А. И., Добринина А. А., Эсенбаева Г. А.* Артикуляторные базы тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Новосибирск, 2011. {*Selyutina I.Ya., Urtegeshev N.S., Letyagin A.Yu., Shevela A.I., Dobrinina A.A., Esenbaeva G.A.* Articulatory bases of the Turkic peoples of Southern Siberia (based on MRI and digital x-ray data). Novosibirsk, 2011.}

Селютина, Уртегешев и др. 2012 — *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Летьягин А. Ю., Шевела А. И., Добринина А. А., Эсенбаева Г. А., Савелов А. А., Резакова М. В., Ганенко Ю. А.* Артикуляторные базы коренных тюркских этносов Южной Сибири (по данным МРТ и цифровой рентгенографии). Серия: Интеграционные проекты. Вып. 41. Новосибирск, 2012. {*Selyutina I.Ya., Urtegeshev N.S., Letyagin A.Yu., Shevela A.I., Dobrinina A.A., Esenbaeva G.A.* Articulatory bases of the native Turkic peoples of Southern Siberia (based on MRI and digital x-ray data). Series: integration projects. Is. 41. Novosibirsk, 2012.}

Селютина, Уртегешев и др. 2013 — *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Эсенбаева Г. А., Добринина А. А., Рыжикова Т. Р.* Атлас консонантных артикуляций в тюркских языках народов Сибири. Новосибирск, 2013. {*Selyutina I.Ya., Urtegeshev N.S., Esenbaeva G.A., Dobrinina A.A., Ryzhikova T.R.* Articulatory bases of the Turkic peoples of Southern Siberia (based on MRI and digital x-ray data). Novosibirsk, 2011.}

Селютина, Уртегешев и др. 2014 — *Селютина И. Я., Уртегешев Н. С., Рыжикова Т. Р., Дамбыра И. Д., Кечилоол С. В.* Фарингализация как типологический признак фонологических систем (на материале тюркских языков Южной Сибири). Новосибирск, 2014. {*Selyutina I.Ya., Urtegeshev N.S., Ryzhikova T.R., Dambyra I.D., Kechil-ool S.V.* Pharyngalization as a typological quality of phonological systems (based on data from Turkic languages of Southern Siberia). Novosibirsk, 2014.}

Уртегешев 2012 — *Уртегешев Н. С.* Шорский язык: фарингализация гласных // Материалы международной научной конференции «Тюрко-монгольские народы Центральной Азии: Язык, этническая история и фольклор (К 100-летию со дня рождения В. М. Наделяева)», г. Кызыл, 20—23 мая 2012 г. Абакан, 2012. С. 41—43. {*Urtegeshev N.S.* The Shor language: vowel pharyngalization // Proceedings of the international conference "Turkic-Mongolian peoples of the Central Asia: Language, ethnic history and folklore (in honor of 100 years since birth of V.M. Nadelyaev)", Kyzyl, 20-23 of May 2012. Abakan, 2012. P. 41-43.}

Уртегешев, Селютина и др. 2009 — *Уртегешев Н. С., Селютина И. Я., Эсенбаева Г. А., Рыжикова Т. Р., Добринина А. А.* Фонетические транскрипционные стандарты УУФТ и МФА: система соответствий // Вопросы филологии. Серия: Урало-алтайские исследования. 2009, 1 (1). С. 100—115. {*Urtegeshev N.S., Selyutina I.Ya., Esenbaeva G.A., Ryzhikova T.R., Dobrinina A.A.* Phonetic transcription standarts UUPT and IPA: accordance system // Issues in philology. Series: Ural-Altai studies. 2009, 1 (1). P. 110-115.}

Щербак 1970 — *Щербак А. М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. {*Shcherbak A.M.* Comparative phonetics of the Turkic languages. L., 1970.}

ЯНР 2002 — Языки народов России. Красная книга: Энциклопедический словарь-справочник / Гл. ред. *Нерознак В. П. М.*, 2002. {*Languages of the peoples of Russia. Red list: Encyclopaedic reference dictionary / Ed. Neroznak V.P. M.*, 2002.}

Handbook 1999 — Handbook of the International Phonetic Association: A Guide to the Use of the International Phonetic Alphabet. Cambridge, 1999.

Janhunen 1980 — *Janhunen J.* On glottalization in Sayan Turkic // Bulletin of the Institute for the Study of North Eurasian Cultures. Hokkaido University, 1980. P. 23—41.

РЕЗЮМЕ

В статье описаны результаты новой обработки и анализа архивных акустических записей чулымского языка, сохранившихся в лаборатории ЛЭФИ ИФ СО РАН. Чулымский в настоящее время находится на грани исчезновения; записи 70-х годов XX века отражают значительно лучший уровень владения языком. Основные фонетические особенности чулымского были описаны ранее, но теперь удалось выявить заново две важные характеристики. Впервые на лингвистическом материале по чулымскому языку были выявлены прерывистые и фарингализованные вокальные настройки. Также в статье описаны разные типы фарингализации: по типу тона, по длительности.

SUMMARY

The article describes results of the newly conducted processing and analysis of the archived audio recordings of the Chulym language, which were kept in the Laboratory of Experimental Phonetic Research in RAS Siberian Branch Institute of Philology. Chulym is now at the brink of extinction, and the 1970s records reflect a significantly better level of language knowledge. The main phonetic qualities of Chulym have already been recorded, but two important ones were found. For the first time the intermittent and pharyngealized vocal settings were identified in the Chulym language. Also, the author finds different types of pharyngealization, such as the type of tone and the duration.

Ключевые слова: тюркские языки, чулымский язык, фонетика, прерывистые гласные, фарингализация

Keywords: the Turkic languages, Chulym, phonetics, intermittent vowels, pharyngealization

Уртегешев Николай Сергеевич, Институт филологии СО РАН (Новосибирск); urtegeshev@mail.ru

Nikolay S. Urtegeshev, Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk); urtegeshev@mail.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or `spacing` for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use 'single quotes' for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — Грунина Э. А. Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. Гурвич И. С. М., 1982.

Lessing 1960 — Mongolian-English Dictionary / Ed. Lessing F. Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — Дёрфер Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря // Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — Kiefer F., Gyuris B. Szemantika // A magyar nyelv kézikönyve / Ed. Kiefer F. Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — Nikolaeva I. Agreement and linguistic construal // Uralic languages today / Ed. Fernandez-Vest J. Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — Иллич-Свитыч В. М. Алтайские дентальные: *t, d, δ* // ВЯ. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — Clark L. V. Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // Central Asiatic Journal. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — Doerfer G. Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — Helimski E. База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Как подписаться / How to subscribe

Стоимость журнала по СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1500 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 800 руб.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 1000 руб.;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 500 руб.;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 300 руб.;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 150 руб.

не в странах СНГ

Для организаций:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 89 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 39 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 49 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 29 €.

Агентствам предоставляется скидка 20%.

Для частных лиц:

- годовая стоимость подписки на печатную версию журнала — 69 €;
- годовая стоимость подписки на электронную версию журнала — 29 €;
- стоимость одного печатного номера журнала без подписки — 39 €;
- стоимость одного электронного номера журнала без подписки — 19 €.

Оплатить журнал «Урало-алтайские исследования» можно:

- В ОТДЕЛЕНИИ ЛЮБОГО БАНКА;
- ЧЕРЕЗ СИСТЕМУ PAYPAL.

Порядок оформления подписки или покупки одного номера для частных лиц

Оплата через отделения банка

1. Заполните квитанцию об оплате, перечислите деньги на наш расчетный счет через Сбербанк; в настоящее время принимаются только банковские переводы; квитанцию Сбербанка можно вырезать из последних страниц журнала.
2. Информацию об оплате, почтовый или электронный адрес, по которому следует высылать журнал, отправьте по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. Номера два раза в год будут высылаться заказной бандеролью.

Оплата через систему PAYPAL

1. Если у Вас есть банковская карточка и электронный адрес, зарегистрируйтесь на сайте www.PAYPAL.com.
2. Напишите через систему PAYPAL письмо на электронный адрес jurnaluralaltai@mail.ru с информацией о том, какую именно подписку Вы хотите оформить и какую конкретно сумму перевести в качестве оплаты за подписку.

Порядок оформления подписки для организаций

Отправьте запрос по электронному адресу: jurnaluralaltai@mail.ru.

Внимание!

Стоимость подписки включает в себя почтовые расходы и не включает оплату банковских операций.

**Journal Price
for CIS countries**

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1500 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 800 RUB.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 1000 RUB;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 500 RUB;
- price for a single printed issue without subscription is 300 RUB;
- price for a single electronic issue without subscription is 150 RUB.

outside CIS countries

For organizations:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 89 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 39 €;

- price for a single printed issue without subscription is 49 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 29 €.

Discount for agencies is 20%.

For individuals:

- annual subscription for the printed copy of the journal is 69 €;
- annual subscription for the electronic copy of the journal is 29 €;
- price for a single printed issue without subscription is 39 €;
- price for a single electronic issue without subscription is 19 €.

You can purchase URAL-ALTAIC STUDIES:

- 1) VIA ANY BANK;
- 2) VIA PAYPAL.

How to make a subscription or to purchase a single issue for individuals**Payment via bank transfer**

1. You shall fill the payment receipt, transfer the money to our account via Sberbank. Presently we accept only banking transfer. The Sberbank receipt you can cut out from the last pages of the journal.
2. You shall send your payment details, postal or electronic mail for sending the journal to: jurnaluralaltai@mail.ru.
3. The issues will be sent to you via registered mail biannually.

PayPal payment

1. If you have a credit card and an e-mail you can register at www.paypal.com.
2. Please send us an e-mail to jurnaluralaltai@mail.ru via PAYPAL system, specifying which kind of subscription you need, and what amount of money you are going to transfer as a payment for subscription.

How to make a subscription for an organization

Please send a request to jurnaluralaltai@mail.ru.

Attention!

Subscription price includes postage expenses and does not include banking fees.

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4

Информация о плательщике:

_____
(Ф.И.О., адрес плательщика)

_____
(ИНН налогоплательщика)

№

_____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

Журнал «Урало-алтайские исследования»

год / №	1	2	3	4
2010				

Редакторы
С. И. Переверзева, М. К. Амелина

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editors
Svetlana Pereverzeva, Maria Amelina

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

Co-Published by Gorgias Press LLC
954 River Road Piscataway, NJ 08854 USA
Internet: www.gorgiaspress.com
Email: helpdesk@gorgiaspress.com

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >